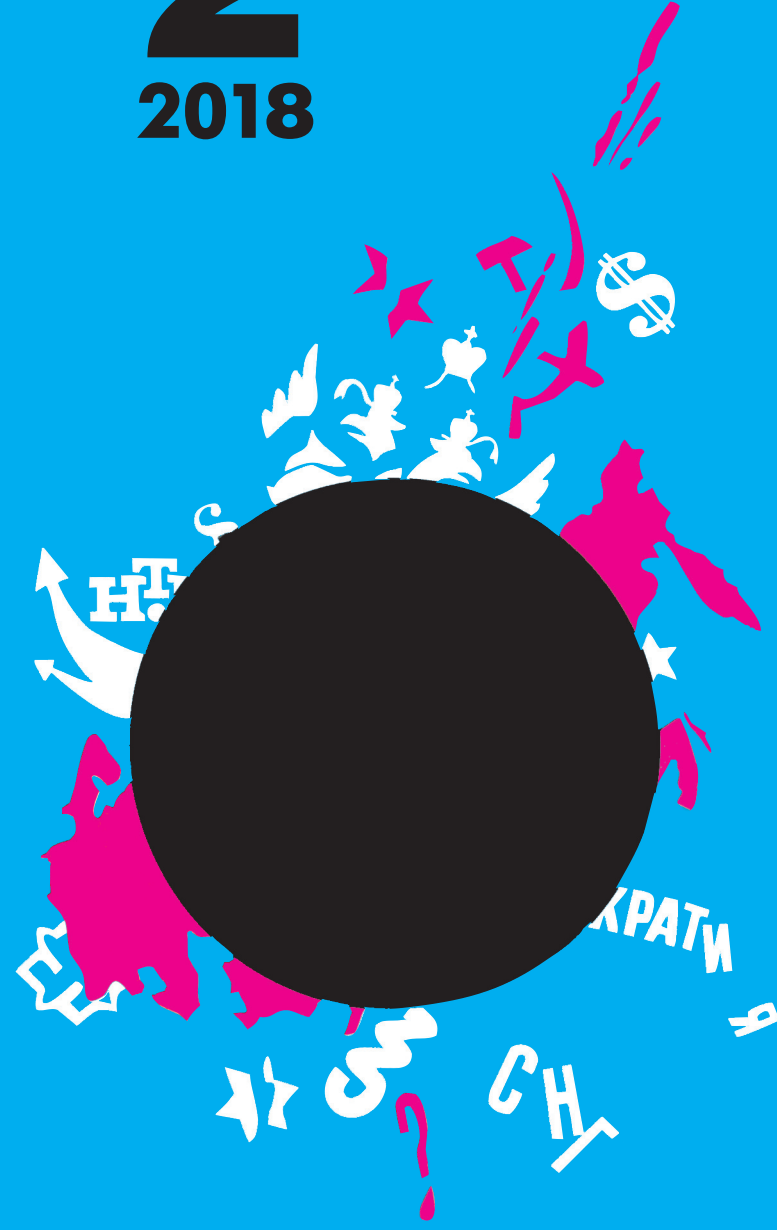

Индекс 39363

2
2018

РОССИЯ XXI 2018 2

РОССИЯ XXI

2.2018 март-апрель

Геоглобалистика

Ваге Давтян

Транспортно-логистические инициативы России
на Южном Кавказе _____ **6**

Оксана Бояркина

Политика ФРГ в сфере управления водными ресурсами
в Центрально-Азиатском регионе _____ **28**

Страницы истории

Олег Романько

Крым в германской «восточной политике»:
основные изменения в контексте оккупаций
1918 и 1941–1944 годов _____ **48**

Дэвид Бранденбергер

О некоторых аспектах
«Ленинградского дела» _____ **66**

Ярлыки и мифы

Владимир Дегоев

Варварский мир глазами античных авторов
(к вопросу об особенностях взаимовосприятия) _____ **80**

Пути духовных исканий

Андрей Каравашкин, Филипп Тараторкин

Современная историография культуры:
история как самосознание
(о книге А.Л.Юрганова «Культурная
история России. Век двадцатый») _____ **102**

Ирина Антонова

Карл Генрих Маркс: от философии
и идеологии к политической экономии
и естествознанию _____ **114**

Актуальный архив

Нина Хайлова

Либерал-центрист В.Д.Кузьмин-Караваев:
«Государство должно идти впереди
граждан, ведя их к праву, правде
и свободе» _____ **136**

Михаил Зеленов

«Следовало бы быстрее опубликовать все
эти письма, как ввиду их огромной
ценности...»: Д.Б.Рязанов
и публикация Маркса. 1931 год _____ **162**

Contents in English look at the page 188

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук,
директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., почетный доктор социологии Саутгемптонского
Университета (Великобритания), чрезвычайный и полномочный посол
в отставке, руководитель Центра Европа–США, Институт Европы РАН,
преподаватель РГГУ;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой новейшей истории России Московского государственного
областного университета, главный специалист «Центра документальных
публикаций» РГАСПИ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры
литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий
научный сотрудник Института научной информации по общественным
наукам РАН;

Либих Андре, профессор истории, Школа международных исследований,
Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный
деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института всеобщей
истории РАН;

Мильков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского
государственного лингвистического университета, директор Института
международных отношений ПГЛУ;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономики
Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий
кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Ковалев М.В.;
Петрова И.Н.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном носителе (MS Word).

Назначение России никогда не являлось
односторонне славянским.

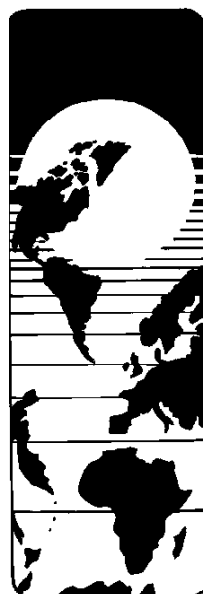
Ей суждена другая, более высокая миссия –
создание особой, невиданной доселе
цивилизации – славяно-азиатской.

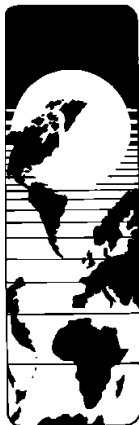
Это вытекает из самого положения России,
которая давно уже не чисто славянская держава.

К.Н.Леонтьев

Экономика есть искусство
удовлетворять безграничные потребности
при помощи ограниченных ресурсов.

Лоренс Питер

Ваге Давтян

ТРАНСПОРТНО- ЛОГИСТИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК

330.552:338.47

Заявленная тема рассматривается в контексте проблемы возобновления железнодорожного сообщения между Арменией и Турцией. Подчеркнута роль России как инициатора возобновления сообщения между странами в 2008–2009 гг. В связи с этим проанализированы особенности разработки проекта создания международного транспортно-логистического центра (МЛЦ) «Ахурян» на армяно-турецкой границе. На основе изучения архивных материалов выявлены исторические предпосылки проекта. Особое внимание уделено функционированию Российских железных дорог в Армении в условиях ограниченных интеграционных возможностей. Обозначены основные технические, экономические и геополитические параметры реализации проекта МЛЦ, обещающего стать важным инструментом геостратегии России на Южном Кавказе.

The main problems of the renewal of the railway communication between Armenia and Turkey are considered. The role of Russia as the initiator of the renewal of communication between the countries in 2008-2009 was revealed. In this regard, the peculiarities of the development of the project of the creation of the international transportation and logistics center (ILC) «Akhuryan» on the Armenian-Turkish border are analyzed. Based on the study of archival materials, the historical prerequisites of the project are revealed. Particular attention is paid to the problems of the functioning of the Russian railways in Armenia due to the limited integration opportunities. The main technical, economic and geopolitical problems of the ILC project are identified.

Ключевые слова: Армения; Турция; железная дорога; логистический центр; Российские железные дороги; интеграция.

Key words: Armenia; Turkey; railway; logistics center; Russian railways; integration.

E-mail: vahedavtyan@yandex.ru

**Южно-Кавказский вектор
российской геостратегии**

Южный Кавказ, обладая значительным, однако не полностью используемым транзитным потенциалом и рассматриваемый многими исследователями в качестве своеобразного

регионального «хартленда», продолжает оставаться в центре геополитических и геоэкономических интересов ключевых акторов международных отношений. Данный интерес – явление вовсе не новое и восходит к XVIII в., когда в борьбе между Россией и Турцией за укрепление статуса черноморской державы сторонами предпринимались вполне прагматичные шаги по укреплению позиций в рассматриваемом регионе. Последний, таким образом, стал восприниматься в качестве стратегически важного пространства, завоевание которого было необходимо для доминирования в черноморском регионе. И если в начале XIX в. регион стал фактически южным флангом российского империализма, а в 20-е годы XX в. был полностью советизирован, то уже после распада СССР заявления о традиционном доминировании России в регионе начали приобретать противоречивый характер. Очевидно, что как в начале 1990-х годов, так и в настоящее время Южный Кавказ продолжает оставаться в сфере внешнеполитических интересов России. Вместе с тем ряд социально-политических и экономических трансформаций, произошедших в южно-кавказских республиках в постсоветский период, вызывает определенный скептицизм в отношении любых попыток одностороннего рассмотрения геополитических процессов, происходящих в регионе.

Заинтересованность России в сохранении и постоянном усилении своих позиций на Южном Кавказе закреплена на концептуальном уровне. Прежде всего, следует сослаться на «Концепцию внешней политики Российской Федерации», в которой постулируется необходимость сохранения стабильности на Южном Кавказе, а также проведения в регионе последовательной интеграционной политики (речь, прежде всего, идет о евразийской интеграции) [6]. Недопущение дестабилизации в регионе является внешнеполитическим приоритетом для России, так как от мира и спокойствия на Южном Кавказе во многом зависит безопасность южных границ России. Более того, нарушение стабильности на Южном Кавказе может иметь мультипликативный эффект и первым делом отразится на стабильности Северного Кавказа. Осознавая все эти риски и угрозы, Россия предпринимает комплексные меры по разреше-

нию ряда так называемых «замороженных конфликтов», стремясь позиционировать себя в качестве гаранта региональной безопасности.

Вместе с тем очевидно, что безопасность – понятие многогранное и многоаспектное, и для успешной реализации указанного геополитического курса необходим многоуровневый подход, включающий в себя, помимо всего прочего, экономический аспект.

Если в XVIII–XIX вв. укрепление позиций на Южном Кавказе обусловливалось стремлением России обеспечить контроль над Черным морем и тем самым выйти на уровень мировой державы, диктующей тенденции мировой экономики, то большевиками Южный Кавказ рассматривался в контексте советизации края, становления его в качестве форпоста мировой революции на Востоке.

Следовательно, можно заключить, что рассматриваемый нами этап можно охарактеризовать как период быстрого взлета и не менее быстрого ослабления влияния царской России в регионе, сменившийся распространением большевистской власти и советизацией закавказских независимых республик. Это привело к беспрецедентному сближению с Турцией, повлекшему за собой ряд договоров и соглашений во многом «уступательного» со стороны Советской России характера: Московский договор (16 марта 1921 г.), Карсский договор (13 октября 1921 г.). Так, с первых дней своего существования Советское правительство провозгласило по отношению к народам Востока, в том числе и Турции, политику дружбы и равноправия сторон.

Особую важность в связи с этим приобрело Севрское мирное соглашение, согласно которому вопрос о черноморских проливах разрешился в пользу империалистических держав. Проливы разоружались, открывались для иностранных военных кораблей всех держав и передавались под управление международной комиссии, которая получала право держать здесь свои войска, полицию, иметь свой флаг и бюджет. Севрский договор, однако, не вступил в силу. Принципы решения вопроса о проливах, отвечавшие интересам как Советской России, так и Турции, были зафиксированы в Московском договоре 1921 года. Следует отметить, что во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Турция предоставляла фашистской Германии возможность использовать проливы в своих целях вопреки неоднократным протестам со стороны СССР и его союзников.

В целом, пребывание Южного Кавказа в составе Советского Союза можно охарактеризовать как период значительного подъема промышленности, укрепления хозяйственных связей, выравнивания уровня со-

циально-экономического развития республик региона, повышения образовательного уровня населения и пр.

Сегодня Южный Кавказ является традиционной сферой противостояния русских и евроатлантических геополитических интересов. Войны за контроль над этим регионом велись на протяжении последних трехсот лет между евразийским и атлантическим полюсами. Как отмечает А.Дугин, смысл позиционной геополитической войны состоял в том, что Россия стремилась выйти к теплым морям, к Югу, к Индии и Индийскому океану, Англия же стремилась всячески противостоять этому. Кавказские войны, Крымская война, а также все русско-турецкие и русско-персидские войны содержали именно этот геополитический смысл. Эта же картина столкновения интересов России и Англии на Кавказе имела в начале 20-го века, а также в постреволюционный период, когда особым значением стал обладать нефтяной фактор как движущий фактор индустриальной цивилизации. В этой перспективе традиционно ключевое значение кавказского региона стало еще более центральным благодаря Каспию, который по своим запасам является вторым после Саудовской Аравии. Евразийско-евроатлантическое противостояние за доминирование над Каспием особенно проявилось в годы холодной войны, и все перестроечные и постперестроечные конфликты в регионе были выражением столкновения двух указанных геополитических сил [5, с.803–804]. С другой стороны, активность евроатлантического блока в государствах Южного Кавказа начала проявляться в первой половине 1990-х годов, когда новые независимые государства региона стали принимать участие в различных партнерских программах НАТО и затем вошли в программу «Партнерство ради мира». При этом институциональная активность НАТО была изначально связана с военными программами США [2, с.401].

Геополитическое измерение транспортной безопасности Армении

Наличие ряда проблем геополитического характера на Южном Кавказе не позволяет говорить о ближайших перспективах полноценной транспортно-логистической интеграции с

участием всех стран региона. Среди таких проблем следует, прежде всего, выделить:

- **конфликт в Нагорном Карабахе** с последующим прекращением движения поездов на железнодорожном участке Ереван–Джульфа–Мегри–Миндживан–Баку;

- **замораживание армяно-турецких отношений** с последующим прекращением движения поездов на железнодорожном участке Баку–Тбилиси–Гюмри–Карс;

- **грузино-абхазский конфликт** с последующим прекращением движения поездов на железнодорожном участке Сочи–Сухуми–Тбилиси–Ереван;

- **конфликт между Грузией и Южной Осетией** с последующим прекращением движения поездов на железнодорожном участке Гори–Цхинвали.

В «Национальной стратегии обеспечения транспортной безопасности Республики Армения» поиск путей выхода из блокады с дальнейшей интеграцией в международные транспортные коридоры (МТК) рассматривается в качестве первоочередной задачи. В связи с этим особо подчеркивается значимость разработки новых альтернативных маршрутов с обеспечением дополнительных инвестиционных потоков, поскольку прогнозируемые объемы осуществляемых по территории Армении грузовых перевозок сегодня не внушают надежд по поводу возможного обеспечения эффективной загруженности магистралей республики [9].

В качестве главных внешних угроз транспортной безопасности Армении в «Стратегии» выделяются:

- *транспортная блокада Армении со стороны Азербайджана и Турции;*
- *недобросовестная конкуренция со стороны зарубежных перевозочных компаний;*
- *игнорирование интересов армянских перевозчиков на международных рынках;*
- *использование армянскими грузоперевозчиками не соответствующих европейским стандартам транспортных средств на международных рынках;*
- *полная зависимость от импортируемого жидкого и газового топлива [9].*

В силу политических разногласий с Азербайджаном и Турцией, Армения располагает весьма скромными возможностями подключения к международным транспортно-логистическим коридорам. Вследствие обострения Карабахского конфликта граница с Азербайджаном была закрыта в 1991 г., а по инициативе Анкары в 1993 г. была закрыта граница с Турцией – государством, всецело поддерживающим азербайджанскую сторону во время указанного конфликта. Следовательно, реа-

лизация проектов, нацеленных на оптимизацию транспортных коридоров, предполагающих использование действующей транспортной системы Армении, представляет собой фактор, способный потенциально увеличить грузооборот республики. В связи с этим выделим два международных транспортно-логистических коридора, включающих в себя транспортные сети Южного Кавказа и, по сути, находящихся в состоянии конкуренции между собой.

TRASECA – транспортный коридор, лоббируемый со стороны ЕС, проходит по маршруту Европа–Кавказ–Азия и содержит инфраструктуры 13 стран. Главная идея, заложенная в данный проект, заключается в возрождении легендарного исторического маршрута – Великого Шелкового пути. Коридор берет свое начало в странах Восточной Европы (Болгария, Румыния, Украина) и пересекает территорию Турции. Далее маршрут следует через Черное море к грузинским портам Поти и Батуми, затем подключается к транспортной сети Южного Кавказа с использованием сухопутного сообщения из Турции. Согласно проекту, через каспийские паромные переправы Баку–Туркменбаши и Баку–Актау коридор TRASECA выходит на железнодорожные сети Центральной Азии, в частности Туркменистана и Казахстана, транспортные системы которых связаны с соседними Узбекистаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и достигают Китая и Афганистана [18, с.11].

«Север–Юг» (инициирован Россией) призван диверсифицировать транспортные маршруты, связывающие Северную Европу с Азией, и, таким образом, вступает в прямую конкуренцию с TRASECA – проектом, преследующим геополитическую цель формирования транспортных маршрутов в обход России. Межправительственное соглашение о создании МТК «Север–Юг» было подписано Россией, Ираном, Индией в ходе второй Евроазиатской конференции по транспорту 12 сентября 2000 г. в Санкт-Петербурге [8]. В 2001 г. Соглашение было ратифицировано Индией и Ираном, а в 2002 г. – Россией. В том же 2002 г. министрами транспорта стран-участниц МТК был подписан протокол об официальном открытии коридора. В дальнейшем к Соглашению присоединились Армения, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Сирия и Оман.

Усугубляющаяся транспортная блокада Армении и отсутствие возможности прямого участия в TRASECA в конечном итоге делает страну более уязвимой, так как препятствует полноценному развитию внутрен-

них инфраструктур в соответствии с международными нормами и, как следствие, повышению уровня безопасности при их эксплуатации. Если же будут найдены пути прямой интеграции Армении в TRACECA, это может обеспечить привлечение международного капитала в страну, что, в свою очередь, повысит ее стратегическую значимость как экономического партнера, возведет ее в статус полноценного участника международного транспортного рынка и создаст дополнительные инструменты обеспечения безопасности при наличии внешних угроз.

Отсутствие транспортных коммуникаций между Грузией и Абхазией не позволяет сегодня России осуществить проект Транскавказской железной дороги (Россия–Абхазия–Грузия–Армения) в рамках коридора «Север–Юг». Последнее приводит к постепенной деактуализации возможного участия Армении в МТК «Север–Юг» и демонстрирует ее прямую зависимость от геополитической конъюнктуры на Южном Кавказе. Таким образом, обладая географически благоприятным расположением для МТК «Север–Юг», Армения лишена возможности использования своего транзитного потенциала, что негативно сказывается на экономической активности страны и значительно сужает ее интеграционные возможности.

**Концессионная инициатива
России**

В феврале 2008 г. был подписан концессионный договор о передаче системы железнодорожного транспорта республики в управление ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога» (100%-ное дочернее предприятие ОАО «РЖД»). Согласно договору, срок концессионного управления составил 30 лет с правом пролонгации еще на 10 лет [7]. В качестве главных задач новоиспеченная компания объявила о модернизации инфраструктуры железной дороги Армении, развитии сотрудничества с сопредельными государствами, внутривнутриреспубликанского и международного пассажирского и грузового сообщения. Инвестиции, осуществляемые компанией, были определены в размере 572 млн долл. с инвестиционными обязательствами в размере 220 млн долл. в течение первых пяти лет. Российской компании было передано более 2 тыс. грузовых и 58 пассажирских вагонов, 85 локомотивов и 30 секций электропоездов [13].

ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

В 2009 г., в связи с активизацией диалога между Арменией и Турцией по возобновлению дипломатических отношений, железнодорожный оператор Армении – ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога», принял решение о создании дочернего предприятия для организации Международного логистического центра (МЛЦ). В качестве задач центра отмечалось формирование системы организации перевозок по наиболее оптимальному маршруту в кратчайшие сроки с минимальными затратами, а также с минимальным вредом для объекта доставки. Такое целеполагание исходило не только из геополитических соображений (о чем свидетельствовало изменение названия «Армянская железная дорога» на «Южно-Кавказскую»), но также из коммерческих интересов российского концессионера, по сей день имеющего проблему некупаемости инвестиций. Достаточно отметить, что ввиду финансово-экономических проблем удельный вес железнодорожного транспорта в общем объеме грузовых перевозок составляет всего 12%. (рис. 1).

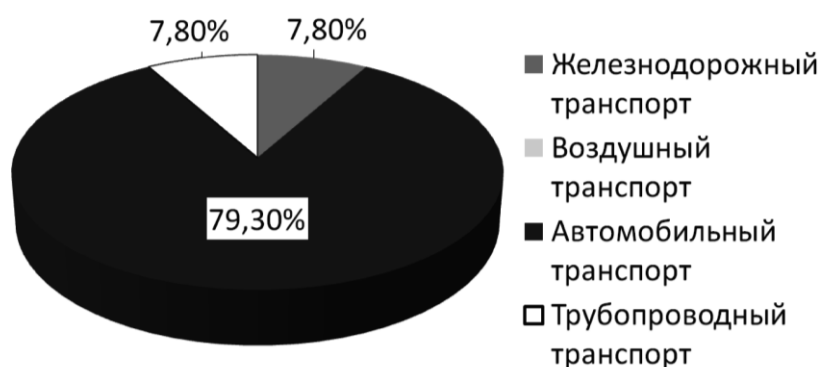

Рис. 1. Структура транспортных перевозок в Армении за 2016 г. [10]

Что касается объема пассажирских перевозок, то здесь негативные тенденции также налицо (см. таблицу) [10].

Объем пассажирских перевозок, 1000 чел.	2014	2015	2016
Всего	225 761.0	208 941.4	206 277.6
Железнодорожный транспорт	375.2	346.3	352.0
Автомобильный транспорт	201 915.2	185 333.7	182 617.6
Воздушный транспорт	2 083.0	1 919.0	2 117.8
Электротранспорт	21 387.6	21 342.4	21 190.2

Очевидно, что, исходя из подобных показателей и в условиях крупных инвестиционных обязательств, российская компания была крайне заинтересована в интеграционных процессах, что позволило бы ей использовать железнодорожный потенциал Армении. В связи с этим отметим, что на железной дороге Армении имеются всего четыре стыковые станции: Айрум–Садахло (Грузия), Ахурян–Догукapi (Турция), Ерасх–Велидаг (Азербайджан) и Иджеван–Бархударли (Азербайджан). Из них лишь первая (Айрум–Садахло) находится в эксплуатации. Однако с учетом напряженности в российско-грузинских отношениях, пик которых пришелся как раз на 2008 г. (год подписания концессионного договора), выход армянских грузов на внешние рынки, а также импортные операции зачастую сопрягались с некоторыми проблемами, имеющими политический контекст. Так, передача армянской железной дороги в управление ОАО «РЖД» сразу повлекла за собой отмену скидки в размере 17% на перевозку армянских грузов по территории Грузии, в то время как на транзитные перевозки азербайджанских грузов скидка доходила до 50% [16].

Объем инвестиций в создание МЛЦ, по экспертным данным, должен был составить 9,1 млн долл. США по базовому сценарию, 7,6 млн долл. США по минимальному сценарию и 11,1 млн долл. США по максимальному сценарию. Предполагалось, что создание МЛЦ привлечет в Армению международные транзитные грузы за счет развития сухопутной ветки международного транспортного коридора TRASECA (транспортный коридор Европа–Кавказ–Азия), а также повысит привлекательность Армении как страны-транзитера при строительстве железнодорожной ветки Ванадзор–Фиолетово (северная Армения). Отметим, что проектирование участка Ванадзор–Фиолетово началось в 1980-е годы. Линия протяженностью 32 км может стать частью международного маршрута «Восток–Запад». Предполагается, что строительство ветки позволит соединить железнодорожное направление Иджеван–Раздан–Ереван с направлением Тбилиси–Айрум–Гюмри–Масис, что существенно сократит длительность внутри-республиканских и межгосударственных перевозок. Реализация данного проекта приведет к понижению тарифного расстояния, сокращению сроков доставки грузов в местном и международном сообщении, формированию международного транспортного коридора «Европа–Кавказ–Азия» через Армению. Строительство этой линии даст несколько ощутимых преимуществ. В первую очередь, Армения получит круговое железнодорожное движение, т.е. республика будет иметь замкнутое железнодорожное кольцо. Другим фак-

тором, подчеркивающим важность этого проекта, является то, что в случае разблокирования железнодорожного сообщения на линии Карс–Гюмри железная дорога Гюмри–Ванадзор–Фиолетово–Казах (Азербайджан) позволит намного сократить путь транзита из Турции в Азербайджан [1]. Инвестиции, необходимые для строительства железнодорожной ветки, оценивались в 200–250 млн долл. США.

Согласно базовому сценарию реализации проекта МЛЦ, ожидалось, что логистический центр сможет обслуживать от 215,5 тыс. тонн грузов в 2012 г. до 311,6 тыс. тонн грузов в 2021 г. По самым минимальным прогнозам, этот показатель должен был составить от 87,3 тыс. тонн в 2012 г. до 118,4 тыс. тонн в 2021 г., а по максимальным оценкам – от 1113,7 тыс. тонн грузов в 2012 г. до 1618,4 тыс. тонн в 2021 г. [3]

И хотя процесс урегулирования армяно-турецких отношений очень скоро зашел в тупик, а знаменитые «цюрихские протоколы» так и не были ратифицированы парламентами стран, проект МЛЦ «Ахурян» по сей день сохраняет свою актуальность в контексте транспортной диверсификации Армении.

Исторические предпосылки

Пограничная станция Ахурян является одной из старейших ж.д. станций Армении. На рубеже XIX–XX вв. по этой ж.д. ветке осуществлялось снабжение оружием и продо-

вольствием российской армии, участвовавшей в военных конфликтах в регионе. Габариты колеи, инженерных сооружений (мостов и тоннелей) соответствовали российским стандартам до ст. Эрзерум, далее – европейским стандартам. Впоследствии на участке Эрзерум–Карс–Догукапы ж.д. пути были заменены на узкую европейскую колею (1435 мм).

9 июля 1922 г. была подписана советско-турецкая железнодорожная Конвенция, направленная на развитие прямого железнодорожного сообщения для перевозки пассажиров, багажа и грузов. Тогда же было решено, что до создания пограничной станции на территории Турецкой Республики пограничная станция Ахурян железных дорог СССР будет использоваться для выполнения операций по сдаче и приему [11, ф.326, оп.5, д.12, л.9–11].

Вплоть до развала Советского Союза и консервации прекращения железнодорожного сообщения между Арменией и Турцией в 1993 г. ж.д. станция Ахурян играла ключевую роль для грузопотоков как из Турции, так и в Турцию. В 1984 г. турецкая сторона информировала,

что работы по увеличению перерабатывающей способности пограничной станции Догукапы завершены. Для этой станции был выделен кран грузоподъемностью 10 тонн, а в дальнейшем в ее распоряжение был передан также порталный кран. Перерабатывающая способность станции в рассматриваемый период времени составляла 150000 тонн в год, а с порталным краном она превысила 300000 тонн в год. Советская сторона информировала турецкие власти о том, что проведены работы по увеличению провозной и перерабатывающей способности станции Ахурян и что техническое состояние станции позволяет перерабатывать 300000 тонн в год.

В целом, пик железнодорожных коммуникаций между СССР и Турцией выпадает на 1980-е годы. В 1982 г. из СССР в Турцию (включая транзит) было передано 28055 тонн грузов, а из Турции в СССР (включая транзит) – 25128 тонн; в 1983 г. из СССР в Турцию (включая транзит) было передано 8000 тонн, а из Турции в СССР – 19100 тонн [12, ф.326, оп.5, д.20, л.100–101].

С 11 октября 1961 г. действовало соглашение между правительствами СССР и Турции о прямом советско-турецком железнодорожном сообщении. С этого периода Ахурян активно развивался как приграничная станция. Количество веток на станции доросло до 10, длина путей – до 14 километров. В работе станции было задействовано порядка 100 человек. В период 1984–1992 гг. грузооборот станции составлял 65–180 тыс. тонн в год. К 1993 году был введен в эксплуатацию кран для смены колесных пар, рассчитанный на замену 7 вагонов одновременно. В резерве станции находилось 580–600 колес для 150 вагонов. Однако на кране успели заменить колесные пары лишь одного вагона, после чего сообщение на ветке Карс–Гюмри было прекращено. Эксплуатационная деятельность на станции не ведется с 12 июля 1993 г. после закрытия границы в одностороннем порядке со стороны Турции. С 1984 г. ежегодный оборот станции в две стороны составлял от 65 тыс. тонн. В 1989 г. был зафиксирован пик – 180 тыс. тонн (партия гуманитарного груза для Афганистана). В 1991 г. грузооборот составил 147 тыс. тонн, в 1992 году – 90 тыс. тонн. За первые 6 месяцев 1993 г., до момента прекращения железнодорожного сообщения, оборот составил 42 тыс. тонн.

Отметим, что из-за обострения Карабахского конфликта граница с Азербайджаном была закрыта в 1991 г. Вслед за этим по инициативе Анкары в 1993 г. была закрыта граница с Турцией – государством, всецело поддерживающим азербайджанскую сторону во время конфликта.

В силу различий в ширине колеи основной деятельностью станции была перевалка грузов с вагонов с тележками для колеи 1435 мм в вагоны с тележками для колеи 1520 мм. Обработка грузов на станции осуществлялась вручную. Со стороны Турции составы маневровым локомотивом подавались на приемо-отправочные пути колеи 1435 мм парков №2 и №3. Далее осуществлялась перегрузка грузов в вагоны с тележками для российской колеи 1520 мм [3].

Техническая характеристика ст. Ахурян и функции МЛЦ

Железнодорожная станция Ахурян-1 армянской железной дороги территориально расположена в области Ширак на северо-западе страны. Станция является стыковой (пограничной) на ветке Гюмри (Армения) – Карс (Турция). Расстояние от ст. Ахурян-1 до ст. Гюмри составляет 20 км; до границы с Турцией – 20 км. Прилегающие к станции перегоны однопутные с шириной колеи 1520 мм (Ахурян–Гюмри) и 1435 мм (Ахурян–Догуканы). На расстоянии 3 км в сторону границы расположена станция Ахурян-2 с пограничным постом. По характеру работы ст. Ахурян-1 является грузовой станцией. Все пути станции не электрифицированы и не оборудованы устройствами автоматической локомотивной сигнализации и централизации стрелок. Станционные пути представлены тремя парками:

• парк №1: 10 путей колеи 1520 мм со средней полезной длиной 420–588 м и вместимостью 28–42 условных вагона;

• парк №2: 2 пути колеи 1435 мм и 1 путь колеи 1520 мм со средней полезной длиной 224–336 м и вместимостью 16–24 условных вагона;

• парк №3: 4 пути колеи 1520 мм со средней полезной длиной 300–330 м и вместимостью 21–23 условных вагона [3].

Развитие мировой промышленности предполагает естественную потребность в ускорении и упрощении процесса доставки товаров конечному потребителю. Логистический центр – это организация, оказывающая услуги, связанные с управлением грузопотоками. Региональные логистические центры, как правило, специализируются на массовой переработке грузов по заказам различных фирм и оказании сопутствующих услуг. Благодаря массовости операций, их себестоимость получается низкой. Следовательно, тарифы на них могут быть вполне приемлемыми для потребителей. Некоторые компании,

чтобы не нести значительных затрат на содержание собственных подразделений, отказываются от них и предпочитают заключать договоры с логистическими центрами.

Логистические центры выгодно размещать в местах пересечения транспортных путей и недалеко от крупных потребителей или производителей товаров, так как это позволяет существенно уменьшить транспортные расходы. В настоящее время во всех развитых странах почти весь оборот внешней торговли (импорт и экспорт), а также большая часть внутреннего товарооборота осуществляются через региональные логистические центры. К основным задачам логистического центра относится повышение согласованности работы разных видов транспорта в организации смешанных и интермодальных перевозок; надлежащая организация комплексного транспортного обслуживания клиентов; расширение видов оказываемых услуг и повышение их качества. Помимо этого, специалисты логистического центра должны непрерывно работать в направлении привлечения дополнительных объемов перевозок транзитных грузов; сокращения времени их доставки из-за уменьшения простоев на пунктах перевалки грузов на другие виды транспорта и на пограничных переходах; расширения международного сотрудничества. Логистический центр должен обеспечить реализацию новых видов услуг и удовлетворение повышенных требований пользователей транспортных услуг к комплексности и качеству обслуживания [19, с.4–5].

Согласно бизнес-плану создания МЛЦ на ст. Ахурян, основные функции логистического центра были разделены на три группы:

- *организация логистических цепочек, заключение комплексных договоров с клиентами на доставку грузов и осуществление сопутствующих операций, связанных с перевозкой, в том числе нетранспортных логистических операций (таможенная очистка и другие);*
- *обеспечение информационного взаимодействия с иностранными железными дорогами и другими иностранными участниками логистических цепочек; маркетинговые исследования рынка, предоставление клиентам справочной информации и т.д.;*
- *контроль за выполнением логистических цепочек, транспортных и других операций, возникающих на пути следования грузов, а также оперативный анализ нарушений согласованного графика перевозки грузов и выработка совместно с поставщиками услуг предложений по ликвидации или минимизации последствий сбоя логистической цепочки [3].*

**МЛЦ «Ахурян»
и перспективы использования
железнодорожной дороги Карс–Гюмри**

В настоящее время рынок транспортно-логистических услуг Армении находится на начальной стадии развития и слабо структурирован. Экономические подсчеты показыва-

ют, что разблокирование границ приведет к росту валового внутреннего продукта (ВВП) на 30% и значительному сокращению торгового дефицита в Армении [15]. Согласно подсчетам экспертов, из-за закрытой границы Армения ежегодно теряет около полумиллиарда долларов, но даже в этих условиях армяно-турецкий товарооборот, осуществляемый через третьи страны, составляет порядка 160 миллионов долларов. Также со ссылкой на экспертов Всемирного банка отметим, что вследствие блокады Армении со стороны Турции и Азербайджана ВВП Армении почти на 40% меньше потенциально возможного уровня. Целесообразность открытия границы для Армении, в первую очередь, определяется тем, что должны значительно сократиться расходы и время на транспортировку грузов в Турцию и далее в Европу и обратно, следовательно, должен существенно возрасти торговый оборот между странами.

Сегодня торговый путь, по которому происходит экспорт товаров из Армении в Турцию, подразумевает сначала транспортировку продукции по железной дороге в Грузию до портов Поти и Батуми, где осуществляется первая перевалка грузов, затем морскую перевозку грузов до турецких портов Самсун, Эскендерун и Мерсин, откуда после повторной перевалки грузов на железнодорожный транспорт происходит дальнейшая транспортировка грузов в Турцию. Соответственно, в обратном порядке происходит движение товаров, экспортируемых из Турции в Армению.

Открытие железнодорожной ветки Карс–Гюмри подразумевает, что грузы, экспортируемые из Армении в Турцию, будут довозиться до станции Ахурян с дальнейшей их перевалкой, складированием и таможенной очисткой за счет ресурсов МЛЦ, затем они будут направляться железнодорожным транспортом непосредственно в Турцию до мест приемки продукции покупателями. Таким образом, открытие армяно-турецкой границы означает установление прямого сообщения между Арменией и Турцией, обеспечивающего сокращение времени и стоимости транспортировки грузов за счет сокращения расстояния транспортировки, исключения из логистической цепочки Грузии как страны-транзитера и отсутствия необходимости двойной перевалки с железнодорожного транспорта на морской.

С учетом вышеназванной причины цены на турецкие товары, которые сейчас ввозятся в Армению через территорию Грузии, также должны снизиться, что подчеркивает обоюдную заинтересованность Армении и Турции в открытии границы. В то же время распространено мнение, что экономика Армении, приспособленная к продолжительной блокаде, может не выдержать притока большого объема зарубежных товаров и местные производители рискуют обанкротиться, не выдержав конкуренции. Однако в долгосрочной перспективе возросшая конкуренция будет способствовать переосмыслению местными производителями своей стратегии поведения на рынке в сторону повышения качества выпускаемой продукции, что увеличит конкурентоспособность армянских товаров как внутри страны, так и за ее пределами.

Диверсификация транспортных путей позволит Армении изменить имеющийся в настоящее время низкий уровень экспорта некоторых товаров, по которым степень самообеспечения достаточно высока. В частности, по данным официальной статистики, к таковым можно отнести товарные группы «овощи», «фрукты» (89,4%), «картофель» (99%), «молочные продукты», кроме группы «сливочное масло» (96,5%), «яйца» (99,3%), «говядина» (84,7%), «свинина» (54,3%), а также «баранина и козлятина» (100%) [10]. Кроме того, Армения, как член ВТО, может воспользоваться своим правом выхода к морю, а Турция, будучи членом той же Организации, обязана предоставить ей этот выход.

Таким образом, открытие границы между странами, а также возобновление железнодорожного сообщения между ними в экономическом отношении являются обоюдно выгодным мероприятием, так как существующий спрос на экспортируемые странами товары в силу транспортной блокады не является полностью удовлетворяемым.

В случае использования железнодорожной ветки Карс–Гюмри для грузовых перевозок возникнет спрос на логистические услуги со стороны грузоотправителей, пользующихся транспортным коридором Армения–Турция. Рынок логистических услуг Армении, находящийся в настоящее время на начальной стадии своего развития, в случае активизации торговой деятельности в регионе станет привлекательным для потенциальных поставщиков данных услуг в силу низкого уровня конкуренции и низких барьеров по входу на данный рынок.

Оказание логистических услуг, не будучи высокотехнологичной отраслью экономики, не требует приобретения дорогостоящих специальных активов, следовательно, данный вид экономической деятельности не требует особо высоких капитальных вложений, которые зачастую являются первостепенным барьером входа на новый рынок.

В частности, что касается непосредственно МЛЦ, то его учредители (российское ЗАО «ЮКЖД» и армянское ООО «Метэксим») для организации деятельности международного логистического центра приняли решение о создании таможенного терминала на базе станции Ахурян и его вводе в эксплуатацию в течение шести месяцев после возобновления железнодорожного сообщения между Арменией и Турцией. Кроме того, для обеспечения деятельности МЛЦ его учредители пришли к согласию осуществить за счет собственных средств строительно-восстановительные работы, модернизацию зданий, сооружений на территории станции Ахурян и приобретение необходимого оборудования и техники [17].

Конкурентоспособность продукции в современной хозяйственной практике в большой степени определяется не только собственно качеством ее потребительских свойств, но и в том числе качеством и удобством поставки. Поэтому коммерчески прогрессивные компании-поставщики стремятся минимизировать издержки покупателя, связанные с транспортировкой продукции. Отсюда следует, что потенциальными клиентами МЛЦ являются в большей степени грузоотправители, нежели грузополучатели. Основными странами-партнерами в импорте Армении являются Россия, Украина, Германия, Китай, Франция, США, Иран, Турция, Австрия, Бельгия.

Специфика проекта по созданию МЛЦ на железнодорожной станции Ахурян, заключающаяся в том, что первостепенной задачей создания МЛЦ является загрузка транспортного коридора TRASECA, свидетельствует о том, что основными потенциальными клиентами МЛЦ являются компании, осуществляющие перевозки грузов в процессе экспортно-импортных операций.

Согласно статистике, основными видами продукции в рамках армянской экономики, востребованной на внешнем рынке, являются:

- *строительные материалы (в т.ч. цемент);*
- *лом металлов;*
- *металлические концентраты.*

Обратимся к географии армянского экспорта за 2014–2016 гг. (рис.2)

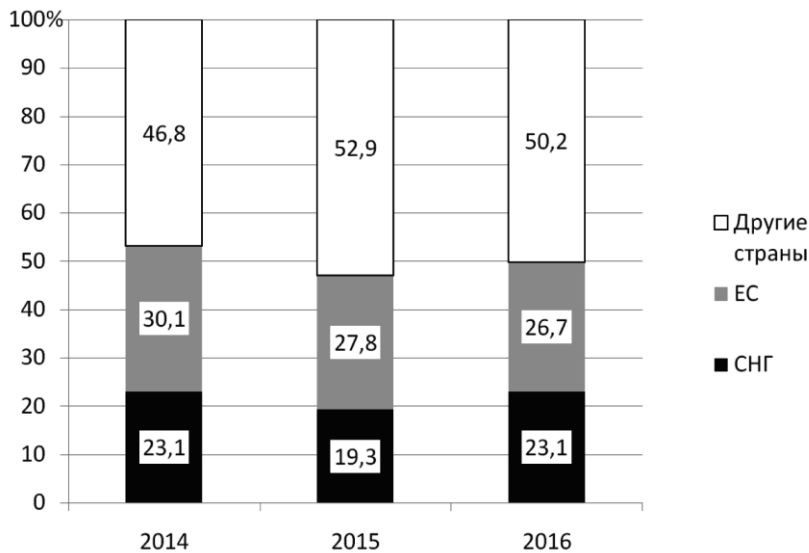

Рис. 2. География экспорта товаров из Армении [10]

Несмотря на сложности, возникшие на рынке металлических концентратов наряду с проявлением мирового финансового кризиса, основной потенциал экспорта Армении заключен именно в вышеназванных видах продукции, следовательно, поставщики именно этих видов продукции являются основными потенциальными клиентами МЛЦ, работающими на экспорт. Однако, помимо производителей, возможными клиентами МЛЦ являются также транспортные компании, которые осуществляют услуги по перевозке грузов. В силу того, что МЛЦ будет организован на базе железнодорожной станции Ахурян, основными потенциальными клиентами из сегмента транспортных компаний являются преимущественно те компании, которые осуществляют перевозки железнодорожным транспортом. Вместе с тем необходимо отметить, что транспортные компании, оказывающие экспедиционные услуги, являются в то же время и потенциальными конкурентами МЛЦ.

Что касается потенциальных клиентов, занимающихся ввозом продукции в Армению, то необходимо отметить, что, во-первых, как и было сказано, к этой группе клиентов можно отнести транспортные компании, оказывающие услуги по доставке грузов из-за рубежа; во-вторых,

заказ на услуги МЛЦ возможен также от зарубежных компаний тех отраслей, продукция которых импортируется в Армению.

Обратимся к географии импорта Армении за 2014–2016 гг. (рис. 3)

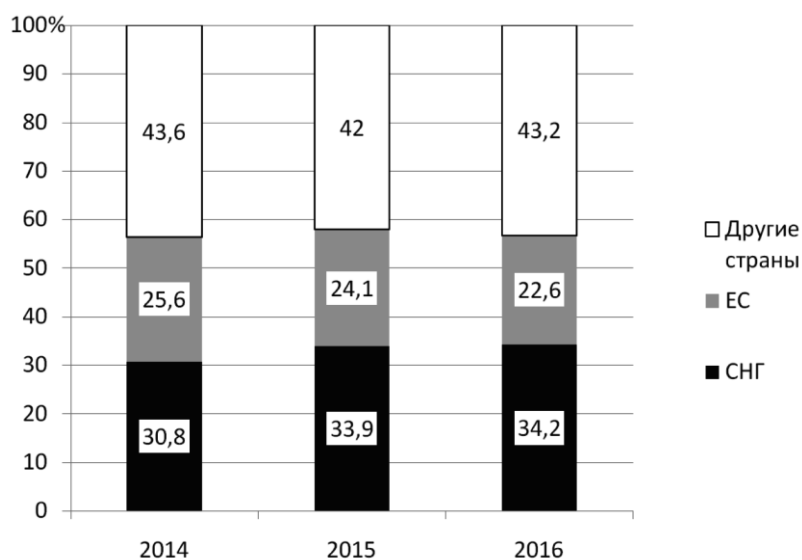

Рис. 3 География импорта товаров Армении [10]

Отметим, что основными видами грузов, импортируемых в Армению железнодорожным транспортом, являются:

- сахар;
- зерновые грузы,
- нефтеналивные грузы,
- минеральные удобрения,
- металлы.

Железная дорога Баку–Тбилиси–Карс как препятствие для МЛЦ «Ахурян»

30 октября 2017 г. состоялась официальная церемония открытия железнодорожного сообщения Баку–Тбилиси–Карс (БТК). Общая протяженность БТК составила 826 км.

Предполагается, что на начальном этапе эксплуатации объем перевозок на железной дороге БТК составит порядка 1–1.2 млн пассажиров и 5–6.5 млн т грузов в год, а к 2034 г., при продлении маршрутов до Китая и

Европы, может составить 3–7.8 млн пассажиров и 15–21.5 млн т грузов в год [14, с.80]. При этом после введения в эксплуатацию БТК ожидается существенный рост торговли между Азербайджаном, Грузией и Турцией (до 10 млрд долл. США).

Главная задача БТК – использование грузинского коридора с целью налаживания устойчивых транспортных коммуникаций между Турцией и Азербайджаном. В качестве логического продолжения стороны рассматривают восстановление движения на линии Карс–Нахичевань, что позволит создать полноценное транспортное кольцо в обход Армении и еще более усугубить транспортную блокаду последней.

Проект БТК противоречит также транспортным интересам Ирана и России. Иран, как известно, контролирует железнодорожные связи Турции с Азербайджаном и странами Центральной Азии, устанавливая пошлины и тарифы на транзит. Что касается России, то она, будучи концессионером железной дороги Армении, заинтересована в возобновлении движения поездов на уже существующем, однако законсервированном по политическим причинам участке Гюмри–Карс [4, с.96].

Можно сделать вывод о том, что запуск БТК, по сути, делает менее целесообразным возможное открытие армяно-турецкой границы и, следовательно, ставит под вопрос целесообразность развития транспортно-логистических мощностей на ст. Ахурян. Среди прочих препятствующих факторов реализации проекта МЛЦ следует выделить возможные негативные последствия финансово-экономических кризисов на развитие торгового оборота между Арменией и Турцией, а также наличие комплекса политических рисков регионального уровня.

Выводы

Исходя из основных коммерческих показателей деятельности железнодорожного концессионера Армении и в условиях крупных инвестиционных обязательств, российская компания изначально была крайне заинтересована в интеграционных процессах, и в частности в возобновлении железнодорожного сообщения между Арменией и Турцией, что позволило бы использовать железнодорожный потенциал Армении и выйти на безубыточный уровень.

Создание МЛЦ может привлечь в Армению международные транзитные грузы за счет развития сухопутной ветки международного транспортного коридора TRACECA (транспортный коридор Европа–Кавказ–Азия), а также повысит привлекательность Армении как стра-

ны-транзитера при строительстве железнодорожной ветки Ванадзор–Фиолетово (северная Армения).

Несмотря на представленные препятствия, ж.д. Гюмри–Карс постоянно поддерживалась в исправном состоянии, и движение по ней может быть восстановлено в короткие сроки. На территории Армении, рядом с турецкой границей, также расположена станция, на которой имеется возможность заменять колесные пары с одного стандарта колеи на другой, что также является необходимым техническим условием для железнодорожного сообщения.

Сегодня существует определенный потенциал активизации экономических отношений между Арменией и Турцией, торговый оборот между которыми существует даже в условиях закрытой границы. Наряду с этим запуск железной дороги Баку–Тбилиси–Карс ставит под вопрос целесообразность не только проекта МЛЦ Ахурян, но также и открытия армяно-турецкой границы. Сложившийся транспортно-логистический расклад в регионе по-прежнему демонстрирует тенденции, сводящиеся к усугублению транспортной блокады Армении.

Вместо заключения

Южный Кавказ продолжает оставаться в центре транспортно-логистической политики России, что непосредственно вытекает из ее исторически обусловленных геополитических интересов. Располагая комплексом военно-политических и экономических интересов в Черноморском и Каспийском регионах, Россия, таким образом, и дальше будет продолжать свой курс на укрепление своих позиций на Южном Кавказе – региональном «хартленде», имеющем для российской внешней политики системообразующее значение.

Южный Кавказ, в свою очередь, вовсе не является монолитным политическим и экономическим образованием. Оно представляется конфликтогенным пространством и располагает большим количеством очагов нестабильности. Последнее обязывает Россию постоянно диверсифицировать свой внешнеполитический курс в регионе, что обусловлено стремлением выполнения стабилизирующей роли между конфликтующими сторонами. Осознание взрывоопасности ряда проблем этнического и территориального характера во многом диктует России искать пути их замораживания с целью сохранения мира и стабильности в регионе, а следовательно, укрепления своих позиций, в том числе в культурно-

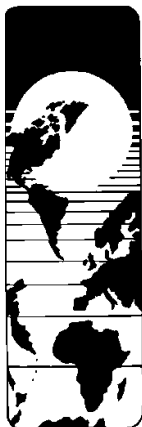
социальной плоскости. В свою очередь, одним из наиболее эффективных инструментов подобной стабилизации является экономическая политика, в данном случае – транспортно-логистическая. Экономическая активность, реализация крупных инвестиционных проектов, создание рабочих мест, повышение уровня безопасности крупных инфраструктурных объектов – все это напрямую или косвенно сказывается на уровне сдерживания конфликтных процессов и вполне вписывается в новые модели осмысления международных отношений. Эти модели помогут проложить новые пути обеспечения региональной стабилизации.

Библиографический список

1. Армянской железной дороге стратегически необходимо строительство ветки Ванадзор–Фиолетово / <http://www.apaven.com/files/news/armenia-needs-vanadzorfialetovo.ru.pdf>
2. Барабанов О.Н. Политика НАТО в отношении государств Центральной Азии и Закавказья / Южный фланг СНГ: Центральная Азия–Каспий–Кавказ: энергетика и политика/ Под. ред. А.В. Мальгина, М.М. Наринского. Вып. 2. М.: Навона, 2005. С.401–412.
3. Бизнес-план создания международного логистического центра на ж.д. станции Ахурян ЮКЖД / Санкт-Петербург, 2009 (по архивным материалам ЗАО «ЮКЖД»).
4. Давтян В.С. Транспортно-логистическая ситуация на Южном Кавказе: железнодорожные войны / Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т.61, N7. С.93–100.
5. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. 928 с.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации / Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.
7. Концессионный договор о передаче железнодорожной системы Республики Армения ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога», созданному ОАО «Российские железные дороги» от 13 февраля 2008 г.
8. Межправительственное соглашение между правительствами Российской Федерации, Республики Индия, Исламской республики Иран и Султаната Оман «О международном транспортном коридоре Север–Юг» от 12.09.2000.
9. Национальная стратегия обеспечения транспортной безопасности Республики Армения / Приложение к поручению Президента РА от 23 октября 2013 г., N 183.
10. Национальная статистическая служба РА // www.armstat.am.
11. Национальный архив Армении (НАА). Ф.326. Оп.5. Д.12. Л.9–11.
12. НАА. Ф.326. Оп.5. Д.20. Л.100–101.
13. Официальный сайт ОАО «РЖД» (www.rzd.ru).

ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ РОССИИ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

14. Проблемы интеграции и инновационного развития транспортных систем России и стран Южного Кавказа / Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. // М.: Центральный экономико-математический институт РАН, 2011. 197 с.
15. Стратегия развития транспортной отрасли Армении 2020: итоговый отчет / Азиатский Банк Развития, Министерство транспорта и связи РА. Ереван, 2008 г., октябрь.
16. Тарифная политика железных дорог государств-участников СНГ на перевозки грузов в международном сообщении на 2008 фрахтовый год. Одесса, 26 октября 2007 г. / http://ctcs.kz/assets/uploads/docs/2015/09/tarif_politika.PDF.
17. ЮКЖД создает международный логистический центр на армяно-турецкой границе // <https://regnum.ru/news/1155324.html>.
18. V.Fedorenko. The New Silk Road Initiatives in Central Asia / Rethink Institute Washington DC / Rethink Paper 10, August 2013. 36 p.
19. Logistic Centres. Directions for USA / A Report by Europlatforms EEIG. – January, 2004. 17 p.

Оксана Бояркина

**ПОЛИТИКА ФРГ
В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ
ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ
В ЦЕНТРАЛЬНО-
АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ**

УДК 327

В статье анализируется политика Германии в сфере водных ресурсов в Центрально-Азиатском регионе. Выделяются причины особого интереса ФРГ к данному региону, а также особенности немецкого подхода к проблеме повышения эффективности управления водными ресурсами. Учитывая важное геостратегическое положение Центральной Азии, современная Германия активно способствует развитию и углублению «усиленного политического диалога» со странами региона, инициирует принятие стратегии Европейского союза в Центрально-азиатском регионе на 2007–2013 гг. В рамках этой стратегии Германия запустила свою водную инициативу для региона. Реализация водной инициативы свидетельствует о серьезных долгосрочных намерениях ФРГ, а также о стремлении Германии в полной мере использовать ресурсы и «бренд» Евросоюза с целью укрепить собственные позиции в данном регионе.

The article examines Germany's water policy in the Central Asian region. The reasons for Germany's special interest in this region are highlighted, as well as the peculiarities of the German approach to the problem of improving the efficiency of water resources management. Given the important geostrategic position of Central Asia modern Germany actively promoted the development and deepening of the «enhanced political dialogue» with the countries of the region, initiated the adoption of the Strategy for Central Asia for the period 2007–2013. Within the framework of that Strategy Germany launched Water Initiative for the region. The implementation of the Water Initiative demonstrates Germany's serious long-term intentions in the Central Asian direction, specifically in the water sector, as well as Germany's desire to make full use of the EU's resources and «brand» in order to strengthen its own positions in the region.

Ключевые слова: политика Германии; Центральная Азия; водные ресурсы; стратегия ЕС в Центральной Азии; германская водная инициатива

Key words: Germany's policy; Central Asia; water resources; EU's Strategy for Central Asia; German water initiative

E-mail: oksanafrance@hotmail.com

«Среди многих вещей, которые я понял, став президентом, была центральная роль воды в социальных, политических и экономических делах стран, континента и мира» [13], – отметил в своем выступлении Нельсон Мандела на Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге в 2002 году. Действительно, вода является важнейшим стратегическим ресурсом, степень обеспеченности которым влияет не только на социально-экономическое развитие государства, но, в конечном счете, на уровень его национальной безопасности. Особенно остро проблема обеспеченности водными ресурсами стоит в странах с засушливым климатом, к которым относится Центрально-Азиатский регион (ЦАР). С обретением независимости региональные водные ресурсы Центральной Азии (ЦА) превратились в катализатор межгосударственных политических конфликтов.

Причины и цели участия ФРГ в решении водной проблемы ЦА

После распада СССР Германия стала проявлять к республикам Центрально-Азиатского региона интерес гораздо больший, чем другие страны-члены ЕС. На сегодняшний день

ФРГ прилагает особые усилия по решению проблем совместного пользования трансграничными водными ресурсами (ТВР) в Центральной Азии. Причиной такого особого внимания послужил ряд факторов.

Во-первых, «восточная политика» всегда играла важную роль во внешнеполитической деятельности Германии, с этим и сегодня связан особый интерес федерального правительства к процессам, происходящим на постсоветском пространстве. ФРГ одной из первых установила дипломатические отношения с новообразованными независимыми республиками региона ЦА: в 1992–1993 гг. Германией были открыты посольства во всех центральноазиатских государствах.

Во-вторых, интерес Германии к региону ЦА продиктован значительным количеством этнических немцев, проживающих на этой территории. По данным советской последней переписи населения 1989 г., большая часть немцев проживала в Казахстане (957,5 тыс. чел.) и в Киргизии (101,3 тыс. чел.). Насчитывались небольшие группы в Узбекистане (39,8 тыс. чел.), Таджикистане (32,7 тыс. чел.) и Туркменистане (4,4 тыс. чел.) [5, с.13–17]. Надо отметить, что немецкий язык является одним из наиболее распространенных иностранных языков во всех пяти центральноазиатских республиках.

С начала обретения республиками ЦА независимости федеральное правительство Германии в рамках программы помощи немецким меньшинствам в Восточной и Центральной Европе стремится способствовать улучшению жизни своих соотечественников. С этой целью, как и для того, чтобы сдержать миграцию немецкого населения, ею активно проводилась «дипломатия визитов», были запущены крупнейшие региональные программы помощи, сфокусированные в основном на Казахстан и Киргизию [8, с.54–56].

В-третьих, нельзя забывать, что Центральная Азия является важнейшим торговым партнером Германии. По объему товарооборота с республиками ЦА Германия находится на третьем месте (после Китая и России). Среди центральноазиатских государств Германия выделяет двух важных ключевых партнеров: Казахстан (с точки зрения экономических интересов Берлина) и Узбекистан (в сфере военного сотрудничества в связи с операцией НАТО в Афганистане). Кроме того, Германия обладает экспортноориентированной экономикой с острой потребностью в сырье и энергоносителях, диверсификация поставок которых беспокоит немецкий бизнес. В этом контексте представляется, что Германии нужна стабильная Центральная Азия, с которой можно сотрудничать в экономике и торговле.

Центральная Азия для Германии представляет интерес не только как рынок сбыта и источник получения сырья, но и как зона потенциального транзита в Китай, планирующего проложить в ЦА своего рода новый

«Великий шелковый путь» в Европу. У Германии с Китаем обширные торгово-экономические связи. Поэтому реализовать эти связи по новому проекту в обход России представляется Германии весьма перспективным.

В 2001 г. руководитель департамента планирования МИД ФРГ А.Шмиллен опубликовал в немецкой прессе меморандум, в котором было представлено немецкое понимание интересов Европы в ЦА [14, р.10]. По его мнению, Евросоюз и ФРГ должны принять участие в «содействии региональному сотрудничеству, а также оказать помощь в решении социальных, гуманитарных и экологических проблем региона». Данный меморандум послужил прологом к дальнейшей разработке немецкой центрально-азиатской концепции.

В марте 2002 г. федеральным правительством Германии была принята «Центрально-азиатская концепция» [9], определяющая приоритетные направления взаимодействия с ЦАР: укрепление демократических структур, становление правового государства, борьба с терроризмом, поддержка экономических реформ и борьба с бедностью, предотвращение конфликтов, содействие региональному сотрудничеству и природоохранным мероприятиям. На эти цели федеральное правительство ежегодно выделяет 50 млн. евро [17, р.16], активно вкладывая их, например, в Азиатский банк развития. При этом программы помощи Германии значительно превосходят объемы, которые предоставляют другие страны Евросоюза. Учитывая, что межрегиональное сотрудничество в ЦА и реализация природоохранных мероприятий в регионе невозможны без решения водно-энергетической проблемы, представляющей собой краеугольный камень межгосударственных разногласий, ФРГ особое внимание в своей стратегии в ЦА уделяет трансграничным водным вопросам.

И, наконец, четвертое. Федеративная республика Германия относится к группе стран с резко выраженной напряженностью водохозяйственного баланса и незначительными водозапасами, в значительной степени зависящими от ТВР Дуная, Рейна, Эльбы и Одера. Поэтому Германия осознает важность и необходимость эффективного трансграничного водного сотрудничества. ФРГ обладает более чем 150-летним опытом в сфере очистки воды, а также разработки технологий эффективного снабжения водой. Здесь очень активно развиваются научные междисциплинарные исследования в сфере водопользования, чего практически нет в других странах.

Немецкое экспертное сообщество признает, что, принимая во внимание ряд факторов (рост численности населения, нерациональное ис-

пользование сокращающихся водных ресурсов, климатические изменения и т.д.), в ближайшем будущем противоречия по использованию совместных водных ресурсов будут нарастать. Эта идея нашла свое подтверждение в докладе немецкого Совещательного совета от 2007 года «Климатическое изменение как угроза безопасности», в котором обосновывается вероятность появления нового типа мировых конфликтов – «водных войн» [20]. Особенность такого рода конфликтов, согласно данным доклада, будет заключаться в том, что они могут дестабилизировать политическую обстановку как внутри региона, так и за его пределами, распространяясь на соседние государства (т.н. побочный эффект – «spillover effect»). Более того, в докладе от 2009 года «Solving the climate dilemma: The budget approach»¹ вышеупомянутый немецкий Совещательный совет подчеркивает, «что вероятность "водных войн" будет со временем нарастать» [16, p.49].

Стратегический документ ЕС для ЦА на период 2002–2006 гг. Идея о *специальной* стратегии для Центрально-Азиатского региона

появилась еще в 2000 г. в ходе переговоров председателя Еврокомиссии Р.Проди с Президентом Республики Казахстан Н.Назарбаевым. По сути, инициатива Р.Проди – Н.Назарбаева – пролог к процессу формирования комплексной стратегической программы. Казахстаном было предложено разработать общую стратегию, которая бы включала объединение усилий по противодействию современным угрозам и вызовам (борьба с терроризмом, незаконный оборот наркотиков), а также установление сотрудничества Евросоюза с международными организациями евразийского континента.

Выработать единый документ Брюсселю и Астане не удалось, тем не менее это позволило европейцам понять интересы одной из центральноазиатских стран, что облегчило работу по созданию «Стратегического документа ЕС для ЦА на период 2002–2006 гг.» [16, p.16]. В этом документе (включая Индикативную программу ТАСИС² для ЦА на период

¹ Решение климатической дилеммы. Бюджетный подход.

² TACIS (Technical Assistance for the Commonwealth of Independent States, Техническая помощь Содружеству Независимых Государств) – организованная в 1991 г. программа Евросоюза по оказанию содействия в сфере ускорения процессов экономических реформ на пространстве СНГ. В рамках данной программы предоставляются гранты с целью

2002–2004 гг.) изложены общие принципы, цели и ожидаемые результаты оказания технической помощи пяти государствам Центральной Азии как приоритетные направления сотрудничества с ними [2, с.138].

В документе отмечаются общие для ЦАР проблемы, среди которых особое внимание уделяется более рациональному использованию природных ресурсов, включая также и водные. Основной целью Стратегии является обеспечение стабильности и безопасности в центральноазиатских странах, оказание помощи в экономическом развитии и снижение бедности. Особая роль в программе ТАСИС отводится региональному сотрудничеству, которое направлено на развитие добрососедских отношений между центральноазиатскими странами. Причем в тех сферах, в которых Евросоюз имеет свои стратегические интересы, используется прагматичный формат «изменяемой геометрии», т.е. когда акторы не связаны обязательствами, а действуют во внешнеполитической сфере на основе собственных интересов. К таким сферам стратегических интересов ЕС относятся рациональное использование природных ресурсов и реализация международных природоохранных конвенций. Как отмечается в Стратегии, Германия является крупнейшим двусторонним донором ЦА в указанных направлениях.

Формирование новой политики ЕС для ЦА: роль Германии

Правительства Г.Коля и Г.Шредера отличали сдержанная позиция в отношении политики Евросоюза в ЦАР: они полагали, что роль Евросоюза должна быть сведена к *экономической*

помощи странам региона, а вопросы региональной безопасности рассматривались относящимися к сфере компетенции ОБСЕ. В 2005 г. после формирования «Большой коалиции» во главе с А.Меркель и Ф.-В.Штайнмайером был выработан и принят другой подход относительно роли ЕС в ЦА. Так, воспользовавшись тем, что в первой половине 2007 года председательствовала в Евросоюзе Германия, новая коалиция всемерно способствовала тому, чтобы Европейский совет принял *политическую* стратегию Евросоюза в ЦАР. Кроме того, Германия

передачи ноу-хау государствам СНГ в форме оказания консультаций, проведения исследований, направления экспертов и т.д. Программа ТАСИС на 2000–2006 гг. охватывает Армению, Азербайджан, Белоруссию, Грузию, Казахстан, Киргизию, Молдавию, Монголию, Россию, Таджикистан, Туркменистан, Украину и Узбекистан.

обеспечила почти двукратное увеличение объемов европейской помощи государствам региона, а также более активное применение политико-дипломатических методов в центральноазиатской политике ЕС.

Германия активно поддерживает новый формат контактов ЕС–ЦА, обозначенный с 2004 г. в документах как «усиленный политический диалог». Отправной точкой в процессе сближения Евросоюза и пяти центральноазиатских республик считается визит Комиссара по вопросам внешней политики Еврокомиссии К.Паттена в марте 2004 г. в страны Центральной Азии. Постепенно политический диалог, проходящий в формате «Тройка ЕС³ – министры иностранных дел государств ЦА»⁴, вышел за рамки дипломатической формальности, возникла атмосфера конструктивного диалога и сотрудничества. На повестку дня все чаще стали выноситься вопросы двустороннего и многостороннего взаимодействия. Впервые все пять центральноазиатских республик на уровне министров совместно обсуждали региональные проблемы, ставили задачи и принимали согласованные решения. С учетом сложных межгосударственных отношений в регионе такой формат взаимодействия на сегодняшний день остается фактически единственной для всех стран Центральной Азии диалоговой площадкой⁵.

³ Тройка ЕС – формат отношений в Евросоюзе, в рамках которого представители государств-членов в составе предыдущего, настоящего и будущего председателей Европейского Совета совместно участвуют в процессе принятия решений. Она согласует свои действия с Европейской Комиссией и представляет ЕС во внешних делах. Первые встречи в формате «Тройка ЕС – государства Центральной Азии» состоялись в 2004 г. (г. Бишкек), 2005 г. (г. Брюссель) и 2006 г. (г. Алматы). В дальнейшем подобный формат использовался в 2007 г. (г. Астана), 2008 г. (г. Ашхабад и г. Париж), 2009 г. (г. Душанбе) и 2011 г. (г. Ташкент).

⁴ Министры иностранных дел стран ЦА: М.Тажин (Казахстан), В.Норов (Узбекистан), Х.Зарипов (Таджикистан), Э.Карабаев (Кыргызстан) и зам. министра иностранных дел Туркменистана В.Хаджиев. Со стороны ЕС – министр иностранных дел ФРГ Ф.-В.Штайнмайер, комиссар по внешним связям и европейской политике соседства Еврокомиссии Б.Ферреро-Вальднер, специальный Представитель ЕС по Центральной Азии П.Морель.

⁵ В 2006 г. решением Европейского совета на основании стратегического документа (2002–2006) был утвержден проект Комиссии и запущен процесс по итоговой конкретизации Стратегии для Центральной Азии на 2007–2013 гг.

Необходимость принятия новой Стратегии объяснялась тем, что в 2006 г. подводились итоги десятилетнего сотрудничества Евросоюза с государствами Центрально-Азиатского региона в рамках заключенных с ними соглашений о партнерстве и сотрудничестве. Не исключено также, что выработка новой стратегии была вызвана стремлением дать европейский ответ американскому проекту «Большая Центральная Азия»⁶. Это подтверждается прозвучавшими в 2007 г. высказываниями главы МИД Германии Штайнмайера, в которых он заявлял, что Евросоюз стремится оказать содействие странам ЦАР построить самим свое будущее: «Центральноазиатские государства находятся на разных уровнях развития. Потребности у них соответственно тоже разные. Но ЕС готов предоставить поддержку тем, кто этого хочет, никому ничего не навязывая» [3, с.30].

В первой половине 2007 г. председательствующей в ЕС Германии было поручено европейскими партнерами в течение шести месяцев выработать инструкцию по углубленному сотрудничеству с пятью центральноазиатскими республиками. Особая роль ФРГ заключалась в ее стремлении максимально приблизить довольно отдаленный регион, «европеизировать» его. ФРГ, для которой несомненно важно геостратегическое положение региона, в течение многих лет была единственной страной в Евросоюзе, которая последовательно отстаивала и продолжает отстаивать позицию взаимоотношений ЕС–ЦА как партнерских и стратегических.

Стратегия нового партнерства между ЕС и странами ЦА на 2007–2013 гг.

Для Евросоюза начало XXI века отмечено попыткой усиления центральноазиатского вектора во внешнеполитической деятельности. Важ-

⁶ Проект «Большой Центральной Азии» был выдвинут в 2005 г. американским исследователем Ф. Старром. В рамках проекта было сделано предложение об улучшении экономической ситуации в ЦА посредством выхода на весьма емкий рынок Южной Азии. С этой целью предполагалось создать транспортную инфраструктуру под контролем США на территории Афганистана, который тем самым должен был связать Центральную и Южную Азию. Цель американского проекта состоит в укрупнении региона искусственным путем с тем, чтобы управлять происходящими в нем процессами.

⁷ Необходимо учитывать, что геостратегическое положение Центральной Азии имеет важное значение для Германии, поскольку представляет собой потенциальный транзитный путь в Китай, с которым у Германии обширные торгово-экономические связи.

ным⁸ этапом стало учреждение должности Специального представителя ЕС по странам Центральной Азии в 2005 г. Германия, проявляющая большой интерес к странам ЦА, инициировала принятие в 2007 г. «Стратегии нового партнерства между ЕС и странами Центральной Азии на 2007–2013 гг.», что привело к качественно новому уровню взаимодействия между двумя регионами [18]. Сюда же вошла программа «Инструмент сотрудничества и развития» (DCI).

Принятие Стратегии имело важные последствия для развития отношений Евросоюза и Центральной Азии. Этот документ является концептуальным видением политики Евросоюза в Центральной Азии на период 2007–2013 гг. и представляет собой фундамент, правовую платформу для установления партнерских долгосрочных отношений. ЦАР впервые объявлялся стратегически приоритетным для ЕС. Ранее, до 2007 г., взаимоотношения ЕС–ЦА строились на основе Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, в котором структурированная система сотрудничества, как таковая, отсутствовала. Стратегия 2007–2013 устанавливает двухуровневый характер политики ЕС в регионе: двусторонний и региональный подходы, т.е., с одной стороны, признается уникальность каждого из государств ЦА, с другой, – развитие региональных проектов с целью упрочения кооперационных связей между центральноазиатскими республиками.

Изначально бюджет Стратегии составлял 719 млн. евро. В 2008 г. стало понятно, что выполнение региональных программ и проектов, разработанных специально для нужд национальных государств, не укладывается в первоначальную сумму. Германия активно содействовала тому, чтобы Евросоюз на период до 2013 г. увеличил финансирование на реализацию Стратегии. В результате в 2008 г. финансирование Стратегии было увеличено до 750 млн. евро [11, р.5–9]. Стратегия предполагала 6 приоритетных направлений (секторов) как на двусторонней основе, так и в региональном формате. Одним из таких направлений явилась «Экологическая устойчивость и проблема распределения воды/ресурсов», на которую было выделено 52 905 656 евро [6]. Обратим внимание на распределение выделенных средств. Так, на реализацию

⁸ *Институт Специальных Представителей Европейского Союза (СПЕС, European Union Special Representatives, EUSR) – специальный механизм, официально предназначенный для урегулирования межгосударственных конфликтов и реализации первостепенных европейских программ по вопросам международного сотрудничества.*

региональных проектов было выделено 1/3 финансирования, на оказание прямой помощи странам ЦА – 2/3. На Таджикистан пришлось 30%, Киргизию – 25%, Казахстан – 20%, Узбекистан – 15%, Туркменистан – 10% [1, с.3–10].

По мнению главы МИД Германии Ф.-В.Штайнмаера, «Стратегия превращена в жизнь благодаря немецкой настойчивости, и убежденности в том, что при осуществлении целей Стратегии в государствах Центральной Азии вырастет интерес к европейской идее» [7]. Канцлер ФРГ А.Меркель также подчеркивала роль своей страны в установлении нового формата отношений ЕС–ЦА, отмечая, что ЦАР является одним из главных приоритетов в повестке дня во время председательства Германии в ЕС, и выразила твердое намерение сотрудничать с данным регионом.

Стратегия Евросоюза допускает в ходе ее реализации вводить дополнительные отдельные инициативы европейских стран. Так, известна инициатива Италии по углублению экономического сотрудничества (Рим, 2007), а также инициатива Германии в сфере управления водными ресурсами (Берлин, 2008).

Некоторые итоги Стратегии ЕС для ЦА 2007–2013 гг.

В целом, хотя официально Центрально-Азиатский регион признан в качестве приоритетного для европейской внешней политики, он все еще продолжает восприниматься как

часть постсоветского пространства.

В отношениях с государствами ЦАР ЕС уделяет особое внимание вопросам безопасности, водная же проблема в ЦА не стоит на первом месте в политической повестке дня ЕС. Отсюда и невысокая эффективность европейской политики в странах ЦА. Возможно, стратегия ЕС в ЦА станет более гибкой, учитывающей, помимо прочего, специфику региона, после принятия новой многолетней программы содействия развитию стран ЦА, рассчитанную на период 2014–2020 гг.

Тем не менее Стратегия ЕС для ЦА 2007–2013 заложила основу нового формата взаимоотношений между Евросоюзом и Центрально-Азиатским регионом, которая базируется на достижениях, полученных в процессе реализации соглашений, конкретных программ и инициатив ЕС в отношении государств Центральной Азии. С этих позиций и надо оценивать сегодня степень развития партнерских связей.

Несмотря на то, что на финансирование одного из наиболее проблемных секторов ЦА (экология и водные ресурсы) были выделены

небольшие финансовые средства, даже этих средств оказалось достаточно для некоторого позитивного воздействия на регион, а именно для препятствия его фрагментации.

Как известно, разногласия по режиму использования совместных водных ресурсов остаются предметом острейших межгосударственных споров в регионе. Дефицит водных ресурсов представляет собой угрозу региональной безопасности, состояние которой напрямую зависит от принятия взаимоприемлемого для всех государств решения водной проблемы. Понимая, что помощь должна быть усилена, в ноябре 2013 г. комиссар ЕС по развитию А.Пиебалгс заявил, что на период 2014–2020 гг. Евросоюзом запланировано израсходовать на регион Центральной Азии еще около 1 млрд. евро [10].

В выводах Совета ЕС от июня 2015 года относительно стратегии для Центральной Азии отмечается, что, с учетом нарастающей экономической дифференциации в регионе и с целью решения упомянутых в документе проблем, Совет поощряет Европейскую службу внешних действий и Комиссию выходить с предложениями как по эффективной реализации Стратегии, так и по мерам обновленного партнерства с регионом. Это замечание Совета ЕС можно интерпретировать как потребность в новых политике, подходах и даже стратегии для региона.

В связи с этим представились необходимыми выработка и принятие новой стратегии для ЦА, учитывающей реалии и потребности региона, специфику каждой из стран, а также реалии евразийского пространства, в которое «вписана» ЦА, где ключевые игроками являются Россия и Китай. Надо отметить главное: важным вкладом Стратегии 2007–2013 явилось то, что она стала прологом для немецкой водной инициативы в ЦА.

Германская водная инициатива

В начале апреля 2008 г. в ходе конференции по водным ресурсам «Water unites» МИД Германии объявило о начале реализации «Водной инициативы для Центральной Азии»

(т.н. «Берлинский процесс»). Это один из наиболее ярких примеров участия Германии в разрешении конфликтов в сфере использования ТВР. Такая инициатива – важное дополнение к вышеупомянутой Стратегии нового партнерства между ЕС и ЦА, которая открыта для всех и направлена на устойчивое и экологичное использование вод трансграничных рек с учетом интересов всех прибрежных государств на основе регионального подхода. Основная задача «Берлинского процесса» за-

ключается в содействии политическому сближению государств ЦА. В долгосрочной перспективе политическое сотрудничество могло бы привести к совместному взаимовыгодному управлению региональными водно-энергетическими ресурсами. На эти цели Германией было выделено более 15 млн. евро [12, p.19].

«Берлинский процесс» состоит из проектов трех уровней:

- **политико-институциональный** – содействие более эффективному функционированию структур по управлению водными ресурсами и достижение согласованной региональной политической стратегии;

- **научно-технический** – разработка новых технических решений, установление надежных баз данных;

- **образовательный** – повышение профессиональной квалификации для интегрированного управления водными ресурсами.

Политико-институциональный уровень германской водной инициативы для Центральной Азии реализуется Германским обществом международного сотрудничества (GIZ) в рамках программы «Трансграничное водное управление в Центральной Азии», период реализации – 2009–2017 гг. (с общим бюджетом около 23 млн. евро, из них на второй этап программы – 2012–2014 гг. – ЕС предоставил 2 млн. евро) [19].

Цель программы в том, чтобы центральноазиатские республики совместно разработали практические подходы к рациональному управлению водными ресурсами региона и реализовали ряд совместных мероприятий.

Программа Германского общества международного сотрудничества активно реализуется в каждом из пяти государств ЦА. Ее мероприятия осуществляются на основе стратегии, разработанной совместно с местными и региональными партнерскими организациями.

Так, например, в ходе первого этапа программы с 2009 года GIZ поддерживает начатые еще двумя года ранее усилия кыргызско-таджикской межминистерской рабочей группы по сотрудничеству в бассейнах трансграничных рек Исфара (Таджикистан) и Ходжа-Бакирган (Кыргызстан). Кроме того, создана единая база данных, а также установлены нормативно-правовые нормы для эффективного управления водными ресурсами. На эти цели GIZ было выделено 250 тыс. евро на период 2009–2011 гг.

В ходе второго этапа программы Региональным экологическим центром Центральной Азии был разработан Евразийский портал по управлению речными бассейнами, целью которого является формирование платформы для обмена знаниями и опытом бассейновых организаций

как в регионе, так и за его пределами. На данном портале содержится информация о функционировании бассейновых организаций: водных инспекций, бассейновых советов, протоколов их заседаний и принятых решениях.

Третий этап программы ориентирован, в первую очередь, на укрепление региональных учреждений и поддержку опыта, накопленного в течение предыдущих этапов.

Программа «Трансграничное водное управление в Центральной Азии» оказывает финансовую поддержку центральноазиатским институтам, регулирующим вопросы распределения водных ресурсов на региональном уровне. Кроме того, программа содействует соответствующим региональным, национальным и местным структурам в сфере разработки нормативных актов и руководящих принципов, а также поддерживает разработку практических мер по комплексному управлению водными ресурсами. Эти мероприятия дополняются рядом пилотных проектов в отдельных речных бассейнах.

Исполнительный Комитет Международного фонда спасения Арала (ИК МФСА), представители пяти государств ЦА, Германское общество международного сотрудничества, ЕЭК ООН вместе с другими международными партнерами разработали схему для улучшения управления водными ресурсами в бассейне Аральского моря.

С их участием были разработаны примеры лучших практик в целях устойчивого планирования и управления, реализованы различные пилотные проекты, которые варьировались от восстановления водохозяйственной инфраструктуры, внедрения водосберегающих технологий орошения до строительства малых ГЭС в отдаленных районах, создания баз данных и карт.

В рамках программы проводятся форумы⁹, семинары¹⁰, рабочие встречи, совещания и пр.

В целом, пока еще рано оценивать эффективность данной программы, однако некоторые результаты имеются уже сейчас. Так, более 500 тыс. человек, чей доход зависит от орошаемого земледелия в регионе, а также многие другие, живущие в бассейнах этих рек, получили выгоду

⁹ Например, 8 июня 2017 г. в Туркменистане прошел Центрально-Азиатский международный экологический форум [4].

¹⁰ 26 февраля 2017 г. в Узбекистане прошел семинар на тему «Обмен опытом в сфере внедрения водосберегающих технологий и улучшения учёта водных ресурсов» [19].

от своей деятельности в связи с доступностью воды и улучшением функционирования инфраструктуры и прогнозирования опасных природных явлений.

Научно-технический уровень «Берлинского процесса» характеризуется созданием исследовательской сети «Вода в Центральной Азии» (CAWa), объединяющей под управлением Потсдамского Геоцентра научно-исследовательские институты и государственные структуры Германии и Центральной Азии. Партнерами данной сети от немецкой стороны являются:

- *Германский центр исследования Земли,*
- *Вюрцбургский университет,*
- *Немецкий аэрокосмический центр,*
- *Центр международных исследований вопросов развития и окружающей среды при Гиссенском университете,*
- *Комиссия по гляциологии Баварской академии наук,*
- *Мюнхенский университет имени Людвига-Максимилиана.*

Со стороны Центральной Азии такие научные и государственные структуры, как

- *МФСА, НИЦ МКВК (Узбекистан),*
- *Казахстанско-Немецкий Университет (Казахстан),*
- *Центрально-Азиатский институт прикладных исследований Земли (Кыргызстан),*
- *гидрометеорологические службы всех пяти республик,*
- *Региональный экологический центр Центральной Азии (Казахстан),*
- *Астрономический институт имени Улугбека Академии наук Узбекистана и т.д.*

Основными целями проекта являются поддержка в принятии обоснованных решений в сфере управления водо-земельными ресурсами при помощи общедоступных надежных данных, содействие межреспубликанскому и межотраслевому сотрудничеству, повышение профессионального уровня специалистов в водохозяйственной сфере. Для этого широко внедряется современное измерительное оборудование, используются информационные технологии, математические модели, спутниковое дистанционное зондирование. Партнерами сети организован единый учет данных об имеющихся водных ресурсах в регионе и их потреблении, установлена система мониторинга гидрометеорологических станций для сбора и передачи измерений посредством спутниковой связи, моделируются сценарии климатического изменения и анализи-

руются возможные его последствия, а также вырабатывается гидрологическая модель водного потенциала в регионе для оценки сценариев наличия воды в будущем. В 2017 г. проходила третья, завершающая фаза исследовательской сети CAWa.

В целом, несмотря на то, что немецкий проект «Вода в Центральной Азии» признает важность процессов политического согласования, для Берлинской водной инициативы характерна исключительно техническая направленность. И это имеет объяснение: коэффициент трансграничной зависимости водных ресурсов (т.е. доля речного стока, поступающего извне) в Германии достаточно высок. Поэтому в стране уже давно активно проводятся исследования по разработке технологий эффективного водоснабжения. Своими наработками в данной сфере Германия и стремится поделиться с республиками ЦАР.

Повышение кадрового потенциала Германской водной инициативы представлено региональной магистерской программой «Интегрированное управление водными ресурсами» на факультете социальных и политических наук Казахстанско-немецкого университета (КНУ) в г. Алматы (Казахстан). Целевой аудиторией КНУ являются студенты из всех республик ЦА. В университете проводятся научные междисциплинарные проекты как с региональными, так и с немецкими и международными партнерами. Студенты университета могут прослушать такие профильные дисциплины, как водная политика и водное право, интегрированное управление водными ресурсами, водоснабжение и обработка сточных вод, водные системы и климат и пр. Профилирующие предметы преподают профессора из немецких вузов.

В сотрудничестве со Свободным университетом города Берлин на базе КНУ создан Институт природных ресурсов, предназначенный для стимулирования исследований и обмена знаниями в области интегрированного управления водными ресурсами в ЦА.

По инициативе Казахстанско-немецкого университета создан межрегиональный форум компаний, заинтересованных в данном регионе для установления долгосрочных контактов, разработки проектов, которые бы учитывали специфику отдельных стран.

Надо отметить, что германская водная инициатива охватила основные ключевые направления в области управления водными ресурсами. Все это направлено на усиление потенциала региональных и национальных учреждений, стимулирование научных исследований и усовершенствование системы высшего образования, формирование исследовательской сети, связывающей специалистов из ЦА с мировым науч-

ным сообществом для развития научно-технического сотрудничества. Германская инициатива безусловно внесла весомый вклад в стабилизацию политической обстановки в Центрально-Азиатском регионе, обозначила перспективу развития водно-энергетической отрасли, предприняла попытки упорядочить систему водопользования в данном регионе.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, отметим, что Германия стремится играть особую роль в решении водного вопроса в Центрально-Азиатском регионе, проводя последовательную

политику в сфере улучшения управления региональными водными ресурсами. Это продиктовано, с одной стороны, стремлением защитить интересы немецкой диаспоры, проживающей в регионе, с другой, – геополитическими и геоэкономическими целями. Отметим, что разработка и реализация Водной инициативы свидетельствует о серьезных долгосрочных намерениях ФРГ на центральноазиатском направлении и конкретно в водном секторе. Ключевая цель водной инициативы – превратить водные ресурсы в предмет регионального сотрудничества. В свою очередь, политическое сближение стран ЦАР и последующая выработка единой региональной водно-энергетической стратегии способны привести к урегулированию конфликта интересов стран верхнего и нижнего течения рек и тем самым внести неоценимый вклад в стабилизацию сложных водных взаимоотношений в ЦАР.

На фоне пассивной позиции, которую занимали большинство государств – членов Евросоюза в период выработки политической стратегии ЕС в ЦА, настойчивость Германии относительно продвижения центральноазиатского направления во внешнеполитической деятельности Евросоюза объясняется ее стремлением в полной мере использовать ресурсы и «бренд» ЕС с целью укрепить собственные позиции в ЦАР, что имеет определенное сходство с французской позицией во внешней политике ЕС на африканском направлении [15, p.72]. Безусловно, стремление и желание играть весомую роль в урегулировании водной проблемы выгодно отличает Германию от других европейских стран, для которых во взаимоотношениях со странами Центральной Азии характерен акцент исключительно на обеспечении региональной безопасности в контексте борьбы с международным терроризмом и транснациональной преступностью без учета необходимости разрешения меж-

государственных конфликтов по совместному использованию водно-энергетических ресурсов в ЦАР.

Библиографический список

1. Губайдуллина М.Ш. Некоторые итоги реализации региональной Стратегии ЕС для Центральной Азии (2007–2013 гг.) // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. №1 (65). 2014. С.3–10.
2. Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы и противоречия. М., 2009. 138 с.
3. Лапинс В. Гражданские державы как игроки в Центральной Азии – германская и европейская политика интересов в эпоху перемен // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. 30 с.
4. На международном экологическом форуме обсуждаются меры по адаптации стран региона к изменению климата // Государственное информационное агентство Туркменистана: Туркменистан. Золотой век. 05.06.2017. URL: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=13894> (дата обращения: 07.09.2017)
5. Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С.13–17.
6. Чеботарев А.Е., Губайдуллина М.Ш. Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии на 2007–2013 гг.: предварительные итоги: Монография / Под общ. ред. А.Е. Чеботарёва. – Алматы: Центр актуальных исследований «Альтернатива»; Центр германских исследований КазНУ им. Аль-Фараби; Фонд им. Фридриха Эберта в Казахстане, 2013. 184 с.
7. Штайнмайер Ф. Новые основы партнерства: ЕС и Центральная Азия // Казахская правда. 30.06.2007.
8. Юн С.М. Сравнительный анализ политики Германии, Великобритании и Франции в Центральной Азии // Сравнительная политика. 2011; 2(4(6)):50–64. С.54–56.
9. Central Asia Concept by the German Federal Government of 18th March 2002, Berlin 2002.
10. EU announces future commitments for development with Central Asia Region // European Commission. Press Release. Brussels, 20 November 2013. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-13-1119_en.htm (дата обращения: 04.09.2017).
11. In-depth analysis. Implementation and review of the European Union-Central Asia Strategy: Recommendations for EU action // European Parliament. Directorate-General for External Policies Policy Department. January 2016. pp. 5–9. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/535019/EXPO_IDA%282016%29535019_EN.pdf (дата обращения 01.09.2017).
12. Joint Progress Report by the Council and the European Commission to the European Council on the implementation of the EU Strategy for Central Asia // Council of the European Union. Brussels, 28 June 2010. P.19. URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2011402%202010%20INIT#page=2> (дата обращения: 05.09.2017).

ПОЛИТИКА ФРГ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В ЦА РЕГИОНЕ

13. Nelson Rolihlahla Mandela (18 July 1918 – 5 December 2013). URL: http://www.mandela.gov.za/mandela_speeches/2002/020828_waterdome.htm (дата обращения: 09.09.2017).

14. Schmillen A. Neues «great game» in Zentralasien? // Frankfurter Allgemeine Zeitung. Politik. 15.05.2001. P.10

15. Schmitz A. Efficiency and Its Costs: The «Strategy for a New Partnership» with Central Asia // The Potential of the Council Presidency. An Analysis of Germany's Chairmanship of the EU. 2007 / Ed. by D. Kietz and V. Perthes. Berlin, January 2008. P.72.

16. Solving the climate dilemma: The budget approach // German Advisory Council Global Change. Berlin. Heidelberg. 2009. P.49. URL: http://www.mng.org.uk/gh/private/wbgu_sn2009_en.pdf (дата обращения: 04.09.2017).

17. Strategy Paper 2002–2006 & Indicative Program 2002–2004 for Central Asia // EU External Action. 30 October 2002. P.16. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/central_asia/rsp/02_06_en.pdf (дата обращения: 02.09.2017).

18. The EU and Central Asia: Strategy for a new Partnership // Council of the European Union General Secretariat October 2007. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cmsUpload/EU_CtrlAsia_EN-RU.pdf (дата обращения: 07.09.2017).

19. Transboundary Water Management in Central Asia. The Berlin process // Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) GmbH. URL: <http://waterca.org/en/the-berlin-process/> (дата обращения: 05.09.2017).

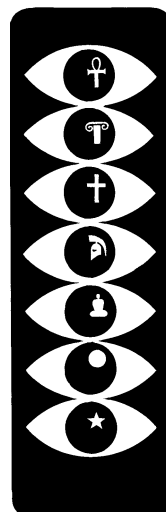
20. World in Transition: Climate Change as a Security Risk // German Advisory Council Global Change. Springer-Verlag Berlin Heidelberg 2008. P.268. URL: http://www.wbgu.de/fileadmin/user_upload/wbgu.de/templates/dateien/veroeffentlichungen/hauptgutachten/jg2007/wbgu_jg2007.pdf (дата обращения: 05.09.2017).

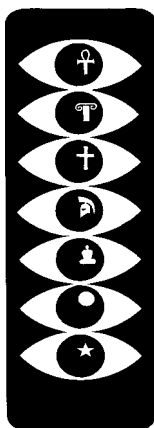
Война всегда была прямым средством
для внешнего и косвенным средством
для внутреннего объединения человечества.
Разум запрещает бросать это оружие,
пока оно нужно, но совесть обязывает стараться,
чтобы оно перестало быть нужным.

В.С.Соловьев

Для успешной работы тоталитарной машины
одного принуждения недостаточно.
Нужно чтобы люди приняли общие цели
как свои собственные.

Фридрих Хайек

Олег Романько

КРЫМ В ГЕРМАНСКОЙ «ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ»

ОСНОВНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ОККУПАЦИЙ
1918 и 1941–1944 годов

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47).47(Крым) “1918”+“1941/44”

В статье анализируются изменения в германской «восточной политике», которые произошли между двумя мировыми войнами. Данные изменения прослеживаются на примере двух оккупаций Крымского полуострова в 1918 и 1941–1944 годах. На основе широкого круга источников и литературы определены аспекты, изучение которых способствует выявлению основных тенденций в изменениях германской «восточной политики». Рассмотрены цели и задачи германского военно-политического руководства относительно Крыма в ходе обеих оккупаций, административные формы управления захваченными территориями, отношение населения к оккупантам и оккупантов к населению. На примере таких проявлений этого отношения, как коллаборационизм, Движение Сопротивления, террор, национальный фактор обоснован вывод, что германская «восточная политика» практически оставалась неизменной на протяжении всей первой половины XX века. Однако менялись ее методы, что было обусловлено нацистской идеологией, а также тем, что в отличие от 1918 г., в 1941–1944 г. жители Крыма представляли собой совсем другую общность – советских людей.

The article analyzes the changes in the German «Eastern policy» that occurred between the two world wars. These changes are traced by the example of two occupation of the Crimean peninsula in 1918 and 1941–1944. Based on a wide range of sources and literature identified the aspects, the study of which contributes to the identification of the main trends in changes in the German «Eastern policy». The goals and tasks of the German military and political leadership regarding the Crimea during both occupation, the administrative forms of the management of the occupied territories, the attitude of the population to the occupiers and the occupiers to the population. On the example of such demonstrations of this attitude as collaborationism, Resistance Movement, terror, the national factor, the conclusion that the German «Eastern policy» remained practically unchanged throughout the first half of the XX century. However varied its methods, which was due to Nazi ideology, and also the fact that in contrast to 1918 and in 1941–1944 of the Crimean population represented a very different community – the Soviet people.

Ключевые слова: Крым, оккупация, германская «восточная политика», 1-е Краевое правительство, коллаборационизм, советский человек.

Key words: Crimea, occupation, German «Eastern policy», 1st Regional government, Collaboration, Soviet man.

E-mail: romanko1976@mail.ru

Постановка проблемы

В XX столетии Крым пережил две немецкие оккупации. Чем-то они были похожи, как любые однотипные явления. Однако каждая из этих оккупаций имела свои особен-

ности, связанные в том числе с теми планами, которые вынашивали военно-политические элиты кайзеровской Германии и нацистского Третьего рейха относительно административно-политического статуса Крымского полуострова и судьбы его населения. Следует сказать, что и о первой, и о второй оккупации написано достаточно много. Отечественные и зарубежные ученые довольно полно установили хронологию событий, особенности оккупационного режима на данной территории и его последствия. Тем не менее в историографии отсутствуют работы, где бы сравнивались обе эти оккупации с точки зрения геополитического аспекта и фактора национальных отношений, что является несомненным упущением.

На наш взгляд, подобное сравнительное исследование помогло бы выявить целый комплекс аспектов, имевших место в обоих периодах оккупации. Во-первых, преемственность германской внешней политики вообще и относительно Крымского полуострова в частности. Во-вторых, коррекция планов «восточной политики» (статус той или иной территории, национальные отношения на ней) в зависимости от идеологической основы германской военно-политической элиты. В-третьих, изменения, которые произошли с немецким обществом и элитами в межвоенный период. Наконец, в-четвертых, трансформация в отношениях крымчан к оккупантам в условиях перехода от Российской империи к Советскому Союзу. Последний момент представляется наиболее интересным с точки зрения компаративных исследований, так как еще под одним углом зрения помогает понять, как происходило формирование советского человека.

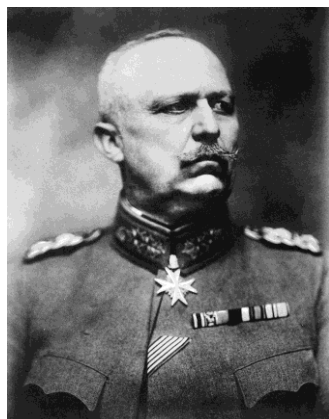
Цели оккупаций

Первая оккупация Крыма проходила с апреля по ноябрь 1918 г. В данном случае, оккупирующей стороной была Германская империя, которая захватила полуостров после

заключения Брестского мира и, кстати, в нарушение достигнутых на

нем договоренностей. Советская Россия активно протестовала, но из-за того, что правительство большевиков имело тогда весьма шаткое положение, эти протесты ни к чему не привели. Кроме того, провозглашенная в Крыму на тот момент Советская Социалистическая Республика Тавриды имела неопределенный политический статус, трактованный в диапазоне от автономной республики в составе Советской России до независимого государства. Фактически, все это указывало на ничейность полуострова в сложившихся военно-политических условиях [4, с.364; 6, с.634]. И наоборот, нацистская власть в Крыму в ноябре 1941 – мае 1944 гг. представляла собой типичную оккупацию территории другого государства со всеми вытекающими из этого политико-правовыми последствиями [8, с.11–21, 53–65].

В целом, и в первую оккупацию, и во вторую Германия, как говорится, без приглашения вторгалась на полуостров. Однако в данном случае преемственность заключается не только в этом. И в 1918, и в 1941–1944 гг. германское военно-политическое руководство занимало Крым по вполне понятным геополитическим причинам. А именно: как форпост на Черном море (так называемый «немецкий Гибралтар») и как мост на Кавказ с дальнейшей перспективой выхода на Ближний Восток и в Индию. Однако похожие моменты на этом не заканчива-

Эрих Людендорф

Альфред Розенберг

ются. Следует отметить, что и в 1918, и в 1941 гг. германские элиты хорошо понимали, зачем им нужен Крым, но так и не решили, что дальше с ним делать. Если сопоставить планы обоих периодов, то можно выделить такие варианты судьбы полуострова: территория в составе Второго или Третьего рейха, часть территории государства немецких колонистов, которое должно было быть создано на Юге России, и часть (автономная или федеративная) украинского государства. У каждого

Альфред Фрауэнфельд

из этих планов и в 1918, и в 1941–1944 гг. были свои сторонники и противники. Военное руководство кайзеровской Германии (в частности, генерал Э.Людендорф) настаивали на германском характере Крыма. Дипломаты, наоборот, считали, что полуостров нужно присоединить к Украинской державе гетмана П.П.Скоропадского. С 1941 по 1944 год также шла подобная борьба мнений. Правда, большая часть нацистской военно-политической элиты видела Крым все-таки частью Третьего рейха. Украинским полуостров хотел сделать только нацистский идеолог А.Розенберг, и то с определенными оговорками. Единственное, в чем сходились и военные и дипломаты кайзера Вильгельма II, и нацисты Гитлера, так это в том, что в Крыму надо всячески ограничивать турецкое влияние. Оба раза все вышеуказанные планы остались на бумаге или в головах их авторов. Однако все они, в той или иной степени, наложили свой отпечаток на оккупационную реальность, которая существовала в Крыму в 1918 или в 1941–1944 гг. [8, с.18–30; 11, с.222–223, 225, 226–228; 12, с.568–570].

Административные структуры оккупаций

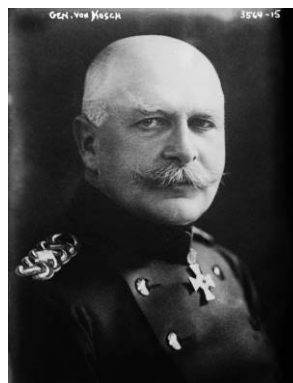
Общеизвестно, что нацистская оккупация советской территории в годы Великой Отечественной войны имела, в целом, колониальный характер. Отсюда вытекает и ха-

рактик оккупационной администрации, которая устанавливалась в тех или иных регионах. В Крыму нацисты собирались первоначально создать гражданскую администрацию – так называемый Генеральный округ «Крым» (Generalbezirk Krim) во главе с генеральным комиссаром А.Фрауэнфельдом. Но из-за военно-политической обстановки здесь, в конце концов, установилась военная власть в лице Командующего войсками Вермахта в Крыму (Befehlshaber Krim). Этот военный чиновник являлся полным распорядителем всех дел на полуострове, управлял им через сеть военных комендатур и опирался на разветвленный силовой аппарат, который расправлялся со всеми недовольными. Короче, в Крыму без его разрешения ничего не происходило, даже если это хотели сделать другие властные структуры нацистской Германии. Местные элементы, конечно, также участвовали в оккупационной администрации, особенно на низовом уровне. Однако это так называемое «местное самоуправление» являлось полностью коллаборационистским и тотально зависело от нацистов [18, s.215–224; 19, p.131, 160; 15, bl.36–43].

Административно-территориальное устройство генерального округа «Крым»
(по состоянию на 1 сентября 1941 г.)

В 1918 г. оккупационные функции также были возложены на военных, а именно на группу армий «Киев» (Heeresgruppe Kiew), главнокомандующий которой генерал-фельдмаршал Г. фон Эйхгорн отвечал за административное управление частью Украины, южных районов Белоруссии, Донской области, а также некоторых территорий юга России и Крыма. Оккупация полуострова осуществлялась силами 52-го армейского корпуса под командованием генерала пехоты Р. фон Коша [3, с.409–410].

Роберт фон Кош

Тем не менее с административной точки зрения первая оккупация Крыма была намного мягче, так как кайзеровская Германия при осуществлении своей оккупационной политики практически везде опиралась на местные элементы с самыми широкими полномочиями. Фактически, во внутреннюю жизнь оккупированного региона ее представители вмешивались, только когда шла речь о военных или экономических нуждах Германии. В таких

М.А.Сулькевич

условиях в начале июня 1918 г. на территории Крыма и появилось 1-е Краевое правительство во главе с царским генералом М.А.Сулькевичем, литовским татаринном по происхождению. Следует отметить, что это правительство было, своего рода, уникальным явлением в истории Крыма, так как и в теории, и на практике пыталось брать курс на его полный суверенитет. В 1918 г. у полуострова появились свой флаг и герб, судебная система, делались попытки создать вооруженные силы (правда, эта инициатива натолкнулось на немецкий запрет), открылся Таврический университет, наконец, было даже введено крымское гражданство. На международ-

ном уровне кабинет Сулькевича провозгласил полный нейтралитет ко всем воюющим государствам. В повседневной жизни Краевое правительство вернулось к законодательству Российской империи, на основе которого стала действовать местная администрация. К слову, она тоже досталась от империи и Временного правительства. В связи с тем, что Крым имел неопределенный статус, Сулькевич отменил на его территории все выборы (имеются в виду земские собрания всех уровней и городские думы) и правил через назначенных чиновников. Также на неопределенный период был отложен созыв Краевого Сейма – своего рода парламента. То есть, в Крыму возник авторитарный режим, который, конечно, зависел от немцев, но имел практически полную свободу рук внутри региона. И пока Сулькевич «держал» социально-политическую ситуацию, немцев он вполне устраивал, хотя они и отказались от признания 1-го Краевого правительства на официальном уровне [4, с.378–403].

П.П.Скоропадский

Правительство Сулькевича, конечно, имело неопределенный статус на международной арене. Однако это не мешало его представителям вести активные внешние сношения, как они это понимали. Например, с Украинской державой гетмана Скоропадского (по сути, таким же зависящим от немцев марионеточным режимом) [10, с.261–264]. Последний видел Крым исключительно частью своей державы. Сулькевич активно сопротивлялся. В результате дошло до взаимной продуктовой блокады и таможенной войны, которые продолжались с июня по октябрь 1918 г. Обе стороны апеллировали к немцам, которые занимали двойственную позицию. С одной стороны, они через этот конфликт воздействовали на режим Сулькевича, пугая его присоединением к Украине. С другой стороны, когда в Крыму начались экономические проблемы и, как следствие, забастовки, вредящие интересам Германии, немцы призвали к переговорам. И, хотя, компромисса достичь так и не удалось, переговоры, фактически, под-

твердили самостоятельность 1-го Краевого правительства [7, с.146–149].

Безусловно, невозможно представить, чтобы в 1941–1944 годах какие-то части оккупированной советской территории вели бы между собой таможенную войну или переговоры. Также понятно, что, если бы нацисты захотели объединить или разъединить эти территории, они бы не стали никого об этом спрашивать. Тем более местные коллаборационистские организации. Например, как уже говорилось выше, летом 1942 г. Крымский полуостров был спокойно изъят из состава генерального округа «Крым» и передан под управление военной администрации [20, с.129–130].

**Оккупанты и население.
Проблема коллаборационизма**

В 1918 г. отношение крымчан к оккупантам было намного лояльней, чем в 1941–1944 гг. После четырех месяцев большевистского правления, после перманентного красного террора и экспроприаций, не будет преувеличением сказать, что большая часть населения Крыма восприняла приход немцев как установление порядка. По многочисленным свидетельствам мемуаристов на полуостров вернулась относительно нормальная жизнь, заработали железная дорога и почта. Немцы распорядились вернуть имущество прежним владельцам, которое отобрали большевики. Это с одной стороны. С другой стороны, отмечается определенное разочарование, скорее не немцами, а собой. Наверное, лучше всех это смешанное чувство выразил в своих воспоминаниях генерал П.Н.Врангель, который с зимы 1917 по весну 1918 г. проживал в Крыму и своими глазами видел практику большевистского правления: «радость освобождения от унижительной власти хама и большое чувство обиды национальной гордости» [2, с.95].

Что же касается политических, социальных или экономических претензий, то их со временем практически все слои крымского населения стали предъявлять правительству Сулькевича. Примерно к октябрю 1918 г. ему начали ставить в вину и плохое экономическое положение, и игнорирование социальных проблем, и зависимость от немцев. Кстати, большей части интеллигенции не нравилось, что Сулькевич увлекается играми в независимость Крыма в ущерб реаль-

ной деятельности на благо «единой и неделимой России». К началу ноября 1918 г. социальное и политическое недовольство вылилось в забастовки и открытые требования о смене Сулькевича и его правительства на более «пророссийское» [4, с.387, 399, 400–402].

Немецкие офицеры в оккупированном Симферополе. Лето, 1918 г.

Разумеется, в 1941–1944 годах не могло быть и речи о такой бурной политической жизни. Хотя, конечно, и в эту оккупацию имелись те, кто по целому ряду причин приветствовал немецкие войска и даже сотрудничал с оккупантами в качестве коллаборационистов. Если говорить в целом, то таких лиц было примерно 15% от общего количества крымчан. Как известно, нападение Германии на Советский Союз вызвало среди населения не только прилив патриотических чувств. Как и, в целом, по стране, среди жителей Крыма нашлось определенное количество граждан, которые встали на путь открытого сотрудничества с оккупантами. Часть из них сделала это из желания поквитаться с советской властью за нанесенные обиды, часть – исходя из своих националистических убеждений. В Крыму сотрудничество населения с оккупантами происходило практически во всех сферах, наиболее значимыми из которых являлись следующие.

КРЫМ В ГЕРМАНСКОЙ «ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ»

В ноябре – декабре 1941 г. началось создание органов так называемого «местного самоуправления», речь о которых шла выше – сельских, районных и городских управлений. Их, соответственно, возглавляли старосты, начальники районов и бургомистры, которые подчинялись немецким комендантам. Руководители органов «местного самоуправления» всех уровней должны были обеспечивать «покой и порядок» на подведомственной территории, бороться с проявлениями саботажа, диверсиями, неподчинением немецким властям, организовывать изъятие продукции для нужд Германии и удовлетворять потребности оккупационных войск. В политическом отношении органы «местного самоуправления» были полностью бесправными [5, с.562–565].

Немцы в оккупированном Симферополе. 1941 г.

Оккупанты активно использовали в своей политике фактор полиэтничности Крыма. Поэтому зимой 1941 и в течение 1942 г. здесь появились татарские (мусульманские), армянские, болгарские и украинские комитеты – представительные учреждения, созданные параллельно органам самоуправления. Через эти комитеты населявшие Крым народы могли отстаивать перед оккупационными властями свои культурные, религиозные и экономические интересы. На политическую активность был наложен строгий запрет. Деятельность всех комитетов находилась под полным контролем оккупантов, которые

использовали их как инструмент пропагандистского влияния [5, с.565–570].

Советские граждане в рядах германской армии. Крым, 1943 г.

Привлечение местного населения для вооруженной поддержки оккупационного режима являлось еще одной формой коллаборационизма. Существенная роль в этом процессе отводилась органам «местного самоуправления» и национальным комитетам. При их активном участии нацистам удалось сформировать вспомогательную полицию, самооборону, подразделения так называемых «добровольных помощников Германской армии», а также множество других частей общей численностью до 50 тыс. человек разных национальностей. Воинские части из представителей местного населения поддерживали оккупационный порядок в городах и сельской местности, боролись с партизанами и Красной армией, несли охрану военных, государственных и хозяйственных учреждений. В качестве вспомогательного персонала они охраняли лагеря советских военнопленных и участвовали в карательных акциях немцев [5, с.609–612].

В связи со сказанным остается открытым вопрос: можно ли говорить о коллаборационизме в 1918 г.? Скорее нет, чем да. К тому вре-

мени бывшая Российская империя распадалась и все больше погружалась в пучину гражданской войны, как субъекта международных отношений ее более не существовало. Еще сильнее запутывал ситуацию неустановленный статус Крыма, даже с точки зрения Советской России. Поэтому правительство Сулькевича нельзя назвать коллаборационистским.

Террор и сопротивление

Далее. Интересно, что при всей авторитарности своего режима правительство Сулькевича практически не проводило репрессивную политику, и с апреля по ноябрь 1918 г.

Крым действительно представлял собой оазис спокойствия. На его территории вполне себе легально действовал весь спектр политических партий, кроме большевиков, левых эсеров и анархистов, которые считались террористами. Правда, и особой активности они не проявляли. Архивные документы свидетельствуют, что ни немцы, ни Сулькевич старались не допускать внесудебных расправ (разве что в первые дни оккупации и до создания 1-го Краевого правительства) [4, с.386–387].

Понятно, что через двадцать три года ситуация являлась зеркально противоположной. В результате нацистской оккупации было расстреляно и замучено почти 140 тыс. крымчан, а 86 тыс. угнано на работы в Германию [1, д.4599, л.1–4]. Ответом на оккупационный террор стало Движение Сопротивления, которое с ноября 1941 г. развернулось в Крыму. Через партизанские отряды и подпольные организации прошло примерно 14 тыс. жителей полуострова и других регионов СССР. Советские «народные мстители» и подпольщики действовали в очень трудных условиях и к началу 1943 г. были поставлены на грань уничтожения. Однако, несмотря на целый ряд проблем, к осени 1943 г. Движение Сопротивления окрепло и смогло превратиться в серьезный фактор воздействия на немецкий тыл. После начала Крымской наступательной операции Красной армии, «народные мстители» активно помогали советским войскам, а кое-где даже входили в населенные пункты раньше регулярных частей. Также следует обратить внимание на тот факт, что к середине 1943 г. большая часть крымчан,

фактически, помогала или сочувствовала партизанам. Те же, кто сотрудничал с немцами, оказались изгоями [8, с.320–328].

Крымские партизаны в освобожденном Симферополе. Апрель, 1944 г.

В 1918 же году не было даже индивидуальных актов террора как против немцев, так и против представителей Краевого правительства. Факт весьма примечательный, так как в дальнейшем на территории полуострова всегда существовало пробольшевистское партизанское движение (так называемые «зеленые») [4, с.623–626].

Национальное измерение оккупаций

И в 1918, и в 1941 гг. Крым являлся полиэтническим регионом, почти половину населения которого составляли нерусские этносы. И не учитывать это немцы не могли. И

здесь следует отметить, что оба раза они действовали по определенному шаблону с небольшими вариациями. В целом, немецкий метод регулирования национальных отношений в Крыму представлял собой попытку опереться первоначально на ту или иную этническую группу. В 1918 г. такими этническими группами были местные немцы и крымские татары. Однако и те, и другие, по мнению военно-

политического руководства Германии, оказались неспособными стать такой опорой. Во-первых, из-за своей малочисленности (и немцы, и крымские татары). Во-вторых, из-за явной ориентации на другие государства (протурецкие симпатии крымско-татарского национального движения были общеизвестны) [11, с.225–226, 230–242]. В 1941–1944 гг. нацисты, в целом, проводили такую же политику. В августе 1941 г. советская власть депортировала крымских немцев. Поэтому с 1941 по 1943 г. нацисты попытались сделать крымских татар опорой своего режима. Через сеть упоминавшихся выше мусульманских комитетов они стали получать определенные льготы и привилегии, которых не было у других этносов. При этом большинство крымского населения – русские – подвергались явной дискриминации. В 1943 г. нацисты отошли от этой политики и попытались привлечь на свою сторону уже русских, признаком чего стало создание на полуострове так называемой Русской освободительной армии [9, с.50–58]. Однако в обоих случаях оккупанты были вынуждены, в конце концов, перейти к опоре на многонациональные организации. В 1918 г. такой организацией стало 1-е Краевое правительство. Наверное, помня этот опыт, нацисты в январе 1944 г. попытались создать его аналог – русско-украинско-татарское Земельное правительство (Landesregierung), правда, со значительно более ограниченными полномочиями. Разумеется, в тех военно-политических условиях из этого ничего не вышло [4, с.378; 14, bl.108–110rs.].

В отличие от немцев образца 1918 г., нацисты применяли новые методы регулирования межэтнических отношений. Речь идет о депортациях населения и физической ликвидации целых этнических групп. Так, в 1942 г. СС и представители ведомства А.Розенберга разработали несколько планов по выселению всех крымчан и заселению Крыма этническими немцами из Бессарабии, Южного Тироля и Палестины (всего планировалось переселить на полуостров до 400 тыс. человек). В силу того, что такие депортации являлись заведомо трудновыполнимыми в условиях войны, а также из-за противодействия командования Вермахта, эти планы так и остались на бумаге [16, p.255, 257; 17, s.840–841]. Чего не скажешь об акциях массового уничтожения. С 1941 по 1942 г. на территории Крыма были уничтожены 40 тыс. евреев и крымчаков и более 2 тыс. цыган (крымчаки и цыгане – практически полностью) [13, с.11; 21, p.26–53].

Завершение оккупаций

Немецкая оккупация Крыма в 1918 г. закономерно завершилась после поражения Германии в Первой мировой войне. Немецкие войска ушли с полуострова, а вслед за ними пало правительство Сулькевича. Пало мирно, фактически уйдя в отставку и передав все полномочия 2-му Краевому правительству С.С. Крыма [7, с.149–154].

В апреле 1944 г., когда началась Крымская наступательная операция Красной армии, до окончания войны оставался еще год, поэтому рассчитывать на добровольный уход немцев не приходилось. Тем более с учетом того, что гитлеровское военно-политическое руководство планировало, по целому ряду причин, удерживать полуостров до последней возможности. В результате нацистская оккупация закончилась только с разгромом 17-й полевой армии генерал-полковника Э.Йенеке, которая обороняла Крым [5, с.647].

Салют в освобожденном Севастополе. Май, 1944 г.

Выводы

Что же в итоге?

Несомненно, обе немецкие оккупации Крымского полуострова имели некоторые сходные черты.

Например, это касается причин, по которым он был нужен и Второму, и Третьему рейху. Это, конечно, говорит об определенной преемственности германской «восточной политики», не менявшейся с конца XIX века. В случае с Крымом эта политика повторялась практически до запятой. Это с одной стороны.

С другой стороны, те, кто проводил эту политику, были уже по большей части другими. В целом, некоторые оккупанты образца 1941–1944 годов пытались вести себя как кайзеровские офицеры. Однако они находились в явном меньшинстве, а реальная власть на полуострове принадлежала уже новой нацистской генерации. Именно эти люди повинны в тех человеческих и материальных потерях, которые понес Крым за период оккупации. В 1918 г., при всех условиях военного времени и начинающейся гражданской войны, такого и близко не было. Скорее, немцы выступали неким гарантом стабильности и порядка. Многие крымчане запомнили это, что в 1941 г. сыграло с ними злую шутку (например, с еврейским населением).

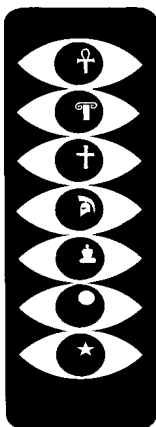
Сравнение первой и второй оккупаций показывает, как изменилось крымское сообщество за межвоенный период. В 1918 г. многие из крымчан реагировали на оккупантов вполне нормально, не видя в кайзеровских солдатах угрозу для своего физического существования. Скорее наоборот – защиту от бесчинств большевиков. В 1941–1944 гг. нацисты тоже пытались изображать из себя «освободителей от сталинского рабства». Тем не менее на этот раз им поверило гораздо меньше крымчан, особенно познакомившись с повседневностью оккупационного режима. Отсюда – значительное Движение Сопротивления и неприятие, в целом, коллаборационизма. Кроме того, после двадцати трех лет советской власти, большинство жителей Крыма считали ее своей властью, а СССР – своим государством. И их следовало защищать. Этого, конечно, не было в 1918 г., когда население полуострова вообще не понимало, в каком государстве оно живет. И как реагировать на правительство М.А.Сулъкевича.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Крым. Ф. П–156. Оп.1.
2. Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): В 2 ч. М., 1992. Ч.1. 544 с.
3. Залесский К.А. Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. 576 с.
4. Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. 728 с.
5. Исаев А.В., Глухарев Н.Н., Романько О.В., Хазанов Д.Б. Битва за Крым 1941–1944 гг. М., 2016. 896 с.
6. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 2005. 800 с.
7. Пученков А.С. Украина и Крым в 1918 – начале 1919 г.. Очерки политической истории. СПб., 2013. 352 с.
8. Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М., 2014. 414 с.
9. Романько О.В. Документы Госархива Республики Крым о власовском движении на территории Крымского полуострова в 1943–1944 гг. // Отечественные архивы. 2015. №5. С.50–58.
10. Скоропадський П. Спогади (кінець 1917 – грудень 1918). Київ – Філадельфія, 1995. 493 с.
11. Федюшин О.С. Несостоявшаяся Украинская Держава. Планы германского Генерального штаба по аннексии Юга России. 1917–1918. М., 2014. 334 с.
12. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М., 2017. 677 с.
13. Холокост в Крыму. 1941–1944 гг. Документы и материалы / Сост. Б.Г. Берлин, Д.В. Омельчук. Симферополь, 2013. 184 с.
14. Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland (далее – BArch). RH 20. Armeeoberkommandos. Bd.7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20–17/257.
15. BArch. RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte. RH 22/215.
16. Dallin A. German Rule in Russia 1941–1945: A Study of occupation policies. London, 1957. 695 p.
17. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Hrsg. vom MGFA: In 10 bd. Stuttgart, 2006. Bd.6. 1184 s.

КРЫМ В ГЕРМАНСКОЙ «ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ»

18. Frauenfeld A. Und trage keine Reu': vom Wiener Gauleiter zum Generalkomissar Krim. Leoni am Starnberger See, 1978. 303 s.
19. Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler's White Russians: Collaboration, Extermination and Anti-Partisan Warfare in Byelorussia, 1941–1944. New York, 2003. 512 p.
20. Personen Lexikon / Hrsg. v. H. Weiß. Wien, 2003. 509 s.
21. Tyaglyy M. Were the «Chingené» Victims of the Holocaust? Nazi Policy toward the Crimean Roma, 1941–1944 // Holocaust and Genocide Studies. 2009. Vol.23. Issue 1. P.26–53.

Дэвид Бранденбергер

**О НЕКОТОРЫХ
АСПЕКТАХ
«ЛЕНИНГРАДСКОГО
ДЕЛА»¹**

УДК
94(47).083:338.43:314.8

В статье предыдущего номера журнала А.В.Сушков отмечает, что отсутствует полноценное исследование причины «ленинградского дела» и останавливается на двух обвинениях, предъявленных ленинградским руководителям: на попытках создания Российской коммунистической партии или Бюро ЦК ВКП (б) по РСФСР и на фальсификации результатов выборов в состав горкома и обкома ВКП (б) на конференции ленинградской партийной организации в декабре 1948 г. Данная статья рассматривает эти малоизученные аспекты «ленинградского дела» и показывает, что они были не причинами снятия ленинградских руководителей, а только поводами для этого.

In an article in the previous issue of this journal, A.V.Sushkov observes that a full study of the causes of the “Leningrad Affair” does not exist. He focuses on two accusations that were leveled against the Leningrad leaders: their attempts to create a Russian communist party or a RSFSR bureau within the all-union party’s Central Committee, and their falsification of the results of elections to the city and provincial committees in December 1948 at a conference of the Leningrad party organization. This article examines these little-studied aspects of the “Leningrad Affair” and demonstrates that they did not cause the removal of the Leningrad leaders so much as they provided a justification to do so.

Ключевые слова: «ленинградское дело»; РКП (б); партийно-государственная система власти; период «позднего сталинизма»; управленческие практики.

Key words: «The Leningrad affair»; RCP (b); party and state systems of power; «late Stalinism»; administrative practices.

E-mail: dbranden@richmond.edu

¹ Публикуется как читательско-экспертный отклик на статью А.В.Сушкова «Небольшое отступление от правил или вызов сталинской системе власти? О некоторых аспектах «ленинградского дела»». См.: Россия XXI. 2018. №1. С.82–107 (прим. редакции).

Изменения во властной конструкции высших эшелонов партийной иерархии в 1948–1950 гг., сопровождавшиеся чистками в региональных структурах, давно получили в историографии название «ленинградского дела». Сам термин, впервые появившийся, судя по доступным источникам, в письме В.С.Абакумова И.В.Сталину, был изобретен, скорее всего, самим верховным руководителем. Термин оказался удобным и для Н.С.Хрущева, чьи выступления по этому поводу оказали существенное, если не определяющее, влияние на формирование большинства последующих концепций. Версии Хрущева, менявшиеся в зависимости от политической конъюнктуры, сводились к следующему: стареющего, болезненно подозрительного Сталина «интриганы» из его ближайшего окружения убедили в существовании некоего «заговора», возглавлявшегося «выходцами из Ленинграда», которые опирались на своих сторонников в ленинградской партийной организации. В качестве «интриганов» и фактических инициаторов «дела» Хрущев называл своих противников, исходя из политической ситуации, не очень заботясь о доказательности обвинений: в 1954 г. ими были Л.П.Берия и В.С.Абакумов, а после 1957 г. на первый план вышел Г.М.Маленков. Эта конструкция до настоящего времени транслируется во многих исследованиях практически без изменений. Некоторое разнообразие было внесено в последние десятилетия авторами, которые в своем большинстве не являются специалистами по данной проблеме и чьи работы, создававшиеся из сиюминутных политических соображений, сводятся в основном к попыткам оправдания репрессий путем поиска «истинной вины» пострадавших [2, с.91–112]. Это, по преимуществу, анализ официальных обвинений, предъявленных репрессированным, и различных по аргументированности способов доказать их справедливость и оправданность.

Статья А.В.Сушкова в отличие от упомянутых публикаций содержит ссылки на исторические источники и несомненно заслуживает более детального ответа. В своей статье Сушков отмечает, что «в настоящее время отсутствует полноценное научное исследование, в котором ... были рассмотрены причины и ход "ленинградского дела"» [12, с.83]. После оговорки о том, что «доступная исследователям источниковая база не позволяет выдвинуть иную, научно обоснованную, фундированную архивными документами концепцию», автор тем не менее предлагает «уточнить отдельные аспекты» истории чистки 1949–1950 гг. [12, с.84]. Сушков останавливается на двух обвинениях, предъявленных ленинградским руководителям: на якобы имевших место попытках

создания Российской коммунистической партии или Бюро ЦК ВКП (б) по РСФСР и на фальсификации результатов выборов в состав горкома и обкома ВКП (б) на ленинградской объединенной партконференции (десятой областной и восьмой городской) в декабре 1948 г.

Сразу бросается в глаза то, что эти «отдельные аспекты» скорее относятся к истории развития «ленинградского дела», а не к причине самой чистки. Уточнения А.В.Сушкова не отвечают на фундаментальный вопрос о том, почему именно верховные руководители партии стали собирать компромат на бывших соратников А.А.Жданова. Тем не менее Сушков прав, говоря о том, что среди целого ряда компрометирующих фактов, которые служили поводами для отставки А.А.Кузнецова, М.И.Родионова, П.С.Попкова и других, и отмеченных уже в научной литературе, стоит обратить внимание на обстоятельства, связанные с предложением о создании новой административной структуры для Российской Федерации (или т.н. РКП (б) или Бюро ЦК ВКП (б) по РСФСР) и с подсчетом голосов на декабрьской партконференции в Ленинграде.

Постараемся кратко остановиться именно на этих двух аспектах «ленинградского дела».

П.С.Попков, А.А.Жданов, А.А.Кузнецов, Я.Ф.Капустин на трибуне. 1 мая 1941.

ЦГАКФФД СПб. Фотография предоставлена А.С.Коноховой.

Бюро ЦК ВКП (б) по РСФСР

А.В.Сушков отмечает, что слухи о создании РКП (б) и более конкретные предложения Родионова о том, чтобы создать Бюро ЦК по РСФСР² испугали И.В.Сталина, т.к. такое

бюро стало бы органом власти, «которому бы непосредственно подчинялись все российские обкомы и крайкомы партии, все республиканские властные структуры, включая Совмин РСФСР. То есть, учитывая масштабы РСФСР, ее экономическое значение, предстояло создать "малое Политбюро", на уровне которого бы решался и предreshался весь спектр республиканских вопросов, включая организационно-партийные, кадровые и хозяйственно-экономические» [12, с.88]. «Можно с большой долей уверенности предполагать, что партийный лидер РСФСР по своему влиянию мог вполне успешно конкурировать, по крайней мере, со вторым секретарем ЦК ВКП (б) – человеком №2 в партии» [12, с.88].

А.В.Сушков далеко не первый комментатор, который обращает внимание на потенциальную дестабилизирующую роль таких учреждений в структуре партийно-государственной власти позднего сталинизма. На Западе слухи о том, что попытки создания особой партийно-административной структуры для РСФСР были частью обвинений против т.н. «ленинградцев», распространялись с 1956 года [21, с.47–48]. 20 лет спустя А.А.Авторханов развил данный тезис, хотя и не раскрыл свои источники [1, с.67]. Похожие намеки находятся у других западных историков, со ссылками на печатные советские издания [см., например, 20, с.134–136]. Хотя подобные слухи не были включены в первые англоязычные издания мемуаров Н.С.Хрущева, аудиозаписи его воспоминаний, содержавшие материал об РКП (б) и Бюро по РСФСР из бесед с Ждановым [22, CD058, track 058A], стали источниками для работ некоторых западных историков [см., например, 19, с.122–123].

Появление более подробных изданий воспоминаний Хрущева на русском языке после распада СССР возобновило интерес к данной теме [13, кн.2, с.26–27]. Отдельные документы были опубликованы [8, с.67, 246–247; 18, с.7–8, 185–197, 229–240]; наиболее подробные тезисы по

² А.В.Сушков ссылается на предложения Родионова от 27 сентября 1947 г., с сопроводительным письмом Г.М.Попову [11, д.569, л.6768, цит. по: 8, с.246–247]. Аналогичное письмо хранится в Российском государственном архиве новейшей истории с сопроводительным письмом А.А.Жданову и с резолюцией Сталина «Оставить» [10, д.64, л.7–8]. Родионов подал повторное предложение о создании бюро Г.М.Маленкову 7 сентября 1948 г. [10, д.64, л. 7–8].

этой теме в научной литературе на сегодняшний день принадлежат историкам А.В.Пыжикову и Д.Л.Бранденбергеру [9, с.89–104; 19, с.241–255; 5, с.275–289; 6, с.17–24; 7, с.261–274].

Приведенные А.В.Сушковым новые подробности об опасениях партийного руководства в 1956 г. во время обсуждения создания Бюро ЦК КПСС по РСФСР косвенно подтверждают общую версию о том, почему предложение Родионова получило такой жесткий отказ со стороны Сталина в конце 1940-х гг. Стоит отметить, однако, что Сушков здесь всего лишь приводит дополнительную информацию к предполагаемому тезису; документального, архивного доказательства пока нет. Сам Хрущев не связывал свое Бюро ЦК по РСФСР с печальным опытом предложения Родионова ни в 1956 г., ни позже – в своих мемуарах. Когда Сушков приводит слова Попкова на объединенном пленуме ленинградской городской и областной партийных организаций о том, что Сталин наказал его за предложение создать слишком мощное административное учреждение («мне товарищ Сталин на Политбюро показал, куда это ведет и что это значит»), он цитирует единственное известное показание о гневе партийного вождя не совсем корректно, вне контекста. Из выступления Попкова на февральском пленуме на самом деле понятно, что Сталин отругал Попкова не за его поддержку предложения подчинить обкомы РСФСР единому бюро, а за его претензии опереться на новое учреждение для того, чтобы стать защитником русского народа:

«Я неоднократно говорил – причем говорил здесь, в Ленинграде, в присутствии Бадаева, Капустина... [руководящие работники ленинградских горкома и обкома партии], говорил это в приемной, когда был в ЦК (но не со Ждановым, а в приемной Жданова), говорил и в приемной Кузнецова... о РКП. Обсуждая этот вопрос, я сказал такую шутку: "Как только РКП создадут – легче будет ЦК ВКП (б): ЦК ВКП (б) руководить будет не каждым обкомом, а через ЦК РКП". С другой стороны, я заявил, что, когда создадут ЦК РКП, тогда у русского народа будут партийные защитники. Это уже явно антипартийное заявление. Что же выходит? Попков хочет защитить русский народ, а ЦК ВКП (б), товарищ Сталин не защищают его? Это явно антипартийное заявление. Мне тов. Сталин на Политбюро показал, куда это ведёт и что это значит» [16, д.10, л.16].

Так что вопрос здесь не о том, что бывший ленинградский руководитель ошибся с поддержкой плана создать новую административную структуру. Попков ошибся с предложением быть представителем рус-

ского народа в Москве – предложением, которое не было поднято даже при Хрущеве в 1956 г.

Еще одним немаловажным моментом, на который указывает А.В.Сушков, является неизбежное изменение баланса властных полномочий в руководстве партии в связи с введением нового поста – руководителя Бюро ЦК по РСФСР. По мнению автора упоминаемой статьи, такой человек получил бы весьма значительное влияние. Не стоит, на наш взгляд, сравнивать власть такого руководителя с властью «человека №2 в партии», поскольку не известны собственно конкретные полномочия, которые могли бы быть переданы подобному Бюро. Самое главное, с нашей точки зрения, заключается в том, что ни в одном документе не говорится о том, что главой Бюро должен был бы стать кто-либо из «ленинградцев» – ни А.А.Кузнецов, ни, тем более, П.С.Попков. Более того, нельзя исключать и то, что в случае реализации подобного проекта, этот пост, пусть и номинально, мог бы занять сам И.В.Сталин, что лишним раз бы подчеркнуло внимание вождя к проблемам российских регионов. Таким образом, вряд ли оправданно делать столь далеко идущие выводы, как упоминание о том, что «появление столь могущественной фигуры (руководителя Бюро. – Д.Б.) не входило в планы Сталина» [12, с.88]. Следует также заметить, что А.А.Кузнецов, находясь на должности секретаря ЦК ВКП (б) и руководителя Управления кадров ЦК, и так, по своим прямым обязанностям, осуществлял контроль за работой парторганизаций РСФСР, что само по себе (достаточно длительное время, около двух с половиной лет) не вызывало особого беспокойства у верховного руководителя из-за большого объема полномочий, сосредоточенных в одних руках.

Фальсификация результатов выборов на ленинградской партконференции

В своей статье А.В.Сушков уделяет значительное внимание этому эпизоду, показывая с использованием результатов голосования на некоторых областных и краевых партконференциях, что единогласного голосования за «первых лиц» региональных парторганизаций практически нигде в исследованных случаях не было.

Постараемся разобраться в этой ситуации подробнее. Региональные конференции проходили в партийных организациях РСФСР в 1948 г., как правило, впервые за послевоенные годы. Их подготовкой и методической помощью местным аппаратам в их организации занималось Управление кадров ЦК ВКП (б) и лично его руководитель – А.А.Кузнецов. Например, 5 февраля 1948 г. в ЦК состоялось «инструктивное совещание» секретарей

обкомов и крайкомов, посвященное порядку организации и проведения местных партконференций. В ходе совещания А.А.Кузнецов дал указания и по порядку проведения голосования. Он указал, что кандидатур для выборов в руководящие органы не должно выдвигаться больше, чем предусмотрено мест в этих органах и объяснил причину этого: «<...> я вам не рекомендую оставлять одного лишнего в списках для голосования, иначе будут неприятности, вы сами знаете. Проходит районная конференция, количественный состав устанавливается 27 человек. В списке для тайного голосования остается 28, и, как правило, <первый> секретарь вылетает, хотя против него голосует ничтожное количество. Вот такой эксперимент, который в жизни не оправдывается, его проводить не стоит» [11, д.640, л.81, цит. по: 3, с.93]. Таким образом, возможность голосования «против» первых лиц рассматривалась как вполне реальная, более того, в Управлении кадров даже велся учет процентов голосов, поданных против первых секретарей в регионах.

Очевидным является и тот факт, что небольшое количество голосов, поданных против ленинградских руководителей на выборах членов пленумов горкома и обкома партии, само по себе вряд ли смогло бы повлиять на их дальнейшую карьеру. Вопрос, заданный Г.М.Маленковым В.В.Никитину, и ответ последнего во время выступления на февральском (1949 г.) пленуме ленинградских горкома и обкома партии, на которые ссылается А.В.Сушков [12, с.103–104], приводятся несколькими вырванными из контекста. Дело в том, что после ответа Никитина о том, что в случае обнаружения количества голосов, поданных против Я.Ф.Капустина о его работе в должности второго секретаря горкома, «вопрос мог бы быть поставлен» в зале, который до этого молчаливо, со страхом выслушивал обвинения в адрес руководителей региона, раздались возгласы: «Нет, не так». Даже П.С.Попков в своей покаянной речи на том же пленуме, рассказывая о своих взаимоотношениях с аппаратом ЦК, рассказал о том, что незадолго до упомянутой конференции он был на приеме у Г.М.Маленкова, с которым обсуждал кандидатуры секретарей горкома и обкома. Таким образом, вопрос о персональном составе секретарей решался перед выборами на конференции и независимо от них, и это было очевидно для работников партаппарата. Кстати, следует отметить, что упоминаемый в статье И.М.Зальцман, на снятие с должности которого в 1949 г. повлияла, по мнению А.В.Сушкова, информация о «результатах тайного голосования по кандидатуре Зальцмана при выборах партийных органов и депутатов Верховного совета СССР» [12, с.103], в 1940 г. не прошел на выборах в члены парткома Кировского завода, что не помешало ему не только остаться директором, но и продолжить успешную до некоторого

времени карьеру. Негативные результаты выборов использовались как дополнительный аргумент при разбирательстве для того, чтобы скрыть или усилить истинные причины отставки, в других же случаях их просто игнорировали.

Перейдем к основному тезису А.В.Сушкова – к его утверждению о том, что фальсификации на партийных выборах были редким явлением. Справедливо и обоснованно отмечая, что случаев единогласного избрания руководителей регионов либо было мало, либо не было совсем, он по каким-то причинам забывает указать на то, что это были далеко не единственные кандидатуры, по которым проходило тайное голосование. Дело в том, что в 1948 г. практически на всех партконференциях, начиная с районного уровня, проходили также выборы «почетных делегатов», в качестве которых выступали И.В.Сталин и другие члены Политбюро. Как свидетельствуют архивные источники, с подсчетом голосов по этим «привилегированным» кандидатурам ситуация была несколько иной. В работах Санкт-Петербургского историка К.А.Болдовского, в которых изучается деятельность Ленинградского партаппарата в послевоенные годы и, в частности, во время «Ленинградского дела», есть несколько упоминаний об этом. Позволим себе процитировать часть его исследования:

«На партконференции Дзержинского района в марте 1950 г. разбиралось дело секретаря райкома партии В.М.Пузанкова. Его обвиняли, в частности, в том, что при выборах делегатов на городскую партконференцию он давал указания председателю счетной комиссии районной конференции не объявлять голоса, поданные против П.С.Попкова, избравшегося делегатом от этого района. Оправдываясь, В.М.Пузанков заявил: "За три дня (перед конференцией) было 40 установок: то "нумеруйте (то есть подсчитывайте поданные голоса – в том числе голоса "против") всех, кто выдвинут конференцией, то "нумеруйте, только начиная с простых смертных, а члены Политбюро (за членов Политбюро голосовали, как за "почетных делегатов") и Попков не должны нумероваться", потом "выделите (то есть уберите из списка "избранных") Попкова. Возможно, когда я беспокоился о членах Политбюро, я назвал и Попкова <...>. Моя ошибка рассматривалась через 2 дня после февральского пленума, а потом ее рассматривал райком, и мне был объявлен выговор» [15, д.127, л.263].

«Как видно из приведенной цитаты, практика подтасовок в ходе голосований по отношению к кандидатурам руководства прочно укоренилась в партийном аппарате; выработался даже своеобразный жаргон. В.М.Пузанков перешел допустимые границы только в одном – не зная о грядущих политических переменах, старательно выполнил "указание" и причислил к "неприкасаемым" тогдашнего руководителя партийной органи-

зации Ленинграда. Весьма характерно также то, что за подобную фальсификацию ему (уже после февральского, 1949 г., пленума) объявили только выговор. Видимо, его коллеги по партаппарату знали о сложившихся обычаях и считали, что персональная вина В.М.Пузанкова минимальна.

Еще один пример – оправдания председателя счетной комиссии другой районной партконференции Новопашенной, также обвиненной в подтасовках в марте 1950 г.: "В отношении установок (при подсчете голосов) – установки были в отношении членов Политбюро. Секретарь райкома <...> вызвал меня и сказал <...>, что в составе делегатов имеются члены Политбюро и будет плохо для партийной организации, если будут иметься товарищи, которые будут голосовать против» [15, д.346, л.195].

Во время проведения районной партконференции Лодейнопольской партийной организации руководство РК ВКП (б) получило распоряжение от зам. зав. отдела ППКО ОК В.М.Осноса не оглашать число голосов, поданных против кандидатур И.В.Сталина, В.М.Молотова и П.С.Попкова. В ходе последующего разбирательства В.М.Оснос так объяснил свое указание: «Я считал, что голосовать против руководителей партии и правительства может только враг, прикрывающийся партийным билетом, и такой факт <...> лег бы пятном на всю организацию» [14, д.98, л.126].

В просмотренных нами архивных документах содержатся упоминания еще о четырех случаях такого рода. Если учесть, что далеко не все подобные факты становились достоянием гласности, то можно сделать вывод о том, что такие случаи были если не типичным, то вполне ординарным явлением <...>.

Характерным является тот факт, что ни во время разбирательства в марте 1949 г., ни после не обсуждались случаи подтасовок голосований по кандидатурам И.В.Сталина и других лидеров партии.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в данном случае основная "вина" П.С.Попкова и других ленинградских руководителей состояла в том, что их посмели приравнять (при подсчете голосов) к непогрешимому верховному лидеру и его сподвижникам. Косвенным подтверждением этому может служить фраза из объяснения одного из членов счетной комиссии, который, раскаиваясь и объясняя причины своего проступка, указал на "наличие в ленинградской партийной организации элементов "вождизма", ссылаясь при этом на "очень быстро создаваемый авторитет т. Попкова до уровня авторитета руководителей нашей партии"» [14, д.98, л.56]» [3, с.213–215].

Следует также обратить внимание и на обстоятельства, при которых произошли и расследовались нарушения при подсчете голосов на ленинградской конференции.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ «ЛЕНИНГРАДСКОГО ДЕЛА»

Поводом для начала расследования было анонимное письмо, поступившее в ЦК в начале января 1949 г. В письме от имени «одного из членов счетной комиссии» говорилось, что председатель комиссии А.Я.Тихонов не сообщил делегатам о том, что против некоторых руководителей города было подано незначительное число голосов. В январе в Москву для беседы с Г.М.Маленковым вызвали А.Я.Тихонова и В.В.Никитина. В.В.Никитин (1-й секретарь Смольнинского райкома) был близким знакомым А.Я.Тихонова, которому тот якобы сообщил в доверительной беседе о подтасовке.

Это разбирательство, хотя и не столь значимое по сравнению с последовавшими событиями, дает возможность сделать некоторые предположения относительно механизма подготовки обвинений. Дело в том, что В.В.Никитин формально не имел отношения к подсчету голосов. Казалось бы, в Москву должны были вызвать остальных членов счетной комиссии, которых было 35 человек.

Любопытным является и то, что последующее расследование так и не выявило автора анонимного письма. Более того, из упомянутых уже 35 членов счетной комиссии наказаны в разной мере были все без исключения, и никто из них при этом не упомянул о том, что он направлял информацию в ЦК партии. Все это вряд ли было бы возможно, будь автор анонимки реальным лицом.

Ситуация с «анонимным письмом» сильно напоминает аналогичный «сигнал», поданный в ЦК в конце 1947 г. и сообщавший о нарушениях отдельных работников Смольнинского района в ходе денежной реформы [4, с.175–184]. Совпадения (как территориальное – в обоих случаях информация исходила от лица, связанного со Смольнинским райкомом партии, так и в скорости доставки информации до высших руководителей партии) дают основания считать, что в обоих случаях речь шла не о случайных, анонимных донесениях, а об операциях по сбору компрометирующих материалов на ленинградское руководство с использованием источника информации в партийных или советских органах Смольнинского района.

Кроме того, аналогичный механизм «анонимных сигналов» описан в воспоминаниях Н.С.Хрущева. В том же 1949 г. И.В.Сталин передал ему письмо, в котором выдвигались обвинения против московского партийного руководства. Хотя письмо и было подписано, но разбирательство, проведенное Хрущевым, показало, что подписи были сделаны от имени несуществующих людей.

Следует также упомянуть, что в качестве гостей на ленинградской партконференции в декабре 1948 г. присутствовали ответственные работ-

ники ЦК ВКП (б) Д.Н.Шепилов и А.Л.Дедов, которых почему-то не насторожило столь необычное единогласное голосование.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что и планы создания российской компартии или Бюро ЦК ВКП (б) по РСФСР, и нарушения при подсчете голосов на партконференции были не причинами снятия ленинградских руководителей, а только поводами для этого. Собственно, стенограмма выступлений на февральском (1949 г.) пленуме ленинградских горкома и обкома партии свидетельствует о том же. Основные обвинения, высказанные в адрес А.А.Кузнецова, П.С.Попкова и Я.Ф.Капустина, заключались в том, что они «стремились отгородить ленинградскую парторганизацию от ЦК», рассчитывая, прежде всего, на помощь своих товарищей, а не руководителей партии, и старались стать «малыми вождями», по крайней мере, на региональном уровне. Подобное желание выдвинуться, да еще и при поддержке влиятельного члена партийного руководства (А.А.Кузнецова), вместе с некоторыми не слишком удачными высказываниями и предложениями, не могло не насторожить «большого вождя», который при поддержке ближайших соратников и санкционировал, по видимому, начало атаки на «зарвавшихся ленинградцев».

А.А.Кузнецов, Г.Х.Бумагин, А.А.Жданов, Я.Ф.Капустин, П.С.Попков
на президиуме заседания в Смольном. 7 ноября 1942. Автор съемки Д.М. Трахтенберг.
ЦГАКФФД СПб. Фотография предоставлена А.С.Коноховой.

Библиографический список

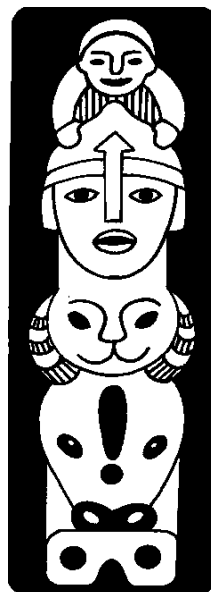
1. Авторханов А. Загадки смерти Сталина (заговор Берия). Frankfurt/Main, 1976.
2. Амосова А.А., Бранденбергер Д. Новейшие подходы к интерпретации «Ленинградского дела» конца 1940-х – начала 1950-х годов в российских научно-популярных изданиях // *Новейшая история России*. 2017. №1 (18). С.94–112.
3. Болдовский К.А. Аппарат ленинградской городской партийной организации и его место в системе властных отношений в СССР. 1945–1953 гг.: дис... канд. ист. наук. СПб., 2013.
4. Болдовский К.А. Денежная реформа 1947 г. и ленинградский партаппарат // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2. Вып. 4. 2013. С.175–184.
5. Бранденбергер Д.Л. Национал-Большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956 гг. СПб, 2009.
6. Бранденбергер Д.Л. О роли РКП (б) в «Ленинградском деле» // *Советское государство в период позднего сталинизма, 1945–1953 гг.* М, 2015.
7. Бранденбергер Д.Л. Сталинский руссоцентризм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания, 1931–1956 гг. М, 2017.
8. Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / сост. О.В.Хлевнюк, Й.Горлицкий, Л.П.Кошелева, А.И.Минюк, М.Ю.Прозуменщиков, Л.А.Роговая, С.В.Сомонова. М., 2002.
9. Пыжиков А.В. Ленинградская группа. Путь во власть (1946–1949) // *Свободная мысль*. 2001. №2. Стр. 89–104.
10. Российский государственный архив новейшей истории. Ф.3. Оп.22.
11. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17. Оп.121.
12. Сушков А.В. Небольшое отступление от правил или вызов сталинской системе власти? О некоторых аспектах «ленинградского дела» // *Россия XXI*. 2018. №1. С.82–107.
13. Хрущев Н.С. Воспоминания. Время, люди, власть, в двух книгах. Москва, 1999.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф.24. Оп.49.
15. ЦГАИПД СПб). Ф.25. Оп.28.
16. ЦГАИПД СПб. Ф.25. Оп.47.
17. ЦК ВКП (б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост. В.В.Денисов, А.В.Квашонкин, Л.Н.Малашенко, А.И.Минюк, М.Ю.Прозуменщиков, О.В.Хлевнюк. М, 2004.
18. Brandenberger D. Stalin, the Leningrad Affair, and the Limits of Postwar Russocentrism // *Russian Review*. 2004. Vol.63. №2. P.241–255.
19. Hahn, W. Postwar Soviet Politics: The Fall of Zhdanov and the Defeat of Moderation, 1946–53. Ithaca, 1982.
20. McCagg W.O. Stalin Embattled, 1943–1948. Detroit, 1978.
21. Sultzberger, C.L. The Big Thaw. New York, 1956.
22. “The Memoirs of Nikita Khrushchev: The Original Dictation” (digital audio recording, Brown University [2002]), CD 058, track 058A.

Если бы предоставить
всем народам на свете
выбирать самые лучшие
из всех обычаи и нравы,
то каждый народ,
внимательно рассмотрев их,
выбрал бы свои собственные.

Геродот

Время открывает
всё сокрытое
и скрывает
всё явное.

Софокл

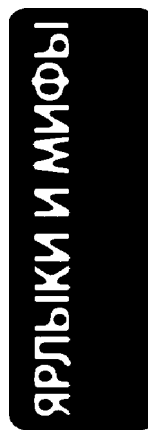

Владимир Дегоев

**ВАРВАРСКИЙ МИР
ГЛАЗАМИ АНТИЧНЫХ
АВТОРОВ**

**(К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ВЗАИМОВОСПРИЯТИЯ)**

УДК
94(3)

Тема, вынесенная в заголовок статьи, как предмет исследования принадлежит античному времени. По крайней мере, формально. Но, поскольку автор поднимает проблему взаимовлияния разных по уровню и содержанию культур (античной и варварской), это приобретает актуальность в свете современных дискуссий о масштабах и пределах негативных последствий того феномена, который вот уже четверть века именуется «столкновением цивилизаций».

As it might be judged by the title, the article deals with archaic and rather hazy subject, i.e. how the ancient Greek and Roman writers perceived barbarian world around them. But this is not the only thing the article is about. The author makes an attempt to find the roots of what might be named a paradox. The question is: why the people of the civilized Empires, with their highly arrogant and fastidious attitude towards the surrounding "savages", could not resist the temptation to deliriously imitate their ways and mores, turning this primitive stuff into a part of everyday life?

Ключевые слова: греческая и латинская цивилизации; древние историки, варварский мир; взаимовлияние культур; Северный Кавказ; гунны, скифы, аланы.

Key words: Greek and Latin civilizations; ancient historians; cultural contact-zones; North Caucasus; huns, scythians, alans.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

Притяжение мифа

Как считается, приоритет в изучении ранней истории Евразии (приблизительно с V столетия до н. э.) принадлежит греческим и римским авторам.

Их произведения представляют ценность как источники и одновременно как памятники исторической мысли, если не употреблять не очень корректный для того времени термин «историография», который все же принято соотносить с исторической наукой, а не с историческими знаниями. Тем не менее иногда мы будем позволять себе использовать его с полным пониманием всей меры условности. Определенным оправданием для подобного отступления служит то, что некоторые античные писатели, сознательно или по наитию, применяли метод сличения источников, то есть элементы критического анализа, представляющего собой структурную часть любой научной процедуры.

Первые опыты такой критики были весьма наивными. Геродот, к примеру, коротко заявлял «не верю», не приводя никаких доводов. Понять «первоисториков» нетрудно. Они жили в пестром информационном поле, полном мифов, легенд, сказаний, небылиц о ближних и дальних народах. Распознать во всем этом нагромождении достоверные факты было сложнее, чем пересказать эпические сюжеты, не вдаваясь в комментарии, либо просто отвергнуть то что не похоже на правду. Проблема, впрочем, в самой категории «неправдоподобного», которую мы, современные историки, воспринимаем зачастую совершенно иначе, чем люди античности.

Античная историография вобрала в себя не только и не столько знания о прошлом и настоящем, сколько мифические или полумифические образы, в которые творческое воображение людей облекало эти знания. Авторитет иных из этих образов был непререкаем. Перед ними очень часто отступал даже Геродот, несмотря на то, что они противоречили здравому смыслу. Великому историку так и не удалось вырваться из плена мифологического сознания, составлявшего неотъемлемую часть духовной жизни той эпохи.

**Лучшая оборона –
познание врага**

Предметом особого интереса греческих и римских историков был огромный варварский мир, окружавший античные государства. Его изучали прежде всего из практических

нужд. Варвары представляли большую угрозу, и, чтобы найти способ защиты, о них нужно было знать как можно больше. Нравы, обычаи, хозяйство, верования, военная стратегия и тактика, пути миграции. И еще уровень умственного развития, способность к усвоению более высоких форм социально-культурной организации. Все это было необходимо для совершенствования методов борьбы, придания им большей изощренности. Использование одних варваров против других по принципу «разделяй и властвуй» не всегда приносило результаты. Стремительность и стихийность образования варварских союзов против Рима зачастую опережали поиски средств обороны империи. Поэтому римляне, не отказываясь от классического *divide et impera*¹, в конце концов, стали склоняться к более тонким приемам. Зная о растущем тяготении варварской элиты к образу жизни, культурным ценностям, бытовому комфорту и роскоши Вечного города, императоры поощряли ее тщеславное желание слиться с римским правящим классом и тем самым разделить политико-стратегическую цель своего нового отечества – сохраниться.

Римляне старались окружить себя поясом безопасности в виде варварской периферии империи. Таким образом, объект изучения античных историков стал гораздо ближе и доступнее. Если Геродот фактически не соприкасался с варварами, то многие его преемники находились в тесном общении с теми, кто приехал в империю постигать великую цивилизацию либо просто за лучшей долей. Поэтому в сведениях о соседях Рима появляется больше достоверности, хотя историкам стоило больших и зачастую бесплодных усилий разобраться в представлениях варваров о самих себе. В этих представлениях мифы переплелись с реальностью настолько прочно и иногда правдоподобно, что отделить одно от другого было невозможно. Да историки, как правило, и не пытались этого делать, предпочитая аккуратно излагать то, что они слышали.

Проще обстояло дело с изучением этнографической стороны варварской жизни. Во многих случаях она находилась в пределах географической доступности, если иметь в виду колонии новоселов на территории империи. На древние описания их быта, хозяйства, обычаев, языческих ритуалов вполне можно положиться.

Что касается военно-политических и иных событий, происходивших в отдалении от империи, в частности к северу от Черного и Каспийского морей, то античные писатели описывают их отрывочно, противоречиво,

¹ *Разделяй и властвуй (лат.).*

нередко путаясь в географических понятиях, перечисляя десятки племен, о которых ничего, кроме названий (подчас искаженных), не было известно. Недостаток конкретных сведений восполнялся многочисленными мифами и легендами, передававшими одни и те же сюжеты с большими расхождениями не только в деталях.

Нарративная стилистика эллинских и римских историков в общем почти однотипна. Но многое зависело от того, что именно описывает автор. Поход на варваров – это одно. Нападение варваров – это другое. Войны варваров друг с другом – это третье. Степень эмоциональной вовлеченности или отстраненности (скажем, «субъективности» и «объективности») в разных случаях, по понятным причинам, разная. Разумеется, античной цивилизации приходилось соприкасаться с племенами, часть которых находилась на стадии первобытности. Последнюю историки зачастую преувеличивали. Возможно, для того, чтобы обострить интерес читателя или просто лишний раз показать огромное культурное расстояние между этими племенами, с одной стороны, и греками и римлянами, – с другой. Но в ряде случаев авторы отдавали должное варварам, выдвигавшим из своей среды высокоодаренных людей, осваивавших греко-римскую культуру настолько глубоко, что слава о них распространялась по всему цивилизованному миру.

В античных источниках совершенно захватывающим выглядит описание народных обычаев и нравов. Диапазон их разнообразия очень широк: от языческих ритуалов до признаков того, что эти племена и в других сферах бытия еще не вышли из состояния дикости. О чем бы ни писали древние авторы, они не упускали случая передать героико-эпические сказания во всех их фантазмагорических подробностях и разных версиях одного и того же сюжета. Искать тут элементы критического или хотя бы скептического подхода бесполезно. Более того, авторы заставляли работать еще и собственную фантазию, растравляя интерес читателя. Однако там, где живописное повествование не слишком расходилось с реальностью, оно настолько выразительно, остроумно и изворотливо в своей эвфемистичности, что может украсить труд любого современного этнографа, антрополога или прозаика.

Чем ближе к концу первого тысячелетия до н. э., тем большее распространение получает жанр путешествий, в том числе совершаемых по заданию первых лиц государств. Маршрут мог начинаться в каком-нибудь малоазиатском городе, пролегать через восточное побережье Черного моря, Крым, Северный Кавказ (включая Предкавказье), Южное Поволжье, вплоть до Инда. Собранные географические и этнографиче-

ские сведения были далеко не всегда точны, но сегодня без них трудно обойтись при решении проблемы локализации тех или иных племен, мест, поселений.

Эмпирический материал дополнялся существовавшей на тот момент литературой, давая дальнейший толчок компилятивной традиции. Этот термин употребляется не в негативном смысле, и не только потому, что у истоков такой практики стоял Геродот. Обойтись без нее в конструировании текста со временем становилось нерационально, поскольку без опоры на предшественников, как бы они ни ошибались, нельзя было построить фундамент исторического произведения. Кстати говоря, в этих заимствованиях смутно проглядывают зачатки научного метода. Ведь каждый последующий автор тяготел не просто к механической передаче добытых до него фактов, но и к сравнению их, что предполагает аналитическую работу. Той же операции со временем начинают подвергаться труды предшественников или коллег-современников. Примерно через такие этапы наивный квазиисторический нарратив эволюционирует в то состояние, которое условно можно назвать предтечей исторической науки.

Индоиранская мозаика

На протяжении почти тысячи лет повышенным интересом античных и позднеантичных авторов пользовались индоиранские племена скифов, сарматов, алан. Если брать их как единый этнический массив, то ареал их обитания ученые приблизительно определяют как территорию от Урала (иногда Зауралья) до Дуная (Истра) или даже западнее. Что касается более или менее точной локализации каждого из этих родственных этносов, то данная проблема для историков сложнее ввиду непрерывного этнического коловращения, характерного для южной Евразии. Даже пространства, которые часто принимаются за места компактного проживания скифов, сарматов, алан, отличались чересполосицей.

Невольно запутывают этот вопрос античные писатели. Им было трудно точно зафиксировать этническую карту Евразии, ибо та эпоха не знала статичности. Иногда ареалы расселения менялись на протяжении жизни одного поколения по несколько раз. Кроме того, под именем скифов, затем сарматов, а позже алан объединяли очень многие племена. Зачастую не имея точных данных о тех или иных варварских сообществах, греко-римские авторы всех их именовали скифами. Но когда

речь шла об обитателях Северного Причерноморья и Предкавказья, то с достаточной уверенностью можно утверждать, что объектом описания являлись индоиранские племена, которые с течением времени определяются одним этнонимом – аланы. Разногласия слышатся и в описании социально-хозяйственного и «политического» строя индоиранцев. То они земледельцы, то скотоводы-кочевники. То они управляются царями, то носятся по степям в поисках добычи, не признавая над собой ничьей власти. Все это вместе взятое, скорее всего, правда, но относится она к разным временам и к разным частям гигантского этнородственного пространства. Дикость и варварство этих племен порой сочетались с удивительным политическим прагматизмом в отношении как своих первобытных соседей, так и цивилизованных держав.

Впрочем, по поводу степени эволюционной подготовленности их к тем или иным формам государственности существовали разные мнения. Конец этой дискуссии, если ее так можно назвать, положило образование в VIII в. Аланского царства. О подобном уровне социальной организации у других северокавказских протоэтносов античные источники хранят молчание, что отнюдь не доказывает отсутствие процессов этносоцио- и политогенеза.

Есть сведения, дающие основание предполагать, что в некоторых скифских племенах сохранились пережитки матриархата и в определенных обстоятельствах они проявлялись очень бурно. Рассказов о знаменитых скифских женщинах немало. Установить точно, что в них от легенд и что основано на реальных фактах, практически невозможно. Вероятно, есть причины поверить греческому богослову Клименту Александрийскому (150–215 гг.), писавшему: «Я слышал, что сарматские женщины-воины не хуже мужчин...» [7, с.31].

Одна из самых популярных легенд (если это легенда) на матриархальную тему рассказывает совершенно захватывающую историю. Воины одного аланского племени очень долго не возвращались из своих походов. Настолько долго, что возникла угроза возникновения, как бы мы сейчас сказали, острого гендерного дисбаланса. Их стареющие жены, уже не чая дожидаться мужей, сошлись со своими рабами и произвели многочисленное потомство. Есть основания полагать, что в той ситуации обществом управляли женщины. Когда войско, тоже уже немалодое, наконец, вернулось, начался конфликт поколений, разрешившийся благодаря женской мудрости. «Отчимам» (господам) посоветовали сражаться с «пасынками» (рабами) не мечами, как с ровней, а кнутами,

чтобы вернуть им рабский комплекс. Казавшаяся безнадежной тактика применения символа вместо оружия усмирила рабов моментально.

Если верить греческому историку и географу Страбону (64/63 г. до н. э. – 23/24 г. н. э.), который, естественно, пользовался чужими рассказами, то в северных предгорьях Кавказского хребта² жило племя, целиком состоявшее из женщин. Это были знаменитые амазонки. От мужчин они отличались лишь полом, а силой и воинственностью порой даже превосходили их. Девочкам с детства выжигалась правая грудь, чтобы вся сила уходила в руку и позволяла ей ловко обращаться со всеми видами оружия: копьем, луком, секирой, щитом. Шлемы, панцири и одежду амазонки делали из звериных шкур (См.: [9, с.477–478]). Это было грозное войско, совершавшее далекие походы и наносившее сокрушительные поражения сильным противникам.

Как этот, так сказать, абсолютный матриархат был устроен с социальной точки зрения, неизвестно. По некоторым данным во главе амазонок стояла царица, но о том, в чем состояли ее функции и где заканчивались ее властные полномочия, источники молчат. Отдельные античные авторы называли войско амазонок государством, не предоставляя никаких подтверждений этому.

Страбон писал, что из своего военного образа жизни амазонки исключали два весенних месяца, когда они, по старинному обычаю, поднимались на священную гору. Там их ждали мужчины из соседнего племени гаргареев, чтобы сойтись с амазонками для производства потомства. Все это носило характер торжественного ритуала, открывавшегося жертвоприношением богам. Остальное происходило в полной темноте, вероятно, с целью лишить людей выбора и соблюсти принцип промискуитета. Рожденных от этого оргиастического таинства девочек амазонки забирали, а мальчиков относили на воспитание к гаргареям, каждый из которых по неведению считал доставшегося ему отпрыска своим сыном (См.: [9, с.478])³.

Где здесь миф, а где правда – никто уже не скажет. Уж слишком часто амазонки фигурируют в античной литературе, чтобы вообще отри-

² Где именно – предмет споров историков.

³ Впрочем, античные писатели запутывают эту историю каждый на свой лад. К примеру, греческий географ Дионисий Периегет в «Землеописании» (124 г. н. э.) говорит о «могучей любви амазонок» к сарматам, от которой «родились воинственные потомки», обитающие по берегам Танаиса [5, с.239].

цать их существование. Но, к сожалению, количество этих источников не заменяет достоверность содержащейся в них информации.

Трудно не согласиться со Страбоном, признававшимся в том, что о многих народах Кавказа доподлинных известий почти не существует, поскольку сведения о них распространяли писатели, страдавшие наивностью и любовью к сказкам. Правда, к этому следовало бы добавить, что даже критически настроенные авторы порой сами были не прочь привести какую-нибудь красивую небылицу, не слишком вникая в ее происхождение.

Особого внимания удостоивалась постановка военного дела у скифов, сарматов и алан. Об их стратегии, тактике, вооружении греки и римляне, знавшие толк в военном искусстве, писали с восхищением. По их мнению, ни в Европе, ни в Азии не было народа, способного устоять против этих варваров. Но, к счастью для реальных и потенциальных объектов их экспансии, эти племена обитали на слишком большой и чересполосной территории, чтобы у них были шансы составить единую силу.

С данными фактами совершенно не вяжется утверждение Аристотеля о «природной изнеженности» скифских царей. Крайне сложно представить себе «изнеженных» вождей во главе общества-войска, живущего в беспощадном мире войны всех против всех. Впрочем, таких, мягко выражаясь, сомнительных мест в античной литературе наберется с лихвой.

Редкое античное произведение обходилось без ссылок на сказочные легенды и сюжеты героического эпоса. Боги находятся в сложных отношениях друг с другом, живут рядом с другими эпическими персонажами, активно участвуют в их жизни, помогая или мешая решать вполне повседневные проблемы. В этом смысле бывает трудно провести водораздел между правдой и вымыслом. Впрочем, к понятию «вымысел» античные авторы относились снисходительно и, так сказать, бережливо. Греко-римская историографическая традиция неохотно ставалась с наследием устного народного творчества, ибо другого фундамента, который можно было бы положить в основание нового знания (или, если уж на то пошло, исторической пранауки), не существовало.

Плоды просвещения

У античных авторов особняком стоит тема взаимоотношений скифо-сармато-алан с Грецией и Римом. Это общение было неоднозначным.

Грабительские набеги не мешали варварам испытывать неодолимый интерес к античной культуре, чуя в ней и то, что достойно заимствования, и то, что неприемлемо для патриархального общества.

Классическим примером стала судьба знаменитого скифа Анахарсиса (первая половина VI в. до н. э.). Он приехал в Элладу познавать цивилизацию, о которой много слышал, но хотел все увидеть своими глазами. Через некоторое время учебы и общения с крупными философами того времени Анахарсис прослыл одним из семи мудрецов света. Возможно, он был самым выдающимся, но далеко не единственным из скифов, снискавшим среди греков и римлян высокий духовный авторитет. Античные писатели считали этих скифов органичной частью своей интеллектуальной среды. Анахарсиса глубоко огорчало, что его сородичи еще так далеки от того прекрасного и возвышенного, что открылось его глазам в новом удивительном мире. Он мечтал пересадить ростки этой культуры на скифскую почву и прежде всего противопоставить дикости «жизнь по закону».

Культурное влияние античных государств на скифо-сарматов было очевидным. Конечно, это касалось не всех сторон жизни, а только тех, где восприятие чужого признавалось полезным, выгодным, заманчивым. И, разумеется, не угрожающим прочности духовных устоев общества, которое до поры до времени умело их охранять. Но, по свидетельствам некоторых писателей, античные соблазны все же нашли бреши в этой обороне. Ближе к концу I тыс. до н. э. скифы, особенно их верхушка, стали нарушать свой патриархальный организованный образ жизни, предались роскоши, ударились в пороки и бесчинства в отношении соседних народов. И тем самым заметно ослабили себя. Не потому ли они стали легкой добычей своих родственников-сарматов?

В гораздо меньшей степени это влияние распространялось на социально-политический строй варваров. Он был чрезвычайно консервативным и сопротивлялся всякой эволюции. По крайней мере, античные авторы не упустили бы случая заметить хотя бы какие-то признаки цивилизационных сдвигов и, естественно, приписать это собственной воспитательной роли.

Понятно, что общественная организация не может веками оставаться в абсолютно неподвижном состоянии. И пусть это лишь теоретический посыл, который долгое время плохо согласовывался с исторической реальностью, исходить нужно именно из него. И тут возникает важная научная проблема. Насколько ощутимым являлось воздействие Греции и Рима на политическое развитие и политическое

самосознание варваров? Каким способом оно осуществлялось? Какие субъективные и объективные факторы участвовали в этом процессе? Какими темпами он шел и через какие стадии? И, наконец, какие формы государственного или квазигосударственного устройства на территории южной Евразии можно в той или иной степени считать результатами античного влияния?

Кстати говоря, вполне заслуживает хотя бы статуса гипотезы мысль о том, что с гибелью Анахарсиса не остались без духовных наследников те идеи, которые он привез из Эллады. И до Анахарсиса, и после него из Скифии в Грецию учиться у знаменитых философов и риторов приезжали юноши, до этого не знавшие ничего, кроме войны. А уже через некоторое время Аристотель писал: «...по одежде и внешнему виду скиф, но чуть только пошевелит языком, – его слова казались исходящими из середины Академии (афинской. – *В.Д.*) и самого Ликея». А с чего вдруг у знаменитого греческого ритора Фемистия (IV в.) такой пафос: «Но смотри, ненавистнейшее имя скифов как ныне любимо, как ныне приятно, как ныне благозвучно. ...Мы покорили скифов без пролития крови и слез» [10, с.262].

Не оттуда ли идут истоки, пусть и медленной, социально-политической эволюции, которая через несколько веков приведет к созданию Аланского царства?

Мода на варварство

С течением времени в греко-римской литературе мы обнаруживаем сведения о том, что в античных культурных институтах, включая христианскую религию, растет число выходцев из скифо-сармато-аланских племен. Присутствие их епископа на Вселенских соборах не простая случайность. Равно как не случайно и то обстоятельство, что в IV в. н. э. уже мало кого могла удивить история жизни митрополита Астерия из Амасии Понтийской, получившего образование под руководством прославившегося своей ученостью некоего раба-скифа. В перечне знаменитых деятелей восточно-христианской церкви мы находим священников скифского происхождения, возвысивших свое имя духовными подвигами, включая основания монастырей.

После этого почему бы не поверить в описание ритуала обращения в христианство отдельных скифских вождей. Конечно, в сцене отречения от всех символов царской власти (снятая с головы золотая тиара и

сброшенный с груди украшенный драгоценными камнями панцирь) в знак признания высшей, божественной власти есть сильный привкус легенды. Но это не отрицает сам факт принятия новой веры.

Античные источники дают весьма достоверные представления о миграционном движении скифо-сарматов на территорию Римской империи. Они использовались как военная сила и против внешних врагов (гуннов, сасанидов, германцев), и во внутривосточной борьбе. Массовый характер переселения получило после гуннского нашествия, уничтожившего значительную часть индоиранских племен. Остальные нашли убежище в Римской империи, где варваров расселяли на широком пространстве, которое захватывало и внутренние районы государства. Проблема социально-культурной адаптации принимала зачастую острейший характер. В своей массе скифы-новоселы не могли вызвать тех восторгов, которых удостоивались скифы-старожилы, мало что сохранившие в себе от своего первородного прошлого.

Римские императоры – к примеру, Флавий Юлий Валент (328–378 гг.) или Феодосий I (379–395 гг.), – воевавшие с гуннами и их союзниками (германскими племенами), искренне желали окультурить скифов. Однако для этого требовалось время, которого история Риму не дала. Скифам пришлось осваивать не великую культуру, а скорее продукты ее распада. Произошло не то столкновение, не то соединение патриархальной, естественной дикости с развращенным, вакхическим, стяжательским образом жизни позднего Рима. Римлянам уже нечего было предложить, кроме того, на что варвары оказались столь падкими. Возвышенное просто вышло из моды. По разным причинам это устраивало почти всех.

Скифы помогали не решать проблемы (ради чего, собственно, их и принял Рим), а создавать их. Скифские вожди были кооптированы в правящий класс Империи и быстро поняли преимущества своего нового положения. Античные авторы, некогда писавшие о положительной неспособности скифов к политике, как выяснилось, глубоко заблуждались. Часть варварской элиты, оценив состояние государства, составила заговор и приступила к целенаправленной работе по захвату власти над Римом. К счастью для императоров (впрочем, какое уж тут счастье, когда речь шла о последних правителях великой державы), среди скифских вождей были честные и благочестивые люди, твердо соблюдавшие клятву верности своей новой родине. Они-то и расстроили этот план, отсрочив на несколько лет гибель Рима. В одних источниках этот факт прославляется как подвиг добродетели. Другие вообще оставляют его

без внимания, считая, что союз со скифами и проявленное к ним гостеприимство – большая ошибка, ибо варвары не понимают великодушия.

Что касается тех заимствований из варварского образа жизни, которые позволяли себе жители античных государств, то они носили иной, субкультурный характер. Как некую экзотическую моду, к примеру, можно рассматривать облачение многих римлян в скифскую или, позже, аланскую одежду. Или спартанское восклицание «наливай по-скифски», когда хотелось выпить неразбавленного вина. Остричь человека в знак позора стало называться «оскифить».

Контрасты, характерные для восприятия скифов греками и римлянами, были отчетливы. От презрения и страха перед их звероподобием до восхищения способностью этого народа рождать анахарсисов, а также глубоко и творчески впитывать в себя лучшее из созданного античной цивилизацией, не скрывая скептического отношения к ее порокам. А этих пороков, по мере приближения заката Римской империи, становилось все больше. И чем больше, тем явнее давала о себе знать тоска о «золотом веке», его совершенстве, гармонии, моральной безупречности. Хотя это всегда грусть о том, чего никогда не было, люди не могли расстаться с мечтой об идеале и искали в прошлом альтернативы своей «испорченной эпохе». Искали иногда в совершенно неожиданных и беспредельно ретушированных образах.

Быть может, самое поразительное, что поисками этих миражей грешили блестящие умы и выдающиеся богословы, такие, к примеру, как Иоанн Златоуст (347–407 гг.) – архиепископ Константинопольский, почитаемый как один из трех Вселенских святителей и учителей, наряду со святителями Василием Великим и Григорием Богословом. Рассуждая о своем времени, он как-то сказал, что христианам следовало бы жить как скифам, отрешившись от всего житейского, кочуя по вселенной и изгоняя дьявола из тех, кто им одержим [6]. Иоанн Златоуст, похоже, не знал, что скифская знать уже давно тронута порчей цивилизации и не хочет подчиняться простым законам патриархального общества равенства и справедливости.

Аланы. Новая напасть или рекрутский ресурс цивилизации?

сарматов) появляются родственные им аланы. Сложив все имеющиеся

Как мы уже отмечали, с определенного времени (приблизительно со второй половины IV в. н. э.) в трудах позднеантичных и раннесредневековых хронистов вместо скифов (и

сведения об аланах, мы так и не получим их цельного социально-этнографического и антропологического портрета. Авторы, жившие в одно и то же время, по идее должны были бы владеть источниками, более или менее совпадающими в описании этого племени. Но мы этого не наблюдаем. Есть античные писатели, которые, в отличие от своих предшественников, не ставят алан в один родственный ряд со скифами и сарматами.

В частности, миланский епископ Амфросий Медиоланский (340–397 гг.) практически признается, что до недавнего времени он ничего не знал об аланах, кроме того, что есть такое дикое и неукротимое племя, как и все остальные. При таких, прямо скажем, небогатых познаниях слишком претенциозной представляется попытка автора походя дать обобщающую, в каком-то смысле психологическую характеристику алан. Причем в одной строчке. Для той эпохи подобные стилистические упражнения выглядели вполне обычно. Сегодня же историки и этнографы, вероятно, усмехнулись бы по поводу столь «глубокомысленного» анализа. Вот цитата: «...аланы искусны, и у них в обычае накинуть петлю и опутать врага вследствие какой-то надменности от собственной храбрости и гордого презрения к прочим, а вместе и для того, чтобы прикрыть подобной уловкой любезную им привычку сражаться издали и способность убежать» [1, с.234]. Читатель впадает в определенное замешательство, ибо трудно понять, что здесь доподлинно имеется в виду. «Надменность, храбрость и гордое презрение» как-то плохо ладятся с нежеланием сближаться с врагом в бою и «способностью убежать», иначе говоря, трусостью.

Другое и куда более подробное описание этого племени дает римский историк Аммиан Марцеллин (330–395 гг.⁴). Он далек от идеализации алан, свойственной некоторым его поэтически настроенным коллегам-книжникам. Его тексты несвободны от противоречий, неточностей, неподтвержденных догадок. Но в них аланская тема представлена с большим профессионализмом и чувством ответственности за сказанное.

Аммиан Марцеллин определяет алан как военно-кочевое общество, не проявляющее интереса к мирным занятиям, кроме скотоводства, примитивных домашних промыслов и собирательства. Применительно к ним историк употребляет образ кочующих кибиточных городов, указывая, что у алан короткая память на место обитания. Богатое кормами

⁴ Кстати, почти ровесник Амфросия Медиоланского, что логически предполагает доступность для них источников общего происхождения.

урочище, где они остановились на некоторое время, и есть для них родной очаг. Потом, истощив его природные запасы, племя идет дальше, до следующего «родного очага» (См.: [2, с.492–493]).

На основании этих сведений сложно судить об уровне социальной организации алан в мирное время. Похоже, это действительно было общество равенства и справедливости, как и положено быть патриархальному социуму на определенном этапе его развития. Есть ли необходимость сравнивать алан Аммиана Марцеллина с соседними племенами на предмет выяснения, кто из них продвинулся дальше по пути цивилизации? Едва ли. Скорее есть основания для объединения их в один «хронотопический» ряд.

Однако это вовсе не означает, что общим «социально-политическим», экономическим, антропологическим уравнивателем для всех племен южной Евразии являлся крайне условный и, по большому счету, мало что объясняющий термин «дикость». Видимо, не случайно эту «дикость» по-разному описывали античные писатели, в принципе не знавшие других слов в отношении варваров.

Вернемся, впрочем, к аланам. Аммиан Марцеллин дает очень близкую к реальности характеристику той части их образа жизни, которую Ф.Энгельс назвал «военной демократией». «Все, кто по возрасту и полу не годится для войны, держатся около кибиток и заняты домашними работами, а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором для мужчины ходить пешком, и все они становятся вследствие многообразных упражнений великолепными воинами. ...Почти все аланы высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости вооружения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни; в разбоях и охотах они доходят до Меотийского моря и Киммерийского Боспора с одной стороны и до Армении и Мидии – с другой. Как для людей мирных и тихих приятно спокойствие, так они находят наслаждение в войнах и опасностях. Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жестокими насмешками, как выродки и трусы. ... Нет у них ни храмов, ни святилищ [...] О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах» [2, с.493–494].

Тексты Аммиана Марцеллина об аланах и гуннах находятся в тесном соседстве, и создается впечатление, что он их сравнивает. И в опреде-

ленной степени это так. В их образе жизни историк находит общие черты, укладывающиеся в социально-культурные характеристики «военно-демократического» общества. Разумеется, не употребляя этого более позднего термина, историк подметил, что демократическим, то есть равноправным, это общество является лишь в мирное время. В период войны наступает диктатура вождя, выбранного племенем за его «полководческие» таланты, проявленные в грабежах и набегах.

Римский историк колеблется между своими человеческими эмоциями и той «правдой», которую он обязан сообщить читателю. Получается это не всегда. Если об аланах он пишет достаточно спокойно, то неприязнь в отношении гуннов то и дело прорывается на страницы его хроники. Умей гунны читать, им было бы крайне нелестно узнать о себе такое: «Когда нет войны, они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дуновению перепадающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступаются от своих союзников. Без всякого подстрекательства и точно так же без чьего бы то ни было посредства опять мирятся» [2, с.492].

У Аммиана Марцеллина в списке дикарей есть и нечто более отвратительное с точки зрения близости к животному миру – племена антропофагов. Страсть к каннибализму, наряду с другими особенностями, ставила их на одну из самых низких ступеней человеческого развития. Это было настолько очевидно, что другие племена предпочитали селиться от них как можно дальше, не от страха, а от презрения.

В устах греков и римлян «дикость» – самое типичное слово для определения внешности, нравов и образа жизни варваров. Все, кто не принадлежит к античной цивилизации, на одно лицо, зачастую похожее на звериное. Иные из них (в частности гунны) «так дики», что у древних авторов не хватает эпитетов для описания их облика и повадок.

Вместе с тем в древних текстах «дикость» зачастую превращается в очень широкое понятие. Для греко-римских писателей варвары дики, если так можно выразиться, по-разному. Одно дело – антропофаги, которых античные книжники не выделяли из животного мира. Другое дело – скифские племена. Но и в этом случае оценки встречаются совершенно контрастные. С их комплиментарной разновидностью мы уже отчасти знакомы. А вот как подобную комплиментар-

ность соединить с пассажем из одного произведения Гая Аполлинария Сидония (430–486 гг.) – гало-римского писателя, поэта, дипломата, епископа Клермона?

Описывая донских скифов, он, похоже, сам не знает, кого имеет в виду – собственно скифов, готов, сарматов или алан, и есть ли какая-то разница между ними. Но точно знает, как они выглядят. «Даже лица (скифских. – *В.Д.*) детей внушают особый ужас. Над круглой массой тела поднимается узкая голова; под челом в двух щелях есть зрение, но нет глаз; проникающий во вместилище мозга свет едва доходит до впалых глазных яблок, однако незакрытых; ибо через малые своды они видят большие пространства, и зоркие точки в глубоких впадинах возмещают больший орган зрения» [4, с.288].

Этим зоологическим портретом можно было бы восхититься, если бы речь шла, скажем, о каком-нибудь крупном хищнике, высматривающим на горизонте добычу, приговоренную к растерзанию. Но в том-то и дело, что своим бесспорным поэтическим даром Сидоний без тени смущения пользуется для характеристики человеческого существа.

Как тут не задаться вопросом: неужели именно с такими хищниками римские императоры не только воевали, но и подписывали мирные договоры, поддерживали дипломатические отношения по всем правилам этого искусства, вступали в династические браки, подражали обычаям новых родственников?

Сидонию ли не знать, что мигранты из той среды, которую он описывает как звероподобную, успешно прижились в Римской империи и ее столице и уже никого не поражало, что те же аланы стояли во главе элитных кавалерийских отрядов (Савл), полков (Аспар), армий (Ардабуриас), империи, были землевладельцами и консулами (Ард), патрициями и претендентами на императорское звание [9, с.600].

А быть может, именно эта стремительная успешность пришлых «дикарей» и питала неприязнь Сидония?

Аланская тема в византийских источниках

«Научную», условно говоря, стилистику Аммиана Марцеллина продолжают византийские историки VI века (Иордан, Агафий Миринейский, Прокопий Кесарийский, Меландр Протектор, Феофан Византийский). Их возможности пользоваться методом сличения трудов своих предшественников уже несколько шире. Они могли отбирать факты в соответствии со своими

политическими пристрастиями, логико-аналитическими способностями, личными вкусами. Этим авторам было на что опереться. Но в том, что касалось описания современных им событий, они шли по непроторенному пути.

В отношении алан задачи византийских писателей осложнялись тем обстоятельством, что после гуннского нашествия аланские племена рассеялись на большом пространстве: от северных границ Предкавказья до Ирана и Малой Азии на юге; от Рейна, Галлии, Испании, на западе, до Китая на востоке. Часть из них смешалась с римлянами и византийцами, другая – с варварами, третья сохраняла этническую компактность и социально-культурную «идентичность». Поэтому в произведениях, о которых пойдет речь ниже, подчас трудно определить, какие именно аланские общности имеются в виду.

Большинство текстов посвящено аланам, расселившимся по всей Европе. Они не являются предметом нашего исследования. Мы бегло обращаемся к западным аланам лишь для того, чтобы показать ту военно-политическую роль, которую они приобрели в новом для себя окружении. Она ярко выявилась не только на полях сражений, но и в быстром слиянии аланских вождей с византийской властной и духовной элитой. Неясным остается вопрос о том, пополнялись ли аланские диаспоры в Европе за счет кавказских соплеменников, и существовали ли вообще какие-либо связи между ними.

Византийский историк готского (по другим сведениям аланского) происхождения Иордан (первая половина VI в.), вслед за Аммианом Марцеллином, пишет, что причиной массового проникновения алан в Римскую империю было их поражение от гуннов. Он также указывает на последующие союзнические отношения аланских вождей с Римом, которому они оказали существенную военную помощь в победе над Аттилой.

Агафий Миринейский (ок. 536–582 г.), описывая византийско-персидское соперничество в Закавказье, похоже, упоминает уже кавказских алан, на союз с которыми рассчитывал император Юстиниан Великий. Не случайно в его длинной титулатуре значилось: «Цесарь Аланский». Но, судя по всему, союз этот тогда не состоялся. По крайней мере, часть горских алан выступила на стороне персов. Попытки перекупить их не увенчались успехом из-за обструкционистской позиции царя Лазики Гуваза, контролировавшего территорию южной Колхиды.

Эту же историю в более подробном виде мы находим у Прокопия Кесарийского (первая половина VI в.). Незаурядный литературный

талант, обширные познания, большой военно-политический опыт выдвинули его в ряды классиков византийской «историографии». Согласно Прокопию, в эпоху Юстиниана аланы играли видную роль и в Европе, и на Кавказе, который представлял собой театр византийско-персидских столкновений. Аланы описываются как независимое племя, господствовавшее на северной стороне Кавказского хребта и выступавшее союзниками персов в их войнах против византийцев в Западном Закавказье. Прокопий подтверждает намерение Юстиниана переманить алан через содействие лазского царя Гуваза. Из других источников известно, что деньги (три кентинария золота, 96 кг) действительно были посланы Гувазу для передачи по назначению, но до адресатов они не дошли. Вариантов для предположений тут немного, но Прокопий в выяснение вопроса не вдается, хотя, скорее всего, догадывается, куда исчезло золото.

Сообщая о готовности кавказских алан к союзу как с Византией, так и с Сасанидами, историк невольно ставит интересную проблему, насколько сплочены были эти племена вообще и в своих союзнических ориентациях в частности? Среди западных алан такой сплоченности не видно: одни из них самоотверженно воевали в составе римских армий, другие, с не меньшей доблестью, на стороне варваров. Можно ли утверждать, что на Кавказе дело обстояло по-другому? Прокопий Кесарийский не дает ответа. Но в одной из своих книг выводит яркий, собирательный образ алана – «мужа в высшей степени отважного и могучего, искусно умевшего быстро стрелять из своего лука **в любую сторону** (выделено мною. – *В.Д.*)» (Цит. по: [3, с.267]). Что это за многозначительное «в любую сторону»? Если это не риторико-поэтический прием, то не намек ли на военный профессионализм как аполитичный инструмент, который всегда работает в заданном на сей момент направлении. О других этносах Северного Кавказа историк упоминает глухо, лишь называя их имена: зихи, савиры (потомки гуннов), врухи (предположительно, убыхи).

В представлении византийского дипломата и историка Менандра Протектора (вторая половина VI в.) роль кавказских алан не ограничивалась только военными услугами, которые они оказывали той или другой стороне. Аланские цари вынуждены были проявлять политическую гибкость в условиях сложной исторической обстановки. На юге – византийско-персидские распри и неразбериха в Закавказье. На Северный Кавказ и на Предкавказье наступал Тюркский каганат. Вокруг Азовского моря кочевали остатки гуннских племен. Союзнические комбинации

часто менялись. Опасность уничтожения грозила любой этнической общности, особенно плохо организованной.

Менандр наводит на мысль, что аланские цари, понимая это, использовали тонкую дипломатическую стратегию, поддерживая внешне приятные отношения со всеми соседями, потенциально обеспечивая себе выгодный посреднический статус. Они с почестями и щедрым гостеприимством встречали высокопоставленных византийских послов, направлявшихся в Тюркский каганат, оберегали их от опасностей, давали дельные советы. Посылали и свои посольства в Константинополь, в частности к кесарю Тиверию (574–578 гг.), встретившему алан «милостиво и в высшей степени благосклонно».

Совсем уж углубляясь в подтекст Менандра, почему бы не допустить, что аланские вожди по-разному понимали свои внешнеполитические задачи. Это косвенно подтверждается предположением испанского ученого Агусти Алеманя о том, что после смерти аланского царя Саросия (приблизительно 573 год), друга Византии, возникла вероятность упреждающей «экспедиции в Аланию» для предотвращения возможной перспективы смены ее курса на проперсидский [3, с.255].

Справедлива эта гипотеза или нет, но Саросий, перед самой кончиной, успел доказать свою верность союзу с Византией, получившей от него военную помощь, в результате чего была разгромлена сасанидская армия (573 г.). Этот эпизод описан Феофаном Византийским.

Заключение

Человеческий интеллект никогда не пасовал и не спасует перед вечным вызовом, сокрытым в темных материях истории. Это блистательно доказали нам античные писатели, изучавшие варварский мир южной Евразии от низовьев Днепра до Урала. Их великая заслуга перед последующими поколениями книжников, а потом уже и профессиональных ученых не столько в том, что им удалось выхватить из мрака веков смутные или более отчетливые образы сложносоставных этнических сообществ. Куда важнее то, что они открыли перед мировой гуманитарной наукой бескрайний фронт работы, которая не закончится никогда. И с провидческой точностью указали на фундаментальные направления этой работы. Одно из них связано с познанием всей совокупности материальных и духовных факторов, с древнейших времен определяющих основы взаимоотношений между народами.

Сокращения

ВДИ – Вестник древней истории

Библиографический список

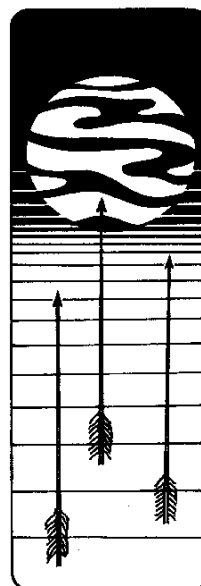
1. Амвросий. О разрушении города Иерусалима пять книг // ВДИ. 1949. №4. С.233–234.
2. Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.
3. Византийские источники // Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. С.236–317.
4. Г[ай] Соллий Аполлинарий Сидоний. Панегирик, сказанный Антемию Августу, вторично консулу // ВДИ. 1949. №4. С.288–289.
5. Дионисий. Описание населенной земли // ВДИ. 1948. №1. С.236–241.
6. Иоанн Златоуст. Замечания на святого Матфея // ВДИ. 1948. №3. С.271.
7. Климент Александрийский. Строматы. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Т.2 (Кн.4–5). 336 с.
8. Ковалевская В.Б. Послесловие // Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. С.596–604.
9. Страбон. География. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1964. 943 с.
10. Фемистий. Речи // ВДИ. 1948. №3. С.259–264.

Культура – это та веревка, которую можно бросить утопающему и которой можно удушить своего соседа. Развитие культуры идет столь же на пользу добра, сколько и на пользу зла. Растет кротость – растет и жестокость, растет альтруизм, но растет и эгоизм. Дело не происходит так, чтобы с увеличением добра уменьшалось зло; скорее так, как при развитии электричества: всякое появление положительного электричества идет параллельно с появлением отрицательного.

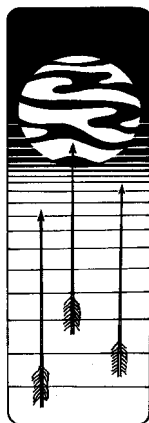
П.А.Флоренский

Марксизм не есть социальная утопия,
возможен опыт реализации марксизма
в социальной жизни. Но марксизм –
духовная утопия, утопия совершенной
рационализации всей человеческой жизни.

Н.А.Бердяев

Андрей Каравашкин, Филипп Тараторкин

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ КАК САМОСОЗНАНИЕ

(О КНИГЕ А.Л.ЮРГАНОВА
«КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ.
ВЕК ДВАДЦАТЫЙ»)

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
008

Историк-медиевист обращается к сюжетам XX века. Сначала как исследователь историографии, жизненного мира историков сталинского периода, а потом как исследователь культуры, идеологии, литературной критики и художественных манифестов. Таков необычный путь, который характеризует научные поиски А.Л.Юрганова, специалиста по русской средневековой культуре и одновременно исследователя культуры, повседневности и жизненного мира прошлого столетия. Автора новой книги (сборника статей разных лет)¹ занимает теперь смысловая сфера интеллектуальной истории, которая как особый мир коренится в жизненном мире, общем для тех, кто стоял по одну сторону, и тех, кто занимал диаметрально противоположные позиции. О методе новой работы историка и специфике культурной истории XX века рассуждают авторы рецензии.

A historian-specialist in the Middle Ages addresses the 20th century subjects. Initially as a researcher of historiography, of the world that surrounded historians of the Stalin's period, and later on as a researcher of culture, ideology, literary criticism, and artistic manifestoes. That is unusual path and this path characterizes scientific exploration search of A.L.Yurganov, expert in Russian Medieval culture and at the same time a researcher of culture, humdrum and everyday background of the past age. Now the author of the new book (collection of articles written in various years) is preoccupied with the general sense meaning of the intellectual history that, as a peculiar world, stems from the everyday life world. This world was common for people who occupied one side and for those who held totally opposite positions. The reviewers muse over the method employed by the historian in the new book and over the peculiar point of the 20th century cultural history.

Ключевые слова: историография; культурная история; жизненный мир; объективизм; позитивизм; самосознание; личность; модернизм; пролетарские искусство и государство; ЛЕФ; пролеткульт; имажинизм; попутчики; сталинизм.

Key words: historiography; history of culture; everyday life world; objectivism; positivism, self-consciousness; personality; Modernism; the proletarian art and state; the Left Front of Arts; Proletkult, imagism; fellow travelers; Stalinism

E-mail: karavash2008@yandex.ru; taratorkin@mail.ru

¹ Юрганов А.Л. Культурная история России. Век двадцатый. Статьи и публикации разных лет. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 384 с.

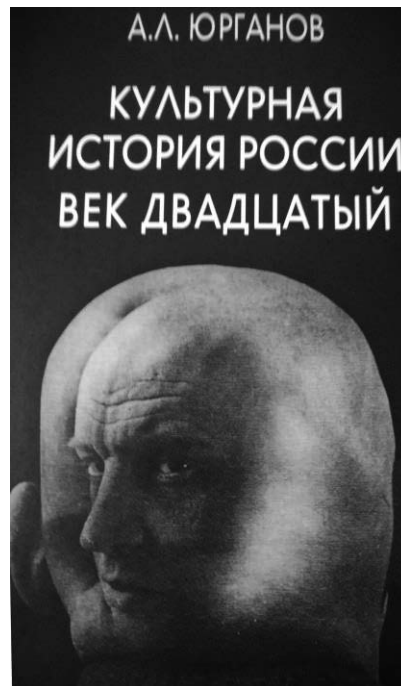
Жизненный мир и культура

Новая книга А.Л.Юрганова [5] представляет собой сборник статей разных лет. Несмотря на это, она обладает той содержательной, концептуальной целостностью, которая отлича-

ет монографический труд, отмеченный единством темы, предмета, структуры. То есть перед нами вполне завершенное в теоретическом отношении исследование, охватывающее яркие моменты интеллектуальной истории России первой половины и середины XX века.

Скажем, прежде всего, о том, что в книге не выражено развернуто и явно, но, безусловно, подразумевается. Мы имеем в виду проблематику *жизненного мира*. Речь идет, конечно, о такой предметной сфере каждой конкретной исторической эпохи, которая детерминирует собой и повседневность, и область интеллектуальную, и политику, и всю идеологию, и сферу искусства. То есть на самом деле речь идет о множественности *миров*, подчас даже радикально не совпадающих друг с другом, конфликтующих, имеющих в своей основе порой разные философские, мировоззренческие и эстетические позиции.

Разновекторность и гетерогенность всевозможных доктрин и ценностных установок, которые анализируются в статьях авторского сборника, должны, казалось бы, препятствовать единству, синтезу. Ну какая возможна генерализация, какое возможно единство, когда спорят позитивисты и идеалисты, лефовцы и имажинисты, деятели культуры, совершенно по-разному понимающие, что такое реакционное и прогрессивное, в чем заключена суть мещанства, в чем заключена творческая роль деятелей искусства и каким образом это искусство вообще проявляет себя? Разве можно обнаружить сходство в столь различных, враж-

дебных, непримиримых позициях? И здесь на память приходит пример, относящийся к совершенно другой эпохе в истории русской культуры.

В.О.Ключевский когда-то писал о смысле Переписки Ивана Грозного и Андрея Курбского. Историк был уверен, что стороны плохо понимали друг друга, поскольку развивали разные политические настроения. В итоге царь и князь исповедовались друг другу, совершенно не вникая в смысл этих исповедей, и dospорились до пророчеств об «обоюдной гибели» [3, с.159]. Лишь со временем (на рубеже XX и XXI вв.) стало ясно, что полемика эта была возможна только благодаря единому представлению о загробном будущем души, благодаря тому, что в средневековой традиционалистской культуре существовала единая для всех эсхатология, а все непримиримые противоречия так или иначе, по мысли участников дискуссии, должны были разрешиться на Страшном суде.

Абсолютного непонимания все-таки не бывает, если спорят представители одной культуры. Сама природа коммуникации такова, что она в принципе возможна в силу конвенции. Общие базовые смыслы и ценности служат тому залогом. Но сказать так – это еще ничего не сказать по существу. И согласных, и несогласных объединяет актуальный *жизненный мир*. И эта категория слишком важна, чтобы просто так обойти ее стороной. Думаем, вся книга А.Л.Юрганова посвящена этой категории, представляет собой энциклопедию ярких и многочисленных примеров, ее иллюстрирующих. Это, полагаем, доказывают все четырнадцать отдельных сюжетов, демонстрирующих путь российской культурной истории от так называемого Серебряного века до постсталинского периода советской идеологии.

Категория *жизненный мир*, которая вошла в язык философии благодаря трудам Р.Ойкена, Р.Авенариуса и Э.Гуссерля (в первую очередь благодаря его книге «Кризис европейских наук»), получала слишком разноречивые толкования. Много внимания уделили ей в свое время А.Шюц, П.Бергер и Н.Лукман. Остановимся на ее интерпретации Ю.Хабермасом. В одной из своих работ философ утверждает: «Тот или иной общий для многих жизненный мир предлагает определенный запас культурных самоочевидностей, из которого участники коммуникации в своих интерпретативных усилиях заимствуют устраивающий всех образец истолкования» [4, с.202].

Жизненный мир не придуман искусственно. Мы в него погружены всегда и везде, как в язык. Мы меняемся, потому что он меняет нас. Наконец, мы овладеваем жизненным миром вместе с другими людьми. И жизненный мир как часть нашего личного опыта является и частью

личного опыта *наших современников*. Жизненный мир – коммуникативная сфера общества, язык культуры, знаковый и символический фонд, из которого мы черпаем для понимания реальности все основные знания, суждения, метафоры, оценки, представления, мифы. Об этом Ю.Хабермас пишет: «В то время как сопряженный с той или иной ситуацией фрагмент жизненного мира в качестве некоей проблемы надвигается на действующего индивида, так сказать, спереди, сзади его поддерживает жизненный мир, который не только образует контекст процессов понимания, но и предоставляет для них ресурсы» [4, с.202]. Наша зависимость от жизненного мира равна нашей зависимости от общества. Только это *смысловая* зависимость.

Как и язык, жизненный мир не принадлежит лишь обособленным творцам, пусть и самым выдающимся. Как и язык, жизненный мир реализуется через конкретные практики, речевые акты, опыты визуализации и говорения, эстетические поступки и частные действия, в том числе и повседневные, бытовые. Наконец, жизненный мир не дан нам целиком, мы его не представляем в единстве и во всей полноте. Чаще всего мы имеем дело с отдельными его фактами, проявлениями.

Следовательно, и реконструкция *чужого* жизненного мира обязывает нас сознавать границы нашей исследовательской работы. Мы должны понимать, что беремся за трудную задачу. Жизненный мир прошлого – это исчезнувший жизненный мир. Он не дан нам целиком. Мы наблюдаем его в конкретных проявлениях. Верифицировать правильность нашей реконструкции мы можем чисто эмпирически, на основе источников. Поскольку культура не договаривает до конца, а конкретные носители жизненного мира чаще всего не объясняют нам своих намерений, результаты реконструкции требуют восстановления причинно-следственных связей, проникновения в область потаенную, скрытую от представителя другого жизненного мира и другой культуры. Таким образом, реконструкция самосознания прошлого оборачивается и герменевтикой, и диалогом культур, и работой по комментированию текстов, таких смысловых источников, от которых нас отделяют время, целые культурные пласты.

От нас требуется, используя проблемную ситуацию, правильно определить, как и при каких условиях наш контакт с неактуальным жизненным миром, жизненным миром Другого, в принципе возможен, насколько успешной будет реконструкция. Порой историография сама дает повод для такого исследовательского поворота. В этом ценность ее изучения. Так, мысль Ключевского о том, что в Переписке с Курбским

царь подготовил проект ликвидации одного правящего класса с заменой его на другой, заставила пристальнее отнестись к конкретным речевым конструкциям, обратить внимание на их контекст и, в конце концов, прийти к выводу о том, что вовсе не о замене класса на класс говорил царь, что его чаяния были связаны с будущим Судом. Но Ключевский, сам об этом не подозревая, обнажил конфликт интерпретаций, невольно заставил пересмотреть стереотипы восприятия хорошо знакомых источников.

Участники полемики часто сами обнаруживают предпосылки спора, обращают внимание на то, что в иных условиях оставалось бы скрытым для наблюдателя, раскрывают исходные смыслы в комментариях, формулировках, прямых высказываниях. Реконструкция основополагающих идеологем, ключевых категорий и философских принципов культурной истории России XX века и находится в центре внимания А.Л.Юрганова.

И тут уместно вспомнить несколько исследовательских сюжетов, которые органично дополняют друг друга, образуя важную линию рецензируемой книги. Речь пойдет о спорах деятелей искусства и литературы, представлявших в том или ином виде старую культуру, культуру модернизма с ее возвеличиванием суверенности отдельной личности, и культуру новую, сделавшую ставку на коллективизм, материалистический объективизм, практику активного воздействия на действительность, утилитарность.

Полемику модернизма и позитивизма по вопросу о «мещанстве» можно понять только при осознании того обстоятельства, что в само это слово участники полемики вкладывали противоположные смыслы. Прежде чем мы доберемся до существа спора, необходимо разобраться с оппозицией коллективного и индивидуального, сложившейся в интеллектуальном дискурсе начала XX в. Модернисты объявляют мещанским (пошлым и приземленным) именно коллективизм, а позитивисты – индивидуалистическое мировоззрение: «С точки зрения позитивистов всякий, кто пишет о психологических проблемах личности, превращается в идеолога мещанства и пошлого обывателя. С точки зрения модернистов всякий, кто забывает о правах личности, утверждая ценности надличные, оправдывает существующий пошлый и мещанский порядок вещей, убивающий личность – самое ценное, что есть в человечестве» [5, с.31].

Таким образом, полемика оказывается возможной только там, где уже выработаны общие категории, принимаемые без каких-то специальных доказательств, априорно, просто в силу того, что диспутанты добиваются «предельного смысла» и определяют его контекст. После публикации Горького о постановке «Бесов» на сцене Художественного

театра полемика о «мещанстве» приобретает широкий общественный характер. Из разряда обиходного тема переходит в разряд событийного, становится культурной сенсацией. И здесь участники дискуссии приоткрывают многие исходные мировоззренческие позиции. Они вынуждены исчерпывающе отвечать на злободневные вопросы. Дискуссия, в которой приняли участие многие критики и участники литературного процесса (А.Н.Будищев, Г.Г.Ясинский, И.Н.Потапенко, Д.С.Мережковский, Федор Сологуб, сам Горький в ответных текстах и др.), заставила вернуться к истокам старого спора, пересмотреть отношение к личности, индивидуальному, свободе. Дискуссия о Достоевском как мыслителе постепенно перерастает в спор об отношении к старой культуре как таковой. Новый виток полемика о «мещанстве» обрела в публицистике Иванова-Разумника, который обратился к трудам А.И.Герцена и Н.К.Михайловского. Отрицая мистическую составляющую в учении модернистов о личности, Иванов-Разумник провозгласил принцип гармоничного сочетания реальных интересов индивидуальности и реального блага народа. Иванов-Разумник обвинил Горького в том, что он искал расширительное герценовское толкование мещанства как западного утилитаризма: «Если исходить из мысли, что Герцен был противником буржуазии и в ней только видел мещанство как способ существования, то тогда грех мещанства заключается в изначальном индивидуализме. Если же находить в теории Герцена расширенное понимание мещанства, как это делал Иванов-Разумник, то тогда грех мещанства – в утилитаризме, в подавлении личности» [5, с. 50].

На примере отношения представителей русского модернизма к Первой мировой войне хорошо видно, что объединяло и разъединяло тех, кто эту войну описывал, поэтизировал или пытался осмыслить в контексте исторических судеб славянства и русского народа. Первоначальный пафос модернистов состоял в поиске метафизических оснований войны, в полемике с позитивизмом, который видел в войне лишь нарушение жизненного процесса. Модернизм ищет сверхэмпирические оправдания войне, которая сама по себе не есть зло, ведь последнее накапливалось и росло в мирной жизни. В итоге интеллигенция отвергла собственные иллюзии, но повод и глубинные следствия этого разочарования были очень разными: «Василий Розанов говорил в начале войны, что оружие взял в руки "народ-богоносец"; но он же опроверг себя, выразив презрение в 1918 г. к "подлому народу", свергнувшему царя; Николай Бердяев убедил себя в начале войны, что общество хочет измениться, но он же был вынужден сказать самому себе о предательстве русским

народом своих идеалов; Марк Криницкий в романе "Час настал" писал о необходимости новой человеческой личности, преобразующей мир, но главный его герой в романе "Прапорщик Игнатов" не справился с разочарованием и душевно заболел...» [5, с.96].

Как видим, исследовательские сюжеты Юрганова наглядно показывают, что в области изучения жизненного мира мы часто имеем дело с величинами «предельного смысла». Субъекты культуры оперируют такими базовыми категориями, дальше которых они не идут, но все из них производят. То есть исследование культурных матриц с неизбежностью приводит нас к набору аксиом. Именно отталкиваясь от них, создатели изучаемых источников выстраивают свои доктрины и ценностные высказывания. В полной мере это относится к полемике имажинистов и ЛЕФа, идейно-эстетической стратегии «Серрапионовых братьев» и представителей пролетарского искусства, к эстетическим исканиям большевика А.К.Воронского, пытавшегося примирить право художественности на суверенную реальность и будущность реалистического искусства отражения, подчиненного задачам марксистского диалектического материализма. Все эти сюжеты на большом фактическом материале исследованы в сборнике статей, что делает книгу и ценной антологией высказываний критиков, писателей, философов, общественных деятелей первой половины XX в.

Перед нами совсем другая история, нежели та, к которой мы привыкли. Ни нарратив, ни поиск «объективной» значимости явлений, ни попытка обнаружить истоки, причины процессов не привлекают внимания исследователя. Он погружен в открытие сугубо субъективных, казалось бы, смыслов, которые существуют, однако, не изолированно друг от друга, но во взаимодействии, в интеракции, в сложном интересубъективном сближении / отталкивании. Культурная история предполагает синтез многих голосов, их взаимодействие. При этом каждый голос сохраняет *право на монолог*.

Сталинизм как явление

Целый ряд материалов сборника посвящен не новой для автора теме – сталинизму как явлению, которое можно плодотворно рассматривать с позиций истории самопознания, общественного сознания, жизненного мира. В одной из статей сборника («Первый шаг в десталинизации исторической науки») А.Л.Юрганов отмечает метафизический характер сталинистских установок: «Страх

ошибки провоцировал иррациональное состояние, при котором естественным становился абсурд. Иными словами, контекст высказывания низводился до ничтожности, если речь шла о метафизике учения. Вместо рационального контекста – иррациональность метафизики: это и был дух сталинизма, продолжавший существовать некоторое время после смерти Сталина» [5, с.337].

Складывается примечательная ситуация, при которой сила поведенческой инерции, обусловленной устойчивостью сложившихся в сознании элит сталинистских установок и сценариев действий, оказывается сильнее, чем новая политическая воля советского руководства. Автор приводит яркие примеры, в каждом случае сопровождаемые тонким источниковедческим анализом. Так, советские писатели (А.А.Фадеев, К.М.Симонов, А.А.Сурков) продолжают двигаться по накатанной колее антикосмополитической и, по сути, антисемитской риторики, требуя освободить Союз советских писателей от нетворческого балласта. А советские историки, увлеченные самобичеванием, готовы принести в жертву прославленный ЛОИИ (Ленинградское отделение Института истории), оставив в живых только архив института. А.М.Панкратова (на последнем для Сталина XIX съезде партии получившая редкое для историка статусное признание – избрание членом ЦК КПСС) так увлекается цитированием работы И.В.Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», что не замечает контекста: оказывается, эту работу уже принято считать не «гениальной», а только «классической», а устами самого Г.М.Маленкова признается даже, что одно из положений работы Сталина «выдвинуто без достаточного анализа и экономического обоснования» [5, с.344]. И даже газета «Правда» (автор подробно исследует дневники П.Н.Поспелова, в 1953 году секретаря ЦК КПСС, курировавшего партийную печать), во всем и всегда эталонная, по инерции промахивается, когда грубым фотомонтажом стремится визуально подчеркнуть выбор индивидуального преемника – Г.М.Маленкова. А выясняется, что на дворе теперь – эпоха «коллективного руководства». Однако метафизические стереотипы сталинизма продолжают тянуть назад.

Сказанное выше касается «нисходящей» фазы сталинизма (вспомним историографический шедевр академика М.В.Нечкиной – идею о восходящей и нисходящей стадиях феодально-крепостнической общественно-экономической формации). Но не менее тщательно исследуется А.Л.Юргановым «восходящая», генетическая фаза в истории сталинизма. Автор прослеживает самые тонкие нюансы изменений в тоне, тема-

тике и контексте общественно-политического языка, приходящиеся на 1929–1931 гг. (с хронологическим расширением в обе стороны).

А.Л.Юрганов счастливо избегает одного из самых действенных искушений для историка – спроецировать на то, что было прежде, знание о том, чем оно закончилось. Мы знаем, что в апогее Сталин – «корифей всех наук». К 70-летию Сталина Академия наук СССР констатирует в огромном подарочном томе: «С чувством большого восхищения мы, ученые, ежечасно убеждаемся в том, что нет ни одной отрасли науки и культуры, где бы не сказалась Ваша направляющая мысль, где бы не отразился Ваш творческий гений» [1, с.IX]. Но так стало далеко не сразу.

На примере двух «фронтов» – литературного и исторического – А.Л.Юрганов прослеживает и показывает, по каким причудливым траекториям продвигалось дело перекодировки идеологического сознания элит в сторону усвоения ими матрицы культа личности. Автор обосновывает выбор 1931 года как поворотного в утверждении метафизики сталинизма. В сталинских текстах 1931 года и реакции на них А.Л.Юрганов видит своего рода инициацию сталинизма, прививку сталинизма обществу: Сталин «сделал первый "предупреждающий" выстрел в советское общество, заявив о начале большой кампании по глубокой реорганизации его на новых началах. Смысл этой реорганизации открылся не сразу, но очевидно, что её план уже существовал, по крайней мере, у агитационного отдела партии, не говоря уже о самом Сталине» [5, с.202].

В статье «Как товарищ Сталин стал руководить историческим фронтом» А.Л.Юрганов исследует различные факторы ослабления позиций «комиссара исторической науки» академика М.Н.Покровского и его учеников (вопрос с учениками трагичен в стиле эпохи: именно руками учеников М.Н.Покровского историк будет развенчан, а его взгляды будут ими же подробно разобраны как антимарксистские и антиисторические).

Исследователь отмечает, что «вхождение Сталина в контекст исторической науки – процесс весьма сложный. Не следует думать, что до определенного рубежа не было никаких подвижек, и сразу после часа X возникло какое-то другое состояние. Общество исподволь само себя готовило к восприятию этой метаморфозы» [5, с.269]. По мысли А.Л.Юрганова, в лице Сталина историческая наука (возьмем шире – общественные науки) получает в начале 1930-х годов новый тип модератора. И если прежний модератор, М.Н.Покровский, был достаточно предсказуем, то под патронатом Сталина возникает новая идеологиче-

ская ситуация: «Сталин как модератор – это внушение особого рода: все, что казалось и кажется близким к истинному учению, может оказаться неправильным при полной непредсказуемости. Никто уже не может быть уверенным в правильности своих построений» [5, с.278].

Заметим, что тема суггестии в историографии – одна из тех тем, в которых А.Л.Юрганов является во многом первопроходцем [2, с.448–462]. Причудливые механизмы внушения формируют историографическое пространство. Что же внушает Сталин? Он стремится «внушить любому ученику Покровского безотчетный и гнетущий страх, что он знает не современную, а какую-то отставшую от практики теорию. Практику (без объяснений – какую) знает Сталин, генеральный секретарь партии большевиков, – таков источник его поистине гипнотической силы в овладении исторической наукой» [5, с.279].

В контексте такой суггестии литература или историческая наука попадают в терминологическую ловушку своеобразной дурной многозначности. Есть, например, аксиома, что главное – владеть марксистской диалектикой. При этом, однако, диапазон значений термина не просто широк, он неуловим, поскольку менеджером контента, выражаясь языком эпохи цифровых технологий, является только один Сталин: «...подлинным учителем для всех писателей является товарищ Сталин, ему одному открываются законы марксистской диалектики» [5, с.221]. Прав А.Л.Юрганов: это метафизика. Добавим, что это метафизика, похожая на язык откровения, пророчества – «ему одному открываются».

Исследуемая А.Л.Юргановым культурная история сталинизма была бы безотрадной, если бы это была история буквы, руководящей цитаты, направляющего слова, партийной директивы. Однако один из научных и творческих принципов автора – внимание к совокупности явлений, пристальный интерес к осмысленной повседневности – жизненному миру. Историков, писателей, режиссеров. И в их жизненном мире мы видим синтез мыслей и поступков, действий и противодействий, чувств и противочувствий. Своеобразной «иконой стиля» А.Л.Юганова можно признать то, что он пишет о жизненном мире и творческой драме С.М.Эйзенштейна: «уникальный дар Эйзенштейна **быть со временем заедно и не быть с ним единой душой** (выделено нами. – *Авт.*) открывается тогда, когда обращаешься к свидетелям духовных переживаний художника» [5, с.317]. Быть в историческом времени, но не быть с ним заодно – трагический и возвышающий императив жизненного мира человека-творца в эпоху сталинизма.

Новая культурная история

Итак, помимо традиционной истории существует и *другая* история, история смысловая, история самосознания или *культурная история*. Ее основополагающая установка заклю-

чается в том, чтобы не допустить бесконтрольного доминирования метаязыка² (языка описания) над языком и, следовательно, жизненным миром изучаемой эпохи. Понятно, что этот жизненный мир не дан нам целиком. Следовательно, речь идет именно о специфике изучаемых источников, их фразеологии, опорных ключевых словах и образах, способах донесения информации. Во всем этом и заключен жизненный мир. Он открывается нам в типичных объяснениях, в тех интерпретациях, которые присущи участникам исторического процесса. Ведь в текстах заключены мотивации, доминирующие установки сознания, характер мировидения. Все это и требует тщательного анализа как суверенная часть прошлого, как его самосознание. А поскольку культура – это смысловая сфера жизни общества, то такая история мыслима только как *культурная история*.

Одним из ключевых методологических принципов, которые утверждаются в теоретическом введении сборника А.Л.Юрганова, становится «*эпохэ*» или редукция внешних объяснений, тех заранее сформулированных принципов, схем, положений, учений, популярных гипотез, которые навязывают историку готовые выводы. Исследование же источника всегда сопряжено с непредсказуемым. Власть априорных утверждений может противостоять только источник, а господству жизненного мира исследователя, его мировоззренческой ангажированности – только жизненный мир прошлого, реконструированный на основе интерпретаций и смыслов, существенных, ценностно значимых для коллективного или индивидуального актора, принадлежащего иному времени.

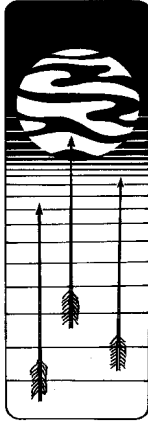
Думаем, что для определения новой историографической ситуации вполне подходит формулировка автора книги, послужившей исходным

² Под «метаязыком» лингвисты в традиционном языковедческом смысле подразумевают способы описания языка как системы. Иными словами, это язык высказываний о языке. В нашем случае под «метаязыком» подразумевается язык описания исторических фактов. И это не только терминология, которая всегда относительна и заменяема, а сам способ объяснять историю, сама концептуализация, которая характеризует тот или иной метод, тот или иной вид обобщений в исторической науке.

пунктом наших размышлений: «Если отказываться от объективизма как от естественной установки сознания, то следует признать, что в природе существуют только два вида концептуализации – исследователя и изучаемой эпохи, – никакой другой объективности нет и быть не может. <...> Выбор таков – либо "законы общества", безличные, абстрактные законы развития, отделенные от человека, и входящие в объективный процесс, в то, как было "на самом деле", либо историческое своеобразие (идеографическое описание) – но тогда это историческое сознание исторического субъекта» [5, с.6].

Библиографический список

1. Иосифу Виссарионовичу Сталину Академия наук СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1949. 776 с.
2. Источниковедение культуры: Альманах. М.: РГГУ, 2010. Вып.2. 479 с.
3. Ключевский В.О. Сочинения в 9 тт. М.: Мысль, 1987. Т.2. 447 с.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 380 с.
5. Юрганов А.Л. Культурная история России. Век двадцатый. Статьи и публикации разных лет. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 384 с.

Ирина Антонова

КАРЛ ГЕНРИХ МАРКС:

ОТ ФИЛОСОФИИ И ИДЕОЛОГИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
303.422

Публикация в рамках Полного собрания сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса на языках оригинала (МЭГА) рукописей и эксерптов Маркса, включая его работы по естествознанию и математике, открывает новый этап изучения философии, политической экономики и методологии Маркса. Источники философского метода Маркса нельзя ограничивать немецкой классической философией, а сам метод сводить к материалистической диалектике. Маркс был вовлечен в духовную жизнь своей эпохи, на его исследовании сказались философия, методология исследований классиков политической экономики и естествознания. Принимая способы теоретизирования, свойственные науке середины XIX в., Маркс в области политической экономики сформулировал выводы созвучные выводам естествоиспытателей той эпохи. Это предопределило, в частности, судьбу понятия отчуждения в «Капитале», которое утратило свою роль в качестве определяющего элемента его структуры.

With publication of Marx's manuscripts and excerpts including his extracts from numerous books on natural science and mathematics as a part of MEGA (Marx-Engels-Gesamtausgabe) a new stage begins in studies of Marx's philosophy, political economy and methodology. The sources of Marx's philosophical method can't be focused on German classical philosophy only and his method of research can't be reduced to materialistic dialectics alone. Marx was in mainstream of scientific life of his epoch in whole. His research approach was influenced not only by philosophy, but also by methodology of classical political economy and natural science as well. Admitting the theorization methods of the XIX century science Marx reasoned consonant with the naturalists of that era. That fact predetermined the destiny of alienation concept in the Capital, which became irrelevant as key element of Capital's structure.

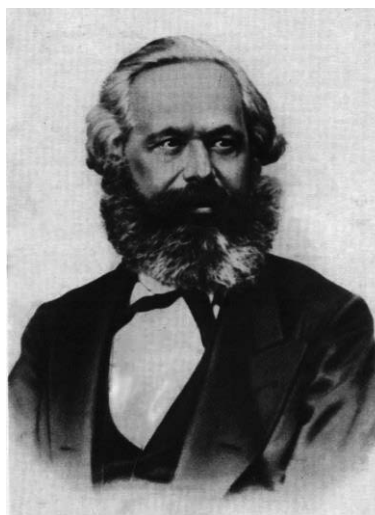
Ключевые слова: К.Маркс, «Капитал», естествознание, философия, методология, отчуждение, эксерпт, рукопись

Key words: K.Marx, "Capital", natural science, philosophy, methodology, alienation, excerpt, manuscript

E-mail: antonova_ik@mail.ru

Двухсотлетний юбилей со дня рождения Карла Маркса – только внешний повод более внимательно приглядеться к наследию ученого, в значительной степени определившего основные социальные процессы второй половины XIX – XX веков, политику и философию нашей эпохи. Гораздо важнее самой этой юбилейной даты то, что своеобразное развитие марксизма в Латинской Америке, Европе и Японии, его влияние на становление таких философов, как К.Поппер и Ю.Хабермас, интерес к наследию Маркса со стороны не менее видных мыслителей, в частности М.Фуко [16, р.183–200] и Ж.Деррида [15], выход в свет ранее неизвестных рукописей Маркса в рамках Полного собрания сочинений на языках оригинала (MEGA)¹ и, наконец, сотни страниц в Интернете, посвященных Марксу, – вот неполный перечень причин того, почему на исследовании марксистской теории рано ставить точку.

В то же время нельзя не признать, что изучение наследия Маркса, этого крупнейшего ученого Нового времени, именно в наши дни затруднительно. Разрушение политических систем государств, десятилетиями прокламировавших марксизм в качестве своей идеологии, не способствовало непредвзятому отношению к Марксу. Среди исследователей нередок эмоционально-идеологизированный подход к этому течению общественной и научной мысли, основанный как на отторжении его политической компоненты, так и просто на невежестве. Социологическое исследование, проведенное в мае 2005 г. фондом «Общественное мнение», показало, что только чуть более половины россиян постсоветской эпохи (57%) знали, кто такой Маркс, а 64% из них никогда не читали его работ и

К.Маркс в 1867 году.
Источник: ПСС К.Маркса и Ф.Энгельса на языках оригинала (МЭГА)

¹ Отметим, что данное издание является аутентичным и неполитизированным и редактируется международными специалистами-текстологами в области философии, политической экономики и истории.

поэтому втрое чаще называли его политиком и революционером (60%), чем ученым [18]. В опросе, проведенном фондом «Общественное мнение» в июне 2012 года, только 3% респондентов назвали имя Маркса на вопрос о том, каких знаменитых людей Германии они знают [19]. Согласно же опросу, проведенному ВЦИОМ в 2009 году, в «народном рейтинге» великих ученых мира Маркс набрал всего 1% мнений опрошенных россиян, деля эту позицию со своим соратником Энгельсом, а также с Лениным, Галилеем, Коперником, Петром Первым, Пироговым, Солженицыным и рядом других [20].

По свидетельству декана философского факультета МГУ В.В.Миронова, французский философ Жак Деррида был поражен отрицательным отношением к Марксу в среде российского философского сообщества. Этому в немалой степени способствовали вульгаризация и упрощение марксистской теории, начавшиеся уже при жизни самого ее создателя. Достаточно вспомнить его высказывание, когда, размежевываясь с рядом последователей, он говорил, что в этом случае он не марксист. Наверное, поэтому отношение к Марксу в наши дни можно сравнить с отношением в Новое время к Аристотелю и средневековой схоластике.

Однако было бы ошибкой исключать марксистскую теорию из сферы философского анализа только на том основании, что она стала фундаментом мощной политической концепции, направленной на насильственное переустройство общества. Тем более, что теоретическое наследие Маркса несомненно глубже и богаче его политической составляющей и включает, в частности, оригинальные философские воззрения, а также солидные разработки в области политической экономии.

Объективному исследованию марксизма в немалой степени призваны способствовать рукописи Маркса, в частности, представляющие собой выписки из произведений других авторов, занимавшие значительную долю его исследовательской работы. Данные выписки, иными словами, эксцерпты, значительную часть которых составляют работы по естествознанию и математике, вкуче с черновыми рукописями не только помогают понять теоретические источники взглядов Маркса, коренящиеся в науке и философии Нового времени в целом, но и детально реконструировать эволюцию его концепции, абстрагируясь от привычных шаблонов ее рассмотрения. Кроме того, они раскрывают всю совокупность научных интересов Маркса, тот интеллектуальный фон, на котором развивалась его теория. Эксцерпты и рукописи Маркса могут быть охарактеризованы, по меткому выражению французского филосо-

фа и лингвиста Юлии Кристевой, как «место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма — самого писателя, получателя, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [4, с.11–12].

Эти выписки документально свидетельствуют о том, что, начиная с самых ранних работ Маркса, немалое место в его исследованиях занимали вопросы естествознания и математики, со временем приведя к тому, что в его методологии стали превалировать моменты, свойственные конкретным наукам. Учет познавательного пространства, в котором велось развитие теории Маркса, позволяет трактовать её не сугубо в политическом плане, а в рамках дихотомии социальных и естественных наук.

Более того, в актуальную философскую проблематику прекрасно вписывается исследование теоретического наследия Маркса на стыке философии и лингвистики текста. Не вызывает сомнения, что современный подход, коснувшись марксизма, поставит новые проблемы, выработает новый язык его анализа. В противном случае, марксоведение можно было бы закрыть вследствие исчерпанности здесь знания в его качественном измерении [12, с.221–222].

**Генерализирующий метод
Маркса и понятие отчуждения**

Что же дает изучение рукописного наследия Маркса для нового прочтения его работ? Во-первых, это более аргументированный ответ на традиционные дискуссионные вопросы его теории, в частности на вопрос о роли в ней отчуждения. Несмотря на глубокий интерес к натурфилософии, Маркс на раннем этапе своего творчества подходил к области социальных отношений в значительной степени с позиций своих ценностных ориентаций, что проявилось в развитии философского понятия отчуждения, которое, в свою очередь, можно трактовать как некую отрицательную ценность, игравшую первоначально системообразующую роль в его теоретических построениях. Вследствие этого сам метод раннего марксизма был, говоря словами Г.Риккерта, методом «отнесения к ценности». Ценностный анализ общества в целом Маркс попытался экстраполировать и на область сугубо политико-экономического исследования — на исследование капитала и наемного труда, осознавая при этом отличие своего подхода от традиционно принятого в политической экономии. Так, в «Экономическо-

философских рукописях» 1844 года читаем: «Политическая экономия замалчивает отчуждение в самом существе труда» [9, с.90].

По тогдашнему представлению Маркса, именно из пары «отчужденный труд – частная собственность» можно развить всю систему категорий буржуазного общества, причем на каждом этапе исследуемые отношения будут носить на себе следы исходных [9, с.98]. Хотя Маркс декларировал, что отчуждение рассматривается им исключительно как экономический факт, тем не менее, выделяя три основных вида отчуждения: отчуждение труда, продукта труда и родовой сущности человека, – он привносил в их определение морально-эмоциональные характеристики. Так, отчуждение продукта труда влечет за собой бедность, рабство рабочего, его уродство, обесценивание, варварство, немощь, умственное опустошение, слабоумие. Отчуждение труда обуславливает отрицание рабочим самого себя, изнурение физических и духовных сил, самоистязание и т.д. И, наконец, отчуждение родовой сущности человека означает, что труд служит только для поддержания жизненных потребностей человека, сохранения его физического существования. Однако подход к анализу экономики с методологических позиций критики отчуждения был Марксом вскоре пересмотрен. Причиной этого стало более глубокое изучение основ политической экономии, которая традиционно разрабатывалась методами естественнонаучного объяснения.

Выписки из работ экономистов, сделанные Марксом летом 1845 г., свидетельствуют о том, что метод политической экономии интересовал Маркса не меньше самой этой науки. Так, изучая работы английского экономиста У.Петти (1623–1687), Маркс выписывал его рассуждения о методе, суть которого заключалась в попытке применить точный анализ к сущностным процессам в экономике, выразить их в «терминах числа, веса или меры... рассматривать только такие причины, которые являются видимыми основаниями природы», отвлекаясь от аргументов, «идущих от чувств, мнений...» [17, S.13], иными словами, абстрагируясь от психологической, идеологической и моральной обусловленности политической экономии. Такое же строгое разграничение политической экономии и морали Маркс отмечал у английского экономиста Н.У.Сениора (1790–1864) [17, S.233]. А конспектируя У.Аткинсона, Маркс признавал, что тот «очень хорошо разоблачает теологические, апологетические способы аргументации экономистов» [17, S.258]. Стремление отгородить политическую экономию от воздействия идеологии, морали и теологии Маркс поддерживал и в позиции Дж.Уэйда (1788–1875), выписывая его высказывания о том, что «политическая

экономия охватывает не моральные, а физические результаты» [17, S.288]. Выписки Маркса отвечали уровню развития его собственных взглядов, о которых можно судить не только по их изложению в трудах и рукописях, но и по той избирательности, с которой Маркс находил в работах предшественников рассуждения, отвечавшие его собственным размышлениям. Как следствие из этого вытекало многократное обращение Маркса к одним и тем же авторам, у которых Маркса на разных этапах разработки своей теории интересовали разные стороны их теорий. Соглашаясь с изучаемыми авторами по вопросам разграничения морали и экономики, Маркс всё больше отходил от ценностного анализа буржуазного общества в сторону его рассмотрения с абстрактных позиций политической экономии, разрабатывая сугубо генерализирующие методы описания экономических основ социального строя, что повлияло, в частности, на изменение места понятия отчуждения в теоретических воззрениях Маркса.

Так, если в рукописи 1844 г. в понимании отчуждения превалирует моральная коннотация, то уже экономическая рукопись 1857–1858 гг. проливает иной свет на данное понятие. В этом по существу первом наброске «Капитала» Маркс из всех развиваемых ранее значений отчуждения рассматривает, прежде всего, отчуждение рабочей силы, самого труда, условий труда, говоря при этом о закономерном появлении отчуждения в обществе. В рукописи 1857–1858 гг. отчуждение не рассматривается более как универсальная проблема исследования, как это выступало ранее. Маркс вскрывает его экономическую сущность и, абстрагируясь от его морального аспекта, соотносит с вполне определенным разделом экономического учения – с процессом превращения денег в капитал и в связи с этим с продажей рабочим его способности к труду. Именно в этом смысле отчуждение носит всеобщий характер. Антагонистический характер общества при этом предполагается, но данный антагонизм принимается как факт, как необходимая прогрессивная (хотя и промежуточная) стадия развития общества. Отсутствие отчуждения на ранних этапах развития общества свидетельствует, по замечанию Маркса, о неразвитости социально-экономических отношений. Социальная общность, как исторический продукт, на определенном этапе развития также предполагает отчуждение: «На более ранних ступенях развития отдельный индивид выступает более полным именно потому, что он еще не выработал всю полноту своих отношений и не противопоставил их себе в качестве независимых от него общественных сил и отношений» [10, с.108]. Напротив, в буржуазном обществе отчуждение

носит всеобщий характер. Деньги покупают труд, потому что индивид данный труд отчуждает. В данной рукописи Маркс уже практически не затрагивает вопросов об отчуждении родовой сущности человека и других гуманистических и антропологических проблем современного ему социума. В большей степени отчуждение – абстрактное понятие, за которым стоит совокупность таких процессов, как продажа товара «рабочая сила», разделение труда внутри фабрики, применение машинного производства. Отчуждению подвергаются и другие составляющие капиталистического производства, в частности наука. Подчеркнем, что, по мнению Маркса, было бы заблуждением трактовать отчуждение науки исключительно как негативный момент, сопровождающий её развитие и практическое применение. В частности, двусторонний характер носит взаимодействие науки и капитала. С одной стороны, научные достижения служат развитию капиталистического производства, а с другой стороны, потребности капитала являются условием развития науки: «Отделение и обособление науки, на первых порах идущее на пользу одному только капиталу, вместе с тем является условием для развития потенций науки и знания» [11, с.579].

Титульный лист 1-го издания «Капитала». Источник: ПСС К.Маркса и Ф.Энгельса на языках оригинала (МЭГА)

Таким образом, начиная с 50-х гг. XIX века понятие отчуждения утратило кардинальную роль в экономической системе в качестве *определяющего* элемента ее структуры. Тем не менее Маркс не отказался от своих гуманистических идеалов и от самого понятия в целом. Скорее всего, отказ от определяющей роли концепции отчуждения в экономической теории стал для Маркса существенным моментом преодоления известного антропологизма, он стал отводить приоритетную роль номологическим методам, которые по своей сути можно было бы, опять-таки вслед за Г.Риккертом, охарактеризовать как генерализирующие методы естественных наук. Маркс-экономист возобладал над Марксом-

философом [см.1, с.5–25], а в рамках его экономической системы произошло снятие противоположности естественных и социальных наук по их методу. Философские основы экономического учения, его политические выводы были, строго говоря, выведены за рамки экономической теории. Хотя в «Капитале» Маркс подчас и формулировал положения философского и даже политического плана, но эти философские рассуждения не являлись непосредственным предметом его исследования, а были своего рода метарассуждениями (рассуждениями о рассуждениях).

Новые источники анализа методологии Маркса

Все еще находясь под впечатлением работы Ленина «Три источника и три составные части марксизма», мы часто упускаем из виду то обстоятельство, что для философии Маркса

имели значение не только системы Гегеля и Фейербаха, подобно тому как для его социалистических взглядов – не только воззрения французских социалистов, а тем более для его политической экономии – не только системы А.Смита и Д.Рикардо, а без исключения вся история данной науки. Напротив, вовлеченность в духовную жизнь эпохи в целом, занятия политической экономией, прежде всего ее классическим направлением, построенным на методологическом фундаменте английской эмпирической философии, интерес к естественным наукам и математике – вот неполный перечень тех «дополнительных» гносеологических «корней», питавших систему и метод Маркса. Тем более что как в наши дни, так и в эпоху Маркса национальные перегородки между философскими и научными школами были весьма прозрачными.

Анализируя законы развития общества, Маркс основывался на понимании исторического процесса, близкого как к рассуждениям французских материалистов, так и английских экономистов, в особенности это касается жесткой причинной зависимости одних социальных явлений от других, стремлению придать наукам о человеке точный характер. Эти взгляды базировались на признании того, что человек, как составная часть природы, подчиняется ее строгим законам. Отождествление законов природы и законов общества было шагом на пути осознания необходимого характера социального закона. Впоследствии Маркс констатировал, что необходимый характер связей присущ не только социальным отношениям. В строгой причинной зависимости находятся и сами экономические отношения. В частности, развитие товарно-

денежных отношений с необходимостью приводит к возникновению капитала.

На методе Маркса не могли не сказаться как интерес к французскому материализму, так и изучение Д.Локка (1632–1704), Д.Юма (1711–1776), Т.Гоббса (1588–1679), а также занятия политической экономией, ее классическим направлением, в лице А.Смита (1723–1790) и Д.Рикардо (1772–1823) – ученых-экономистов, стоявших на позициях локковского сенсуализма. Впоследствии Маркс замечал: «Первоначально политической экономией занимались философы, как Гоббс, Локк, Юм, коммерческие и государственные люди, как Томас Мор, Темпл, Сюлли, де Витт, Норс, Ло, Вандерлинт, Кантильон, Франклин, теоретической стороной ее особенно занимались, и притом с величайшим успехом, медики, как Петти, Барбон, Мандевиль, Кенэ...» [7, с.630]. Маркс хорошо усвоил наследие философов-эмпириков, был солидарен с ними по многим вопросам как в начале теоретической деятельности, так и впоследствии. В частности, это стало основой для вывода об эмпирическом базисе историко-материалистического воззрения на общество и о единстве естество- и обществознания [см.6, с.18–26].

Напомним также, что в ходе создания «Капитала» принципиальную роль сыграла разработка понятия «капитал вообще», что свидетельствует о том, что в области логико-методологических принципов, которых придерживался Маркс, принципиальную роль сыграл номинализм, при этом гегелевские схемы развития служили для Маркса лишь определенным эвристическим принципом познания, образцом изложения теории.

В частности, речь шла о том, что для метода обработки материала, его группировки и придания стройности всему корпусу знаний в области политической экономии Маркс использовал гегелевскую систематику, к которой он обращался несколько раз в период работы над «Капиталом». Однако повторим, что доминирующую роль в разработке основ экономики буржуазного общества приобрели методы, адекватные конкретно-научному исследованию.

Планы создания «Капитала» первоначально предусматривали освещение всего комплекса экономических проблем, которые Маркс предполагал изложить в шести книгах о капитале, земельной собственности, наемном труде, государстве, внешней торговле и мировом рынке. Затем «план шести книг» трансформировался в изложение лишь основ экономики с попутным изложением важнейших прикладных проблем. Поэтому, на наш взгляд, нельзя противопоставлять политическую экономию Маркса и проблемы современной прикладной экономики, так называе-

мую «экономикс», изучающую макро- и микроэкономику, национальный доход, занятость, кредитно-финансовую и налоговую политику, мировое хозяйство и др. Дело в том, что, ограничивая предмет своего исследования вопросами производства, обращения и распределения капитала, Маркс не упускал из виду проблемы первоначального «плана шести книг», в котором отводилось место изложению более конкретных вопросов хозяйственной деятельности человека. И разрабатывая основы политической экономии, он изучал литературу, напрямую относящуюся к вышеперечисленным экономическим проблемам². Кроме того, не следует упускать из виду, что сам термин «политическая экономия» возник задолго до Маркса, был образован от слов *polis* (город, государство) и *oikonomos* (ведущий хозяйство) и не связан напрямую с политикой как таковой.

Классический идеал научного знания и теория Маркса

Как бы ни трансформировались предмет и метод теоретических исследований Маркса, вопросы естествознания, а также математики так или иначе, в большей или меньшей

степени постоянно присутствовали на каждом этапе его творческой деятельности, пройдя и через философское рассмотрение общества, и через его экономический анализ, а в 70–80-х гг. став самостоятельным предметом его активных занятий. Более того, можно утверждать, что интерес Маркса к естествознанию и математике имел три источника: одним из них была философия, и в частности ее натурфилософская проблематика, а другим – политическая экономия. Третьим самостоятельным источником был сугубо познавательный интерес к проблемам естествознания и математики. Это повлияло на метод Маркса. Говоря о методологии марксизма, практически всегда ограничиваются констатациями о ее, методологии, диалектическом характере, проявившемся в восхождении от абстрактного к конкретному, в связи логического и исторического. Однако методология Маркса включала в себя и другие моменты, в частности, номиналистическое отношение к всеобщим понятиям, диалогический характер теоретизирования (что выразилось в принципиальном отношении к такому аспекту исследования, как науч-

² Напомним, что термин «экономикс» был введен в оборот английским экономистом А. Маршаллом (1842–1924) вместо использовавшегося понятия «политическая экономия» с целью придания данной сфере знания более практической направленности.

ная критика), понимание развития не только из центрального противоречия системы, но и от периферии к центру, обоснование номологического вывода и многое другое.

В частности, до сих пор остается неисследованным вопрос, как в ходе рецепции естествознания Маркс воспринял и ряд естественно-научных методологических установок, в частности методологический *редукционизм*, свойственный классическому идеалу научного знания, давший, как известно, мощный эвристический заряд науке XIX в. В своих работах Маркс всегда склонялся к поиску общих начал, с позиций которых можно анализировать различные по своей природе отношения – иными словами, стремился находить общие моменты в проявлении законов природы и общества.

Сначала обращение к естествознанию было опосредовано интересом к натурфилософской проблематике в целом. С момента написания диссертации Маркс затрагивал вопрос о единстве естествознания и социологии в широком смысле этого слова. В рукописи «К критике гегелевской философии права» (1843) он отмечал воззрение Гегеля на гражданское общество как органическое целое, а также обсуждал проблемы социальной атомистики, что затем трансформировалось в рассмотрении в рамках экономической теории понятия товара как «элементарной клеточки», которое, в свою очередь, легло в основу экономического исследования буржуазного общества в «Капитале». Данная концепция укладывалась в русло рассуждений, присущих науке XIX в. в целом, достаточно напомнить, что социальный атомизм имел свой аналог в развитии биологии того времени. Согласно этой точке зрения, все в природе может быть сведено к элементарным началам. В рамках этого воззрения велись исследования М.Я.Шлейдена (1804–1881) в области деления растительной клетки. Шлейден полагал, что кардинальной задачей естествознания является сведение всех жизненных явлений к движению материи, согласно математическим законам притяжения и отталкивания. В том же смысле Шлейден понимал все системы в природе как ее различные ступени, различающиеся лишь степенью сложности процессов. При этом он указывал на необходимость генетического метода в науке.

Практически в то же время Т.Шванн (1810–1882) исследовал животную клетку, чтобы доказать, «исходя из тождества законов развития элементарных частиц животных и растений, теснейшую связь обоих царств органической природы» [13, с.79]. Говоря об истории своего открытия, Шванн признавал, что оно произошло в ходе осмысления работ

Шлейдена в области исследования растительной клетки [13, с.90], то есть в процессе творческого диалога представителей различных естественнонаучных дисциплин. Однако, чтобы быть более точным, необходимо охарактеризовать и точку зрения самого Шлейдена на возможности применения выводов одних наук к исследованию других. Так, Шлейден отмечал, что «нужно оберегаться от... перенесения слов из одной науки в другую без точной оценки, пригодно ли оно с сопутствующими ему отношениями на новом месте» [14, с.433]. Оба биолога сошлись в убеждении, что в науке господствует «всеобщий основной закон человеческого мышления, неуклонное стремление его к единству» [14, с.411].

Возвращаясь к Марксу, не будет преувеличением охарактеризовать его теоретические и методологические выводы в качестве интертекстуальных, то есть именно таких, которые, несмотря на свою научную новизну, методологически находились в рамках существующих концепций. Не ограничивая свои рассуждения о путях познания природы и истории с позиций методологического редукционизма, Маркс неизменно подчеркивал необходимость рассмотрения природы и общества системно, в качестве органического целого, однако саму эту целостность – как итог развития исходного атомарного отношения.

Геологический актуализм и понятие исторического процесса

Методы естествознания XIX в. коснулись и святая святых марксистского учения – теории общественных формаций, согласно которой исторический процесс имеет объективный

кумулятивно-дискретный характер. Именно она была методологическим и мировоззренческим фундаментом экономической теории Маркса. Напомним один из моментов взгляда Маркса на общественные формации, а именно тот, который имеет отношение к историческому развитию. Согласно Марксу, формации не существуют изолированно друг от друга, а сосуществуют в реальном историческом процессе, более того, между ними имеется взаимодействие: «Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры, дают вместе с тем возможность заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено. Некоторые еще не преодоленные остатки этих обломков и элементов продол-

жают влачить существование внутри буржуазного общества, а то, что в прежних формах общества имелось лишь в виде намека, развилось здесь до полного значения и т.д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» [10, с.42].

Любопытно, но отнюдь не удивительно (зная о едином познавательном пространстве, в котором находился Маркс и его современники), что к аналогичным выводам примерно в то же самое время или даже немного раньше пришел геолог Ч.Лайель (1797–1875), исследовавший возможности изучения в нашу эпоху более ранних геологических эпох. Этот английский геолог (с трудами которого Маркс был хорошо знаком) сформулировал принципы актуализма, своего рода исторического метода познания изменений внешнего строения нашей планеты. Для развиваемого Лайелем метода актуализма были характерны следующие этапы изучения геологических структур: исследование следов и остатков прошлого, их анализ и интерпретация в свете знания о современных процессах и их причинах; реконструкция явлений прошлого в конкретно-исторических ситуациях; вычисление этапов развития изучаемого объекта и причин перехода от одного этапа к другому, выяснение тенденций дальнейшего развития; построение общих теоретических концепций всего процесса.

Таким образом, диалогический характер развития научного знания по всем направлениям пронизывал историю науки Нового времени. И, препарируя с этой точки зрения теорию общественно-экономических формаций Маркса, обнаруживаем как творческую конфронтацию с идеями своих предшественников в одной и той же области познания (будь то философия или политическая экономия), так и постановку вопросов в социально-исторической теории, созвучную с проблематикой целого ряда естественнонаучных дисциплин. Явно просматриваются и параллели в методах разработки естественных наук и теоретических воззрений Маркса.

Рассуждения Маркса на тему исторического развития имеют принципиальное значение и для рассмотрения теоретического знания в целом. В частности, их можно экстраполировать на анализ различных уровней развития науки. Их можно принять во внимание и в ходе современной философской дискуссии о соотношении собственного исследования и заимствований, цитирования других авторов – в ходе осмысления концепции «цитатного мышления». Нельзя не признать, что элементы более ранних периодов прогресса научного знания присутствуют на более поздних стадиях развития теорий. Однако в этом случае они не

ведут самостоятельного существования, а подчиняются законам новой системы, и, следовательно, речь может идти не столько о заимствовании положений предшествующей науки, сколько об адаптации наличного знания в пространстве существующей культурной ткани. Формирование новых взглядов создает реальную предпосылку систематического анализа предшествующего этапа развития теории, когда предшествующая история идей выстраивается в некую новую систему. Именно окончательное изложение научной теории определяет в предшествующем исследовании принципиальные и второстепенные моменты. Данный вывод имеет значение и для текстологии. Продуктивное познание является определяющим моментом для познания рецептивной деятельности, иными словами, показать смысл рецепции можно лишь на основе исследования самостоятельной концепции. Это значимо и в том случае, когда самостоятельная концепция во временном плане предшествует рецепции дополнительного для данной теории знания.

Причины изучения Марксом естествознания и уровень усвоения наличного знания

Естественные науки и их методы приобрели для Маркса принципиальное значение в 50–60-е гг. XIX в., когда он стал активно привлекать конкретно-научную методологию и сами данные естественных наук к своему политико-экономическому исследованию – к анализу денег, земельной ренты, развития производительных сил вообще. Именно собственные исследования Маркса в области политической экономии стали поводом для изучения им естествознания. Из всей совокупности естественных наук Маркс особо выделял химию, геологию и физиологию.

В процессе изучения основ естествознания перед Марксом стояла триединая познавательная задача. Данная задача хотя и не была сформулирована явно, но в неявной, имплицитной форме решалась в течение всего периода занятий естественными науками. Во-первых, изложение теории земельной ренты поставило перед ним задачу оценки закона убывающего плодородия почв, что было невозможно без знания химико-геологических основ земледелия. Для этого Маркс познакомился с трудами агрохимика Юстуса фон Либиха (1803–1873). «Новая агрономическая химия в Германии, – писал Маркс 13 февраля 1866 г., – особенно Либих и Шёнбейн, для этого дела важнее, чем все экономисты, вместе взятые» [8, с.150, см. также с.154]. О таком же отношении к современным для его времени химическим исследованиям свидетельст-

вовал и тот факт, что в 1865 г., за два года до выхода в свет первого тома «Капитала», 47-летний Маркс посещал лекции по химии Августа Вильгельма Гофмана (1818–1892). (Напомним, что Гофман был специалистом в области органической химии, известным своими исследованиями каменноугольной смолы, свойств анилиновых красителей, реакцией расщепления амидов кислот. В 1861 г. Гофмана, немецкого химика, избрали президентом Лондонского химического общества.). В 1867 г. он и Энгельс читали его работу «Введение в современную химию» [8, с.258, 260].

Вторая задача, стоявшая перед Марксом, вытекала из признания взаимообусловленного развития науки и производства. Принимая в качестве доказанного факта то, что основные вехи развития науки с известными оговорками совпадают со скачками в развитии производства, Маркс не мог не уделить внимания изучению истории развития науки. Этим, на наш взгляд, можно объяснить его интерес к датам основных открытий в изучаемых областях знания.

Третий результат изучения естествознания не был обусловлен специально поставленной задачей. Однако он был своего рода сопутствующим моментом процесса изучения эмпирических наук. Этим моментом было обнаружение сходства своих взглядов на роль эмпирического в науке с соответствующими положениями изучаемых авторов, а также возможность проинтерпретировать данные науки с философской точки зрения. Первоначальный замысел осветить более конкретно вопросы естественнонаучной подоплеку экономических явлений в рамках «Капитала» в ходе работы над ним был отброшен Марксом как выходящий за рамки предмета исследования.

Ограничиваясь прочтением законченных работ Маркса, можно ответить лишь на вопрос о том, как Маркс решал проблему природного и социального, насколько важную роль отводил естествознанию. Без привлечения к анализу огромного числа выписок Маркса по естествознанию и математике не может быть поставлен вопрос о деконструкции всего комплекса рукописей Маркса. Эксерпты Маркса по естествознанию, публикуемые на языке оригинала, становятся доступными для исследования лишь в последнее время. Первый опыт их прочтения ставит вопросы о целях данных занятий, о центральных понятиях рукописей, о характере источников и принципах подхода к ним.

«Пик» естественнонаучных занятий Маркса, когда он исписывал целые тетради химическими формулами и геологическими схемами, пришелся на то время, когда его исследования по политической экономии

уже представляли собой некоторую сложившуюся систему знания, совершенствование которой по большому счету не предполагало глубокого эмпирического изучения смежных, а тем более отдаленных областей научного знания, какими были геология, минералогия, химия, агрохимия, физиология и т.д. Объяснить причины этого кажущегося противоречия можно не на основе абстрактных гипотез, а лишь исходя из основательного текстологического изучения рукописей. Анализ их основных понятий, планов, которые составлял Маркс к своим конспектам, списков литературы, приводимых в них, свидетельствует, что основной целью занятий естествознанием было намерение выяснить адекватные условия функционирования экономических отношений, подкрепленное субъективным интересом к данным наукам. Этот вывод можно обобщить словами Г.К.Косикова о том, что, «поскольку человек одновременно принадлежит и номологическому порядку причинности, и свободному порядку мотивации, постольку к нему возможен как научно-объяснительный, так и "понимающий", герменевтический подход» [3, с.11].

Важно иметь в виду, что анализ соответствующих рукописей не должен проводиться с точки зрения оценки того, что нового внес Маркс в понимание химии, геологии, физиологии и математики, которой он также активно занимался в последний период своей жизни. Он, прежде всего, ознакомился с эмпирическим материалом данных наук. Тем не менее это не означает, что данный вид интеллектуальной деятельности неинтересен для историко-философского анализа. Ведь именно пример развития Марксом своей теории (с учетом доступности всех подготовительных манускриптов) может стать основой для обобщений в области «онтогенеза» теоретического знания.

Подобно тому, как в XIX в. наблюдалось скоординированное развитие научного знания в целом, так и в ходе усвоения естествознания, которое предпринял Маркс, можно отметить скоординированное чтение научной литературы, относящейся к различным дисциплинам. Проиллюстрируем эту мысль на одном примере. В ходе разработки политико-экономической теории земельной ренты Маркс уяснил для себя, что на плодородие почвы оказывают влияние два фактора: сугубо природный (в частности, выветривание) и естественно-экономический (применение удобрений). Различение этих факторов обусловило обращение к двум наукам, их изучающим, – геологии и химии. Нельзя не отметить при этом, что с самого начала изучение геологии и химии взаимно дополняли друг друга. Изучение Марксом геологического понятия *выветрива-*

ния (отвечающего за процесс образования культурных почв) вызвало его интерес ко всей совокупности минералогических проблем, а также к его, выветривания, химическим основам. Именно понятие выветривания сгруппировало вокруг себя занятия тремя научными дисциплинами – химией, геологией, физиологией. Этому способствовало изучение агрохимии, которое также предусматривало знакомство со всем комплексом химической проблематики, начиная с неорганической и заканчивая органической химией.

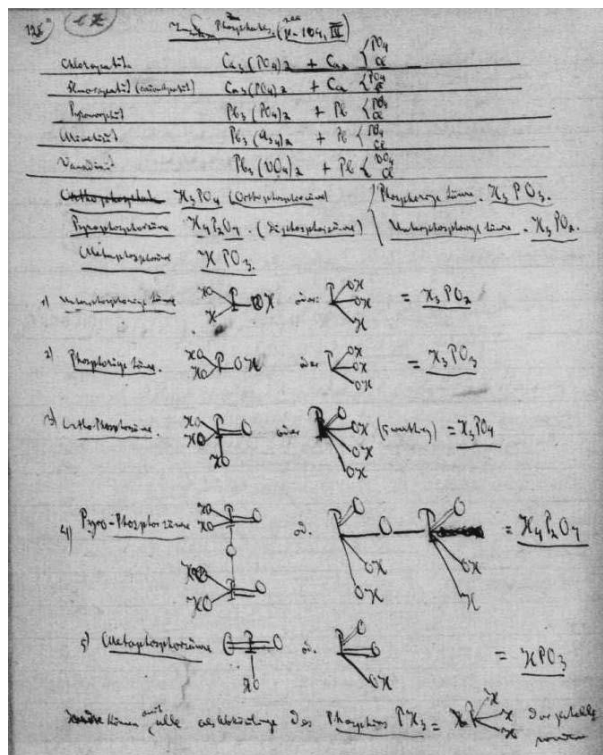
Аналитическая направленность работы Маркса сказалась в том, что он не ограничивался систематизацией материала, данной в конспектируемых им источниках, а производил дополнительное членение материала, его перегруппировку, изменение последовательности изложения

Конспект по геологии.

Источник: ПСС К.Маркса и Ф.Энгельса на языках оригинала (МЭГА)

по сравнению с источниками. При этом одной из основных особенностей работы Маркса над изучаемой им литературой была попытка системного и исторического изучения естествознания, что означало применение к данной сфере знания методологических принципов, выработанных в процессе разработки экономической теории. Интерес к строению органических веществ, к усвоению ими элементов неорганического мира свидетельствовал, насколько живым был интерес Маркса к проблемам взаимодействия на уровне живой природы. Зная о том, что и общество, и живую природу Маркс рассматривал как органическое целое, можно философски проинтерпретировать данные занятия в качестве объективной, независимой от субъективного замысла попытки выявления особенностей органического целого.

Конспект по геологии.

Источник: ПСС К.Маркса и Ф.Энгельса на языках оригинала (МЭГА)

Признание Марксом на деле всеобщей связи наук не вызывает удивления, если учесть, что в науке того времени данные представления о науке были широко распространены. Так, английский геолог Ч.Лайель писал: «Геология тесно вяжется почти со всеми естественными науками, точно так же как история с нравственными... необходимо, чтобы геолог был хорошо посвящен в химию, физику, минералогию, зоологию, сравнительную анатомию, ботанику, короче сказать, в каждую науку, относящуюся до органической и неорганической природы» [5, с.2].

В своих работах эксцерптного характера Маркс объективно обнаружил данную связь наук. Примером тому может служить тот факт, что в одном из химических эксцерптов Маркс наметил, а в другом реализовал замысел показать взаимодействие органической и неорганической химии, ее более абстрактных и конкретных разделов – физиологической химии и органической химии. В геологических эксцерптах он вплетал в изложение геологии химическую проблематику. Иными словами, к рассмотрению минералов он привлекал данные из химической литературы, трактующие химические основы минералогии. Вопросы качества почв, технологии получения химических веществ особо помечались Марксом как в виде подчеркиваний в книгах, так и в виде особых отметок в собственных эксцерптах.

В отличие от конспектов по политической экономии, эксцерпты по естествознанию практически не нашли своего дословного отражения в экономических рукописях, влияя лишь на общую обоснованность изложения, на философское осмысление в «Капитале» общих закономерностей соотношения социальных и естественных наук, на определение роли науки как непосредственной производительной силы.

Таким образом, становится очевидным, что исследование теории марксизма далеко не завершено. Однако оно должно выйти на новый уровень анализа источников, не ограничиваться темами, ставшими за полтора века существования этой теории привычными и традиционными. Напротив, в условиях плюрализма философских и мировоззренческих традиций уместно еще раз взглянуть на учение Маркса и Энгельса как на одну из важнейших составляющих духовной атмосферы XIX–XX веков. И это без сомнения даст новый импульс развитию философии XXI века.

Библиографический список

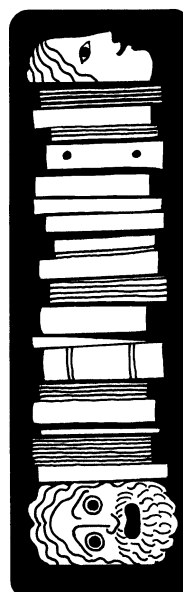
1. Баллаев А.Б., Козлова М.С. Предназначение философии. Мысли Маркса // Историко-философский ежегодник / Отв. ред. д-р филос. наук Мотрошилова Н.В. М.: Наука, 1989. 372 с.
2. Грицанов А.А. Маркс, Карл // Постмодернизм. Энциклопедия. / Сост. Грицанов А.А., Можейко М.А. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1038 с.
3. Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. — М.: Прогресс, 2001. 536 с.
4. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2001. 536 с.
5. Лайель Ч. Основные начала геологии или новейшие изменения Земли и ее обитателей. Т.1. М.: Изд-во А.И.Глазунов, 1866. 399 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т.3. М.: Издательство политической литературы, 1955. 629 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т.23. М.: Издательство политической литературы, 1960. 907 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т.31. М.: Издательство политической литературы, 1963. 690 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд. Т.42. М.: Издательство политической литературы, 1974. 535 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., Т.46, Ч.1. М.: Издательство политической литературы, 1968. 559 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф., Соч. 2-е изд., Т.47. М.: Издательство политической литературы, 1973. 659 с.
12. Найдыш В.М. Наука и квазинаучные формы культуры. М.: Издательство СигналЪ, 1999. 306 с.
13. Шванн Т. Микроскопические исследования о соответствии в структуре и росте животных и растений. М.: Издательство АН СССР, 1939. 463 с.
14. Шлейден М.Я. Данные о фитогенезисе. // Шванн Т. Микроскопические исследования о соответствии в структуре и росте животных и растений. М.: Издательство АН СССР, 1939. 463 с.
15. Derrida J. Spectres de Marx. L'État de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale. Paris: Galilée, 1993. Имеется перевод на русский язык: Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и Новый Интернационал / Пер. Б.Скуратова, под ред. Д.Новикова. М. Издательство Logos-altera, Ecce homo, 2006. 256 с.
16. Foucault M. Nietzsche, Freud, Marx. // Cahiers de Royaumont, t. VI, Paris, Éd. de Minuit, 1966. 292 p.
17. Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA²). Bd. IV/4. Exzerpte und Notizen. Juli bis August 1845. (Manchester Hefte 1–5 u. a.) 1988. 939 S.
18. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd051813>.
19. URL: <http://fom.ru/Kultura-i-dosug/10533>.
20. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=11557>.

Только то общество, в котором народ пользуется верховной властью, есть истинное вместилище свободы, той свободы, которая выше всех благ и которая, не будучи равной для всех, не есть свобода.

Цицерон Марк Туллий

Если лесть, которой историк
пользуется, чтобы преуспеть,
противна каждому,
то к наветам и клевете
все охотно прислушиваются.

Тацит

Нина Хайлова

**ЛИБЕРАЛ-ЦЕНТРИСТ
В.Д.КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ:**

**«ГОСУДАРСТВО ДОЛЖНО ИДТИ
ВПЕРЕДИ ГРАЖДАН, ВЕДЯ ИХ
К ПРАВУ, ПРАВДЕ И СВОБОДЕ»**

УДК
929

В статье представлен «портрет на фоне эпохи» В.Д.Кузьмина-Караваева (1859–1927), военного юриста, земца, публициста, депутата I и II Государственной думы, участника событий 1917 г., активного деятеля Русского зарубежья. По своим общественно-политическим взглядам он принадлежал к центристскому течению русского либерализма (условно – между кадетами и октябристами), занимавшему особую «нишу» в российской многопартийности начала XX века. Кузьмин-Караваев был одним из лидеров Партии демократических реформ (1906–1907), членом ЦК Партии прогрессистов (1912). На основе разнообразных источников характеризуется позиция Кузьмина-Караваева по коренным вопросам российской жизни, восприятие его идей современниками.

The article presents a “portrait against the background of epoch”: the profile of V.D.Kuz'min-Karavaev (1859–1927), military justice officer, the active participant of the Zemstvo movement, member of the 1st and the 2nd State Duma, participant of events that took place in 1917, and the active personality of the Russian émigré community abroad. By his political opinions he belonged to the centrist current of the Russian liberalism (conditionally speaking, he occupied position between the Constitutional-Democrats and the Octyabrists and a peculiar position in the Russian multiparty system of the early 20th century. In 1906–1907 Kuz'min-Karavaev was one of the Democratic Reforms party, a member of the Progressive Party Central Committee in 1912. Kuz'min-Karavaev's position on the most important issues of the Russian life and perception of his ideas by coevals are reconstructed and characterized on the basis of various sources.

Ключевые слова: В.Д.Кузьмин-Караваев; школа и политика (дискуссия 1900 г.); центризм в русском либерализме начала XX в.; I и II Государственная дума; прогрессизм и проблема национализма; Великая российская революция 1917 г.; Русское зарубежье.

Key words: : V.D.Kuz'min-Karavaev; school and politics (discussion held in 1900); centrism in the Russian liberalism of the early 20th century; the 1st and the 2nd State Duma; Progressivism and the problem of nationalism; the Great October revolution of 1917; the Russian community abroad.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

Владимир Дмитриевич Кузьмин-Караваев (1859–1927) по роду своей профессиональной деятельности (военный юрист) и признанию заслуг на этом поприще (генерал-майор) представляет собой нетипичную фигуру среди русских либералов. Тем не менее уже современники отдавали ему должное, прежде всего, именно в этом качестве. Уроженец Тверской губернии, потомственный дворянин, он принадлежал к старинному роду, ведущему свое начало от новгородских посадников. С конца XV в. Кузьмины-Караваевы – воеводы, стольники, стряпчие – нередко упоминаются в исторических документах. Впоследствии представители этой фамилии были успешны на воинской службе – в армии и флоте, участвовали во многих известных батальных XVIII–XIX веков, достигнув высоких чинов. Среди них – Дмитрий Николаевич Кузьмин-Караваев (1818–1883), генерал от инфантерии, а также его братья – контр-адмиралы: Николай (1820–1883) и Твердислав (1829 – после 1885) [33].

Владимир был одним из сыновей Д.Н.Кузьмина-Караваева, которые, продолжив семейную традицию, оставили след в анналах российской военной истории¹. Сам же он приобрел известность, прежде всего, как публицист, общественный деятель и политик. Однако и его жизнь почти тридцать лет была связана с армией, а в период русско-японской войны он несколько месяцев (с марта по сентябрь 1904 г.) находился в Маньчжурии, исполняя обязанности председателя Военно-судной комиссии.

По окончании в 1878 г. Пажеского корпуса В.Д.Кузьмин-Караваев служил в 7-й полевой конной батарее, затем – в Гвардейской конно-артиллерийской бригаде. В 1880 г. он поступил в Александровскую Военно-юридическую академию в Санкт-Петербурге, диплом которой в 1884 г. открыл ему дорогу для службы (вплоть до 1899 г.) в столичном военном округе в качестве военного следователя. После защиты докторской диссертации [22] Кузьмин-Караваев расширил поле деятельности, вернувшись в Военно-юридическую академию уже в качестве профессора кафедры военно-уголовного права. Член Международного союза криминалистов (с 1898 г.), Кузьмин-Караваев пользовался авторитетом и среди зарубежных коллег. Яркой страницей его биографии стала ад-

¹ Это Николай (1853–1892), генерал-майор, в 1880–1885 гг. воспитатель младших сыновей великого князя Михаила Николаевича; Дмитрий (1856–1950) – генерал от артиллерии (1912), начальник Главного Артиллерийского управления в 1909–1915 гг.; Аглай (1864–1918) – генерал-лейтенант, начальник 1-й Донской (июль – август 1914 г.) и 1-й Кубанской (август 1915 – апрель 1917 г.) казачьих дивизий.

вокатская деятельность. С конца 1905 г. он присяжный поверенный Петербургской судебной палаты, в 1908–1911 гг. – член Совета присяжных поверенных. Всероссийскую популярность принесли ему выступления в качестве защитника на политических процессах.

Служебные обязанности и преподавательскую работу (в том числе в Николаевской академии Генерального штаба, Петербургском университете) Кузьмин-Караваев совмещал с общественной деятельностью как в столице, так и у себя на родине, в Тверской губернии. С 1890 г. он состоял в Юридическом обществе при Петербургском университете (избирался помощником председателя общества, председателем административного отделения).

Конец 1890-х гг. отмечен в судьбе Кузьмина-Караваева вступлением в ряды деятелей местного самоуправления. В 1897 – 1906 гг. он гласный Бежецкого уездного и Тверского губернского земских собраний, примыкал к господствовавшему в них либеральному крылу, стоявшему «за возможно большее развитие земской деятельности, направляемой ко благу массы населения». С 1903 г. Кузьмин-Караваев – гласный Санкт-Петербургской городской думы (в 1915–1916 гг. – товарищ председателя Петроградского городского головы, гр. И.И.Толстого). В январе 1904 г., по требованию министра внутренних дел В.К.Плеве, он был вынужден сложить звание гласного Тверского земства и Санкт-Петербургской городской думы (в звании земского гласного восстановлен осенью того же года). Политические мотивы обусловили и его вынужденную отставку 30 сентября 1905 г. с поста помощника начальника Главного артиллерийского управления. Решение верхов последовало несмотря на то, что непосредственное руководство характеризовало его как человека «надежного и исполнительного». В мемуарах военного министра А.Ф.Редигера упоминаются обстоятельства события: «Он был большой либерал и в Тверском земстве выступал с речами, не вязавшимися с военным мундиром, на что мне указал Государь. Я вызвал Кузьмина-Караваева и предложил ему подать в отставку. Он тотчас согласился и лишь просил отсрочки на один – два месяца, чтобы он мог получить полную пенсию, на что я дал согласие. Разговор шел в дружелюбном тоне; я ему выразил надежду, что не увижу его в рядах крайних партий, и он мне это обещал» [31, с.439, 509].

Наиболее ярким выражением общественно-политических взглядов Кузьмина-Караваева стала его публицистическая деятельность, стремительно развивавшаяся с конца 1890-х гг. В 1902–1905 гг. Кузьмин-Караваев был одним из редакторов газеты «Право», с ноября 1905 г. –

ЛИБЕРАЛ-ЦЕНТРИСТ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ

ведущим отдела «Из общественной хроники» (впоследствии – и «Внутреннего обозрения») в журнале «Вестник Европы». Склонность Кузьмина-Караваева к просветительству нашла выражение в его сотрудничестве с такими изданиями, как «Новый энциклопедический словарь» Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона (в 1911–1916 гг. – редактор отдела уголовного права и автор большей части статей по данной проблематике), «Политическая энциклопедия» (1906, редактор – Л.З.Слонимский).

«Борец по натуре, учитель по складу ума»

Многолетняя (с 1889 г.) дружба связывала Кузьмина-Караваева с философом Вл.С.Соловьевым. Отмечая в своих воспоминаниях своеобразие последнего как человека и мыслителя,

Кузьмин-Караваев в определенной мере представил и своего рода «самохарактеристику»: «Борец по натуре, учитель по складу ума, Владимир Сергеевич и в личных отношениях неуклонно и последовательно оправдывал веру отцов. Он не был проповедником... Он учил примером своей жизни... Основной чертой отношений Соловьева к людям была деятельная любовь к людям, независимо от их происхождения, веры, общественного и имущественного положения»; противник «узкого национализма», он «соединил в себе веру разрозненных церквей». По словам мемуариста, «ценивший выше всего свободу и независимость своего духа», философ «никогда никому не навязывал своих взглядов... терпимый к чужим мнениям, поступкам и склонностям, к себе был чрезвычайно строг. ... Партийная обособленность также была ему неизвестна. Как в литературе, так и в жизни Соловьев стоял вне наших делений на группы» [15, с.253–260].

При всей близости жизненных позиций Кузьмина-Караваева и Вл.С.Соловьева, «различие их было в том, что один создавал теоретическую основу нравственной философии в концепциях "всеединства", "богочеловечества", учения о Софии, а другой, глубоко убежденный в гуманности этих идей, пытался следовать им в своей политической деятельности» [34, с.105].

Откликаясь на актуальные вопросы российской жизни, Кузьмин-Караваев уделял особое внимание проблемам народного образования и просвещения. Так, в 1900 г. он выступил с критикой очередного издания учебника Д.И.Иловайского по русской истории [11], в ту пору «обязательно принятого чуть не во всех средних учебных заведениях». Как опасное направление в школьной политике Кузьмин-Караваев характе-

ризовал расстановку акцентов в оценке Иловайским писателей и публицистов второй половины XIX века с целью навязать юному поколению «единственно верные» убеждения. Так, на примере «драматурга Островского» и «сатирика Салтыкова» автор учебника критиковал «реальное, или собственно "пошрое", направление» в литературе, якобы поощрявшее «грубые вкусы и нравы». Лев Толстой был «уличен» историком в «неудачном философствовании и пропаганде противунационального направления». «Вестнику Европы», «Русским ведомостям» и «Русской мысли» были предъявлены обвинения в «грубости и неуважении к личности», а идейная позиция этих изданий определялась как «легкомысленная», «несогласная с отечественным строем и русскими интересами». По наблюдению Кузьмина-Караваева, «слова "лжелибералы", "лжеучение" пестрят чуть не на каждой странице... В области внешних сношений Россия, по учебнику г. Иловайского, окружена сплошной завистью, коварством и трусостью. Никаких реальных интересов ни у одного государства, кроме России, нет...» [17]. Автор рецензии не сомневался в том, что «система г-на Иловайского» в большинстве случаев не будет воспринята ни учителями, ни родителями учащихся, а потому приведет к «разладу в школе, разъединению ее с жизнью» [18].

**«Школа должна оставаться
недоступной для политики»**

Публикация Кузьмина-Караваева вызвала резонанс в прессе. Против «травли» в отношении известного историка со стороны «воинствующего нигилизма» выступили «Московские ведомости» В.А.Грингмута [5].

В свою очередь, позиция Кузьмина-Караваева нашла сочувственный отклик на страницах ряда петербургских изданий. Его поддержала и редакция «Вестника Европы», указав на предвзятость и политическую ангажированность критиков публициста: «Прежде всего, газета [«Московские ведомости»] перемещает предмет спора. Г-н Кузьмин-Караваев восстает против внесения политики в школу; а его обвиняют в желании заменить политику г-на Иловайского другою, проникнутою духом "воинствующего нигилизма". Он доказывает, что учебник, поверхностно и односторонне освещающий лица, события, направления, не может не внести смуту в умы юношей, на каждом шагу встречающихся, вне школы, с совершенно иными взглядами; а ему приписывается мысль о необходимости перестроить преподавание в духе той или другой антиправительственной системы». Главной целью этой «борьбы с созданиями собственной фантазии» журнал

Стасюлевича считал дискредитацию оппонента, вплоть до судебного преследования.

Полемизируя с «Московскими ведомостями», «Вестник Европы» представил свой взгляд на проблему освещения в учебнике событий новейшей истории: «за немногими исключениями, не дело учебника – характеристика людей и событий, принадлежащих прошлому, но близко еще связанных с настоящим. Она не может быть ни достаточно беспристрастной, ни достаточно доказательной и полной; выставляемая в виде аксиомы, которую следует принять на веру и усвоить себе машинально, она этим самым вызывает в учениках сомнение или противоречие, легко находящее себе пищу во внешкольных впечатлениях». «Школа, особенно средняя, должна оставаться недоступной для политики», а преподавание не должно превращаться в «орудие партийной злобы», – такова была неизменная позиция Кузьмина-Караваева и его соратников [7, с.455–457].

В 1904 г. «Вестник Европы» приветствовал выход в свет остро актуальной книги Кузьмина-Караваева «Земство и деревня» [14]. «Идея земского самоуправления окрепла в последние годы, – отмечал публицист в предисловии. – За ней стоит громадный, колоссальный факт – больницы, школы, склады, врачи, агрономы, учителя, сорокалетним опытом доказанное умение вести дело, готовность приносить личные силы и материальные средства на служение нуждам и пользам местного населения» [14, с.11]. Однако, по словам автора, данный факт так и не удостоился официального признания, напротив, государственная политика «выстраивалась» чаще всего вразрез с указанным процессом. В связи с этим автор указывал на опасную тенденцию: усиление, начиная с 1890 г., вмешательства администрации в земскую жизнь, которое далеко выходило за пределы необходимого контроля.

Современники отмечали особую ценность помещенных в книге речей Кузьмина-Караваева, произнесенных им в Тверском губернском земском собрании. Это был первый в России опыт публикации целого комплекса выступлений представителя земско-городской среды – исключительно важного источника для характеристики русского «делового» красноречия [3].

На протяжении многих лет Кузьмин-Караваев последовательно и неуклонно отстаивал мысль о том, что для широкого развития русской жизни на началах самоуправления и свободы необходимо, прежде всего, поднятие правового уровня крестьянства и обеспечение самостоятельности земских учреждений. Кузьмин-Караваев считал необходимым

«уничтожить "барина" и "мужика" и слить их в образ единого русского свободного гражданина». «Россия – исстрадавшийся, больной организм. ... Параллельно должно вестись лечение симптоматическое и радикальное. Первое – дать землю тому, у кого ее мало или вовсе нет. Второе – завершить раскрепощение крестьян, создать условия обращения пассивного полураба в активную самостоятельную личность» [16, с.277].

«Мы остались противниками всякого насилия»

Кузьмин-Караваев являлся одним из лидеров земско-либерального движения начала XX в. В январе 1902 г. вместе с другими «староземцами» он выступил с заявлением о приверженности тактике исключительно легальной деятельности: «Как раньше, так и теперь мы остались противниками всякого насилия, откуда бы оно ни исходило, сверху или снизу. Поэтому мы намерены в земстве и через земство действовать путем распространения и уяснения наших идей и организации сплоченной партии, стремящейся к осуществлению этих идей, будучи убеждены, что ясное сознание и твердо выраженное требование общественного мнения есть такая сила, с которой принуждено будет считаться и правительство» [29, с.30].

Член «Союза земцев-конституционалистов», Кузьмин-Караваев в 1904–1905 гг. занял влиятельное положение на частных совещаниях и земских съездах, солидаризируясь с их конституционным крылом. Сторонник введения в России «ограниченной монархии», он полемизировал с защитниками идеи Учредительного собрания и установления в России республиканской формы правления, подготовил собственный проект создания Государственной думы. «В общем и главном» его предложения были поддержаны на страницах журнала «Вестник Европы», который стремился проводить среднюю линию между крайними мнениями, с одной стороны, приверженцев «абсолютного застоя или решительного регресса», а с другой стороны, – защитников принципа всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, которые предлагали рассматривать этот принцип «не как идеал, к которому следует стремиться, а как требование настоящей минуты» [38, с.802–807].

Закономерной была радость Кузьмина-Караваева по поводу подписания царем Манифеста 17 октября 1905 г. «Пало бесправие общественное. Перед русским народом раскрылось новое поприще свободного общественного служения – труда в обществе и во имя общества. Царь разделил с народом бремя власти. На народ перешло бремя ответст-

ЛИБЕРАЛ-ЦЕНТРИСТ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ

венности» [19], – откликнулся он на это событие. С.Ю.Витте предлагал Кузьмину-Караваеву занять в новом правительстве пост министра юстиции [13, с.171]. Однако его политическая карьера пошла другим путем.

Негативно оценивая дрейф руководства «Союза 17 октября» «вправо», Кузьмин-Караваев и его сподвижники из редакторского круга «Вестника Европы» в то же время не видели для себя возможности «слияния» с наиболее близкой им Конституционно-демократической партией. В программе кадетов поначалу отсутствовала определенность в решении аграрно-крестьянского вопроса и проблемы национально-государственного устройства. Кроме того, камнем преткновения в отношениях с соратниками П.Н.Милюкова стало нежелание последних открыто осудить тактику революционного террора. Установка кадетского руководства на строгую партийную дисциплину также была неприемлема для Кузьмина-Караваева и его соратников. В результате по инициативе А.С.Посникова и К.К.Арсеньева на базе журнала была образована Партия демократических реформ (ПДР). Заняв (хотя и условно) «срединную» позицию между кадетами и октябристами, она обозначила центристское течение в русском либерализме начала XX века. Наиболее заметными его представителями стали впоследствии Партии мирного обновления и прогрессистов.

В марте 1906 г. Кузьмин-Караваев был избран депутатом 1-й Государственной думы (от Тверской губ.). Один из ярких ораторов, он высказывал свое мнение по всем коренным вопросам (всего – 96 раз). Видный деятель Конституционной-демократической партии В.А.Оболенский вспоминал: «Чрезвычайно живописен был на трибуне этот красивый, сравнительно молодой генерал с густыми серебряными эполетами, когда он выступал с речами, осуждавшими политику правительства. Либеральные генералы бывали еще в царствование Александра II, но затем постепенно вымерли, и Кузьмин-Караваев был своего рода уникам» [25, с.377]. Личный авторитет, глубокий профессионализм и жизненный опыт обеспечивали влияние на депутатский корпус и его «однопартийцев» – прежде всего М.М.Ковалевского, знатока истории и практики западного парламентаризма, а также

В.Д.Кузьмин-Караваев

кн. С.Д.Урусова, в недавнем прошлом губернатора и товарища министра внутренних дел.

Кузьмин-Караваев и Ковалевский выступали с кафедры юного русского парламента зачастую в роли депутатов-учителей. Странники исключительно «мирного обновления», они сблизались с гр. П.А.Гейденем, вокруг которого вскоре сложилась одноименная партия. Вместе они критиковали кадетов за непоследовательность в вопросах тактики, склонность к партийной диктатуре, неуважение к чужому мнению (в связи с чем предлагали обеспечить в законодательном порядке права политических меньшинств). При этом Кузьмин-Караваев подчеркивал: «Мы отмечаем неправильность приемов Конституционно-демократической партии в Думе отнюдь не в целях дискредитации принципов, на которых объединились вошедшие в ее состав лица. Эти принципы ... дороги нам не меньше. Но именно потому мы и желали бы, чтобы средства их проведения были безупречны, ибо в безупречности средств парламентской борьбы – один из вернейших законов ее успеха» [40, с.858].

**«Революцию совершают
прежде идеи, а лишь потом
действия»**

В 1-й Думе Кузьмин-Караваев был основным докладчиком по законопроекту об отмене смертной казни (первый опыт законодательной деятельности нижней палаты). Призывая

власть руководствоваться «только доводами спокойного, холодного рассудка», он не раз высказывал с трибуны Таврического дворца свое однозначное мнение: смертная казнь должна быть немедленно отменена. «Нельзя, убивая человека по суду, ставить вопрос: за что? – убеждал депутат-юрист, отвергая упреки в «сентиментализме». – А надо ставить вопрос: зачем? И когда вы поставите так вопрос, то вам станет ясна вся ненужность кары смертью» [28, с.10].

Кузьмин-Караваев считал «глубоким заблуждением» точку зрения, согласно которой «смертная казнь может прекратить политические убийства», тем более превратившиеся, как это было в период революции 1905–1907 гг., в «явление эпидемическое, форму массового психоза» [28, с.57]. Рассуждая о причинах российской Смуты начала XX в., он указывал на необоснованность объяснения социальных взрывов агитацией революционеров: «Революцию совершают прежде идеи, а лишь потом действия» [28, с.43]. В этом депутат-юрист видел еще одно доказательство абсолютной нецелесообразности лишения жизни как приема

«устрашения». Задаваясь вопросом, «можно ли с идеей бороться смертью, можно ли, убивая людей, искоренять идеи?», он заявлял: «Неужели не ясно, что получаются всегда неизбежно обратные результаты» [28, с.68].

Несмотря на сложность решения проблемы, Кузьмин-Караваев считал благоприятной ситуацию в России для отмены смертной казни, поскольку неприятие этой кары было, по его мнению, укоренено в общественном сознании. Оратор отмечал и немалый вклад отечественных специалистов по уголовному праву, философов (в т.ч. Вл.С.Соловьева) в углубление данной культурной традиции.

Указывая на безотлагательность обсуждаемой меры («с декабря 1905 г. в России – не убито при вооруженном сопротивлении, нет – но расстреляно, повешено и лишено жизни самым ужасным способом, без суда или по судебным приговорам, более 600 человек») [28, с.11], Кузьмин-Караваев выступил с критикой «старого бюрократического принципа» – «сперва успокоение, а потом реформы» – как абсолютно нелогичного: «Не политические убийства являются причиной, а казнь – следствием, а как раз, наоборот, политические убийства вызываются безудержным применением смертной казни». Отсюда закономерен его призыв к верховной власти взять на себя инициативу в решении данного вопроса. «Государство не может и не имеет права идти за цивилизацией, оно должно идти впереди граждан, ведя их к праву, правде и свободе», – обозначал он единственно верный, по его мнению, путь «государственного корабля». Заключительные слова думской речи Кузьмина-Караваева, произнесенной 19 июня 1906 г. и содержавшей призыв к отмене смертной казни, были покрыты, согласно стенограмме, «громом аплодисментов» [28, с.68, 80–81]. Подобные речи в ту пору требовали немалого мужества. Достаточно сказать, что после выступления Кузьмина-Караваева за отмену военно-полевых судов ему угрожали смертельной расправой [6, стб.742].

Заметной была роль Кузьмина-Караваева и в думских дебатах по аграрному вопросу. Дискредитировать орган народного представительства, поколебать его авторитет – в этом он видел цель министерских деклараций 13 мая и 20 июня 1906 г. В последней проводилась мысль о «вреде» для самих же крестьян реализации принципа принудительного отчуждения земли (на чем, в свою очередь, настаивали депутаты нижней палаты), а также сообщалось о внесении в Думу правительственных законопроектов о реформе крестьянского землевладения (суть которых сводилась к основным положениям аграрной реформы, связанной впо-

следствии с именем П.А.Столыпина). По словам Кузьмина-Караваева, авторы правительственного сообщения наносили целенаправленные «удары» по Думе, применяя «абсолютно недопустимый прием» – полемику с органом народного представительства от имени монарха, рассчитанную на крестьянские массы. «Они пишут: пусть Государственная дума говорит, что ей угодно, а решение земельной нужды придет к вам, но только не от Государственной думы», – в такой постановке вопроса оратор видел «прямой вызов к восстанию», поскольку «после прочтения сообщения невольно возникает среди крестьян вопрос: зачем же существует Государственная дума?», логическим следствием которого может явиться требование ее ниспровержения. В связи с этим закономерной была его характеристика правительственного сообщения 20 июня как «провокации» со стороны верховной власти [28, с.39].

**«Я не возлагаю
больших надежд
на министров из кадет»**

Судя по всему, в ситуации резко обострившегося противостояния между 1-й Думой и Советом министров разрешение конфликта путем формирования правительства с уча-

стием лидеров либеральной оппозиции (о чем велись переговоры представителей высшей бюрократии с общественными деятелями) было тогда уже маловероятным. Что касается Кузьмина-Караваева, то его имя (как одного из возможных претендентов на пост министра юстиции) еще во второй половине июня 1906 г. упоминалось в списке «министерства доверия», составленном Д.Ф.Треповым.

Однако сам Кузьмин-Караваев уже не рассматривал всерьез данную альтернативу. Он не испытывал иллюзий по поводу успеха «либерально-умеренного министерства». По его мнению, вхождение отдельных либеральных политиков в обновленное правительство, как это предусматривалось Столыпиным, не могло повлиять на ход государственного управления. «Я не возлагаю больших надежд на министров из кадет. Хуже, конечно, не будет, но чтобы наступило существенное успокоение – весьма сомнительно» [2, оп.1, д.760, л.15], – делился мыслями со Стасюлевичем Кузьмин-Караваев в своем письме от 30 июня 1906 г. Пессимистично оценивал он и способность властей к адекватной реакции, хотя и продолжал предостерегать «верхи» от разгона Думы, предрекая в противном случае усиление леворадикальных элементов. Примечателен тот факт, что царю понравилось содержание «Общественной хроники» в майской и июньской книжках «Вестника Европы» за 1906 г., где содер-

жалось указанное предупреждение. «Хроникой "Вестника Европы" заинтересовались высочайшие люди, – писал Кузьмин-Караваев (автор упомянутой публикации) Стасюлевичу. – Что же? – Пусть читают и хоть когда-нибудь прозреют. Боюсь, впрочем, что уже поздно прозревать. Все показывает, что дела обстоят до дивности скверно» [2, оп.1, д.856, л.20–20 об.].

Кузьмин-Караваев поддержал идею подготовки «контрсообщения» от лица Государственной думы с целью противодействия «бесконечно вредным последствиям» от «распубликования» министерской декларации 20 июня 1906 г. В документе депутаты возложили на правительство ответственность за подрыв в населении «веры в правильное разрешение земельного вопроса законодательным путем». Они заявляли о своем твердом намерении разработать закон о принудительном отчуждении частновладельческих земель в пользу крестьян, при этом обещая не отчуждать наделные земли и «мелкие владения».

Ответом на «революционное выступление» 1-й Думы стал ее роспуск. В свою очередь, Кузьмин-Караваев, оценивая шаг, предпринятый верховной властью, как «акт боевой», подчеркивал: «Дума не распущена, а именно разогнана». Он указывал на то, что эта мера на руку лишь крайним политическим силам и несет в себе «величайшую опасность» ослабления в народе веры в идею «монархического представительного образа правления» [8, с.853–854].

«Единственный здравый метод политики: реформы как источник успокоения»

Ужесточение правительственного курса после роспуска 1-й Думы публицист характеризовал как фактическое возрождение режима В.К.Плеве.

Страну «лихорадило». Пресса была заполнена сообщениями о попрании политических свобод и гражданских прав, забастовках, революционном терроре, разнузданных действиях уголовных элементов, полицейских и судебных репрессиях, участившихся случаях смертной казни за политические преступления. Восстания матросов и солдат в Свеаборге и Кронштадте, бунт на крейсере «Память Азова» явились для лидеров ПДР очередным поводом для выражения негативного отношения к «революционизированию» войск. «Мы ищем мира, но не на тех путях, которых упорно придерживается власть. Мы добиваемся коренных реформ, но не теми способами, которые приняты террористами... Нам дорога русская кровь. Мы не хотим, чтобы лилась она в междоусобной бойне... Единственный здравый ме-

тод политики: реформы как источник успокоения, а не наоборот» [4, 37], – неоднократно заявляли «декреформаторы».

Кузьмин-Караваев и его соратники, выступая за скорейший созыв 2-й Думы, как и прежде, связывали ее успех с единством действий левоцентристских сил («всех тех, кто хочет мирного, но безостановочного движения вперед – к народному благу и народной свободе») [27, с.84]. Кузьмин-Караваев оказался единственным из лидеров ПДР избранным во 2-ю Думу (от Тверской губернии, кандидат левого блока).

«Авторитетнейший представитель 2-й Думы» (по выражению «Русских ведомостей»), он отказался от предложения баллотироваться на пост председателя нижней палаты. В письме к кн. С.Д.Урусову Кузьмин-Караваев разъяснял причины своего решения: «Существовать без заработка я абсолютно не могу. Председатель же Думы должен все свое время отдавать ей... и никакого вознаграждения со стороны не получать. С другой стороны, – подчеркивал он, – вопрос о Председателе не такой, чтобы из-за него стоило идти на конфликт с Государем, а потому, я думаю, что лучше всего было бы избрать лицо, по крайней мере, политически неизвестное». Помимо указанных соображений, Кузьмин-Караваев не считал для себя возможным занять председательское место и по следующей причине. «Положение председателя второй Думы будет труднее, и я очень сомневаюсь, – писал он, – чтобы мне удалось с этим справиться» [1, оп.265, д.167, л.50].

Кузьмин-Караваев и во 2-й Думе последовательно выступал сторонником замены произвола законом, отстаивал необходимость «уважения чужого мнения и свободы слова», предостерегал от внесения партийной «страстности» в решение вопросов государственной важности. С началом проведения аграрной реформы Столыпина он осуждал методы государственного насилия в отношении крестьянской общины.

**«Истинное удовольствие
испытал, слушая речи <...>
Кузьмина-Караваева»**

Оратор-депутат продолжал настаивать на отмене смертной казни, необходимости прекращения «кровавого бреда», который переживала страна на протяжении двух лет. «Человек ушел куда-то, и жизнь человеческая утратила всякую цену, – отмечалось в его думской речи 17 мая 1907 г. – Она утратила цену и слева, и справа, но что еще важнее – она утратила цену в глазах правящей власти». Сознавая слабые шансы Думы быть услышанной в «верхах», Кузьмин-Караваев тем не менее обращался к депутатам: «Все мы

слишком захвачены политикой...слишком много отдаюся соображениям – что из этого будет, полезно ли это, целесообразно ли? Я призываю вас непосредственно отдаться своему чувству... и непосредственно от души сказать: "Жизнь человека должна же цениться наконец, она должна цениться населением, она должна цениться правящей властью". Попробуем! Что из этого будет, я не знаю, но думаю, что каждый из нас должен отдаться влечению своего сердца и, не скрывая ничего перед собой, должен сказать слово осуждения. Я провозглашаю громко и вас к тому же призываю: "Долой насилие, долой террор, за здравствует мир и спокойствие у нас в отечестве"» [6, стб.740–743]². Мысль о том, что «России, в переживаемую нами минуту, нужны не мстители за прошлое, а организаторы будущего» [39, с.334], звучала рефреном в думских речах и публикациях Кузьмина-Караваева и его соратников.

Он пользовался авторитетом у своих оппонентов. Так, один из членов фракции социал-демократов в частном письме (от 19 марта 1907 г.) делился откровенным признанием: «Истинное удовольствие испытал, слушая речи Маклакова, Тесленко и Кузьмина-Караваева. Они лучше нас, и мы годимся им в ученики... Нельзя скрывать, что крайняя левая Дума представляет из себя "изнанку": ни одного человека науки, ни одного талантливого оратора» [35, с.217].

Хотя 2-я Дума, как зеркало, отражала основные черты настроения российского общества в тот период («хаос в мыслях, рознь, всеобщее недоверие, классовое и партийное обособление, стремление к неосуществимому и к конкретно неопределенным идеалам»), Кузьмин-Караваев отмечал (прежде всего в деятельности думских комиссий) признаки, внушавшие надежду на то, что Дума, по его выражению, «образуется». «Только бы, – писал он накануне 3 июня 1907 г., – угроза роспуска исчезла – вот что всего более препятствует тому, чтобы Дума окончательно обратилась в парламент западного образца» [9, с.862].

Вплоть до этой роковой даты мысль Кузьмина-Караваева и его сподвижников работала над поиском вариантов ликвидации противостояния между Думой и правительством. Понимая несбыточность надежд на

² *Встреченная аплодисментами «справа и в центре», речь Кузьмина-Караваева была поддержана М.А.Стаховичем, сподвижником «мирнообновленца» П.А.Гейдена. Правда, его слова о терроре как «бесцельном безумии», «смертном грехе» сопровождалась «шиканьем, шумом», прерывались возгласами «к делу, к делу». «Помните, господа, что если Государственная дума не осудит политических убийств, она совершит его – над собою!» – сходя с трибуны Таврического дворца, произнес пророческие слова Стахович [6, стб.756].*

успешное формирование думского министерства, они развивали идею создания конституционного правительства, куда вошли бы лица, не участвовавшие в деятельности хотя бы последних трех составов кабинета министров. Впрочем, и возможность реализации этого замысла представлялась им проблематичной.

Острота разногласий между Думой и правительством, прежде всего в подходах к решению аграрно-крестьянского вопроса, явилась основной причиной роспуска и 2-й Думы. «Год назад был "разгон". Теперь – будничным, ординарным роспуск ... к которому систематично и задолго готовились», – комментировал Кузьмин-Караваев царский Манифест 3 июня 1907 г. Драматизм этого события заключался, по его мнению, в нанесении жестокого удара по конституционной идее: вера в нее поколебалась, ввиду отсутствия реальных, ощутимых для масс результатов недолгой деятельности Думы. «Подавленность бессилия» [10, с.429–430], – так характеризовал Кузьмин-Караваев настроение бывших депутатов – своих единомышленников – в июньские дни 1907 г. Попавшие под административные преследования, многие из них оказались в тяжелом материальном положении, сталкивались с препятствиями при попытках найти работу. Кузьмин-Караваев стал одним из инициаторов (наряду с В.А.Кугушевым и В.А.Харламовым) создания «Бюро по присканию занятий и мест бывшим депутатам 1-й и 2-й Государственной думы». «В этом деле он проявлял большую сердечность, и многие из перводумцев, находившихся в тюрьмах или просто лишившихся должностей и заработков, главным образом ему обязаны получавшейся ими материальной и моральной поддержкой», – вспоминал В.А.Оболенский [25, с.378].

«Ненужный депутат»

Осенью 1907 г., на выборах в 3-ю Государственную думу, Кузьмин-Караваев потерпел поражение. Спустя ровно два года, на дополнительных выборах в 1909 г., он вновь выставил свою кандидатуру: в ходе предвыборной кампании, как и прежде, выступал против партийного «ослепления», призывал к созданию единой оппозиционной партии (типа либеральной партии в Великобритании), но успеха и на этот раз не добился. Его «невписываемость» в рамки традиционных «направлений» вызывала негативные эмоции в разных политических лагерях. Для представителей право-консервативных кругов он был одним из «разрушителей устоев». Среди

ЛИБЕРАЛ-ЦЕНТРИСТ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ

части либеральных деятелей, осуждавших его за «чрезмерный» демократизм, он был известен как «красный генерал». Из-за своей партийной «недисциплинированности» Кузьмин-Караваев осенью 1909 г. получил прозвище «ненужного» депутата, которое использовали в своей агитации как П.Н.Милюков, так и В.И.Ленин (в представлении которого Кузьмин-Караваев – «правый кадет», «из вчерашних бюрократов», «умеренный буржуазный консерватор»). Кстати, Кузьмину-Караваеву было непросто порой находить общий язык и с людьми из ближайшего окружения. Брат Дмитрий характеризовал его как «идеалиста, твердых убеждений», у которого «слово с делом не расходятся», однако признавался в отсутствии взаимопонимания с ним [31, с.509].

Кузьмин-Караваев стал одним из инициаторов образования Партии прогрессистов, учредительный съезд которой состоялся в ноябре 1912 г., накануне открытия 4-й Думы. Он был избран в состав ЦК новой партии, выступил с докладом, поддержав предложение своих давних соратников, либералов-центристов М.А.Стаховича, Н.Н.Львова и М.М.Ковалевского, о дальнейшем продвижении прогрессистами требования отмены действия в России «Положения об усиленной и чрезвычайной охране государственного порядка и общественного спокойствия» (1881), поскольку, «какие бы ни были изданы хорошие законы, они все равно останутся без осуществления, пока не уничтожены всякие "охраны"». «Приостановка правовых гарантий должна быть каждый раз актом законодательной власти. Законодательная власть должна каждый раз определять наличность неустранимой потребности приостановки, срок и район действия исключительных законов» [27, с.289, 296], – таким видел решение вопроса сам Кузьмин-Караваев.

Тогда же, в 1912 г., вышла книга Кузьмина-Караваева «Сокольство³ и идея славянского единения» (СПб., 1912), в которой он высказался по проблеме национализма. «Как ни модны сейчас в России сокольские гимнастики и упражнения, но ни идеи, ни сути чешского сокольства, мы, русские, не знаем», – комментировал Кузьмин-Караваев активное заимствование в России зарубежного опыта. – Сокольство мы трактуем исключительно с его внешней стороны, а оно рождено борьбой за возрождение. В этом его внутренняя суть. Борьба имела совершенно определенный, реальный объект – австрийскую правительственную власть и германизм – и являлась делом, равно близким всем классам народа...

³ *Сокольство – молодежное спортивное движение, основанное в Праге в 1862 г.; носитель и распространитель идей чешского национализма и панславизма.*

В этом был залог успеха чешского сокольства. Борьба в политическом отношении не закончена. В этом лежит причина его жизненности и для сегодняшнего дня» [21, с.3, 6].

«Если у народности нет врага реального, то националисты непременно создают мифического»

По его мнению, национализм как «политическое течение народной мысли по самой природе своей всегда есть и будет течением боевым...

Народы замыкаются и смыкаются, поднимая знамя "все за одного – один за всех" только во имя борьбы. А борьба предполагает объект врага. Где же враг, который угрожает русской национальности? Его в данную историческую минуту нет. Нет, следовательно, того, без чего народная мысль не может быть захвачена национальной идеей», – заключал автор. При этом он указывал на опасность: «боевой момент» настолько глубоко заложен в национализме, что «если у народности нет врага реального, то националисты непременно создают мифического», а в результате получается явление совершенно иного порядка: не борьба слабого с сильным, угнетенного с угнетателем, а преследование и притеснение сильным слабого, в т.ч. борьба с инородцами «под флагом славянской идеи» [21, с.16–17].

Кузьмин-Караваев выделял основные факторы, определившие стремление власти «пересадить на нашу почву чешское сокольство». Это поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг. и революция 1905–1907 годов. «Отнести проигранную войну не на счет внутреннего государственного нестроения, не на счет пропасти, веками образовавшейся между властью и населением, а на счет технических недостатков армии и, в частности, недисциплинированности контингента, поступающего в войска, было так заманчиво и просто», – разъяснял автор книги. Отсюда, по его словам, и явилась «мысль милитаризовать население – готовить будущих солдат с детского возраста». Однако, подчеркивал Кузьмин-Караваев, еще более значимым оказался для правящих «верхов» другой момент: «Как только погас революционный взрыв, власть поставила себе стародавнюю задачу: "вырвать крамолу с корнем". Революция получила объяснение в недостатке патриотических чувств населения, в либерализме науки, в увлечении молодежи несбыточными идеалами, в кознях инородцев и особенно евреев», а в результате был найден «заманчивый своей простотой и своим удобством» способ решения проблемы – «привить патриотизм, хотя бы казенный». «Надо парализовать работу мысли работой мускулов... Надо отделить гос-

подствующую народность и показать ей, что иноплеменное население – ее непримиримый враг. Почему не покрыть всего этого славянской национальной идеей? Почему не использовать сокольство?» Такова была, по мнению автора книги, логика властей, опиравшихся в реализации данной идеи на черносотенные элементы – «союзников и националистов». «Гимнастика культивируется с лихорадочной поспешностью... Школа раскрыла двери для унтер-офицера в роли учителя гимнастики и "насадителя" патриотизма и милитаризма... Служебной аттестацией педагогически-административного персонала, обеспечивающей получение высших назначений, сделалась постановка не учебного дела, а гимнастики», – характеризовал Кузьмин-Караваев «новый» курс министерства народного просвещения. С тревогой предвидел он последствия «заботы о физическом развитии за счет заботы о развитии умственном» [21, с.23–25].

**«Национальная идея
в России дискредитирована»**

В книге рассматривалась и противоположная тенденция использования национальной идеи в России. Это стремление прогрессивной общественности найти почву, на которой

идея русского национализма и славянского единения могла бы получить «здоровое развитие». Цель организаторов Общества славянской взаимности (в Петербурге) и Общества славянской культуры (в Москве) Кузьмин-Караваев видел в установлении «тесного общения между славянами в вопросах науки и литературы и в делах промышленности и торговли». Однако он обращал внимание на безуспешность попыток «пробить брешь» в пассивности, с которой русская общественность воспринимала идею славянского единения: «Никто против идеи не спорит. Все признают ее значение, а равно возможность и пользу приложения в области культурно-хозяйственного общения – но в то же время все общественные силы от нее сторонятся». Объясняя эту на первый взгляд парадоксальную ситуацию, автор выделял два момента: «Национальная идея в России дискредитирована. Она слишком захватана нечистыми руками... А самое главное – она не покрывает наших русских больных вопросов, она стоит от них в стороне... Во всем своем, еще не вполне постигнутом величии встали социальные проблемы. Возможно ли отдаваться на служение идее, которая не только ни одного из мучительно-больных вопросов не разрешает, но которую прилагают для обострения боли?»

«Для пересадки чего бы то ни было и куда бы то ни было необходимо единство условий почвы, полива, ухода и питания. То, что выросло в Чехии на почве протеста против чужеземного владычества и что питается незавершенным возрождением, того нельзя использовать в России ни справа, ни слева. Для чехов славянская идея – реальнейшая из реальных. Для нас она – в отвлеченной выси...» [21, с.19–20, 26] – резюмировал Кузьмин-Караваев.

Патриотическая позиция Кузьмина-Караваева ярко проявилась в период Первой мировой войны. Он участвовал в организации Всероссийского земского союза, являлся представителем Петроградской думы во Всероссийском городском союзе помощи больным и раненым воинам, входил в состав Центрального Военно-промышленного комитета.

Откликаясь на 10-летие Манифеста 17 октября 1905 г., публицист объяснял «неюбилейное» настроение общественности несбывшимися надеждами, признавал закономерность образования Прогрессивного блока в IV Думе, поскольку в течение десяти лет, по его словам, даже частично не были реализованы «слова Манифеста о незыблемых основах гражданской свободы "на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов"» [23, с.373].

**«Царя Николая нет –
Россия осталась»**

Кузьмин-Караваев приветствовал свержение самодержавия в феврале 1917 г.⁴, в мае того же года был назначен Временным правительством сенатором первого департамента

Сената. Свидетель разрастания анархии в стране от февраля к октябрю 1917 г., он пытался противодействовать этому процессу. В этом смысле интерес представляет не только его активная публицистическая деятельность от Февраля к Октябрю 1917 года, но и зачастую скрытые от глаз широкой общественности усилия, направленные на решение проблем, обрушившихся на страну, а также помощь тем, кто попал под «колесо истории». Еще в конце мая 1917 г. он обратился в газете «Утро России» с «открытым письмом к министрам-социалистам и членам исполнительного комитета С.Р. и С. депутатов», выступив в защиту крон-

⁴ «Режим, под гнетом которого жила Россия со времени освободительного движения, был режимом лжи. ... Гнойный нарыв лжи назревал долго и назрел. Терпение у всех истощилось. ... Нарыв лопнул. Царя Николая нет – Россия осталась», – выразил Кузьмин-Караваев господствовавшее настроение в связи с «чудом» русской революции [20].

ЛИБЕРАЛ-ЦЕНТРИСТ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ

штадтских офицеров, арестованных в первые дни революции, в период стихийных самосудов и расправ «низших чинов» над неугодными командирами. По сведениям Кузьмина-Караваева, спустя три месяца под арестом продолжали находиться 80 человек. «О них то пишут, то говорят, то молчат. Больше – молчат, – характеризовал Кузьмин-Караваев нетерпимую, по его убеждению, ситуацию. – Но молчат только из трусливой жалости к себе... А они страдают в кишасих паразитами и крысами карцерах, спят на досках, голодают... И это уже длится скоро три месяца. Их мучают, их унижают, над ними издеваются. ... И всем этим физическим и нравственным мучениям подвергаются люди, из которых 95 процентов не знают, за что и на каком основании они сидят в тюрьме: им никакого обвинения не предъявлено».

«Они – живые люди, и в отношении их творится вопиющее беззаконие...»

В почти безысходной ситуации Кузьмин-Караваев обращался за помощью к «министрам-социалистам» и членам Исполнительного комитета Петроградского

Совета рабочих и солдатских депутатов. По словам автора письма, со многими из них его связывали «долгие годы тяжелых забот о тех, кого преследовала и бросала в тюрьмы старая власть». «Сколько раз мы вместе участвовали в политических защитах, – срывали с живых людей готовую захлестнуть их шею петлю, – напоминал Кузьмин-Караваев недавнее прошлое своим бывшим соратникам по защите «преступников без преступлений». – Сколько раз мы вместе напрягали все силы ума, знаний и данного нам Богом таланта, чтобы перед томившимися в следственных тюрьмах заключенными раскрылись не двери каторги, а двери свободы... Не всегда нам удавалось. Но разве мы складывали руки? Разве мы успокаивались на сознании нашего бессилия помочь страдальцам?.. Я вдвойне имею право все это вам говорить и напоминать, – настаивал Кузьмин-Караваев. – Я не принадлежал и не принадлежу ни к одной социалистической партии. Те люди, в отношении которых я разделял с вами тяжесть забот, не были моими близкими товарищами и политическими единомышленниками. Но разве я хоть раз отказывался от защиты их в суде и... в министерских кабинетах и приемных!?... В моих глазах были живые люди, безвинно и противозаконно страдающие – и только. Кто такие офицеры, которых мучают сейчас в Кронштадте, по их прошлому и по их политическим убеждениям, – я не знаю. Я взываю к

вам об их судьбе только потому, что они – живые люди и что в отношении их творится вопиющее беззаконие».

Обращаясь к членам Временного правительства и руководству Петросовета, разделяющим властные полномочия и пользующимся авторитетом, он напоминал им еще и об ответственности перед собственной совестью... Его призыв имел и конкретных адресатов: «Прочтите мои слова, Н.С.Чхеидзе, Н.Д.Соколов, Л.М.Брамсон, А.К.Виноградов... Прочтите и вы, автор «Смертников», Войтинский. Вспомните застенки четвертой части в Екатеринославе, где вы сидели и который вы так талантливо описали». Особые надежды Кузьмин-Караваев возлагал на содействие И.Г.Церетели, министра почт и телеграфов, который в недавнем прошлом, при царском режиме, был обязан во многом лично ему смягчением собственной участи арестанта. «Молодой, больной и хрупкий, вы отбыли предварительный арест, замененную для вас по болезни тюремную каторгу и ссылку. Вы только что вернулись. Вы только что стали свободным человеком, – радуясь за своего бывшего подзащитного, Кузьмин-Караваев считал себя вправе указать на его нравственный долг перед очередными безвинно гонимыми. – Когда вас держали тюремные стены в Николаеве, мы здесь, в Петрограде, были полны беспокойства о вашем здоровье, о режиме, которому подвергал вас Курлов. Вспомните ваши письма ко мне. Вспомните холодный пол в камере. Вспомните ваши долги, тщетные хлопоты, чтобы вам позволили иметь на полу дорожку из серого сукна... Вас каждый день мучила лихорадка. Холодный пол давал простуду... Арестантский котел увеличивал упадок сил... По вашим письмам я ходил к Курлову, я часами его ждал в приемной... Я просил его. Мне это было более, чем тяжело: мне это было противно. Мне было противно кланяться ему, подавать руку, выслушивать его рассуждения о недопустимости потачек государственным преступникам... Но я ходил, – ходил не раз, не два, не три. Ждал в приемной, кланялся, подавал руку, выслушивал... От вас я прошу не унижения. К вам я обращаюсь с просьбой о властном требовании, об авторитетном слове, но слове настойчивом и твердом» [26], – заключал Кузьмин-Караваев.

24 мая 1917 г., буквально на следующий день после обнародования данного письма, Временное правительство фактически предъявило руководству т.н. «Кронштадтской республики» ультиматум, поставив ребром вопрос о том, остается ли Кронштадт в лоне русской демократии. Во время визита туда И.Г.Церетели и министра труда М.И.Скобелева обсуждалась и судьба арестованных офицеров. Можно предположить, что обращение Кузьмина-Караваева в этом случае сыг-

рало определенную роль. По воспоминаниям Ф.Ф.Раскольников, Церетели уговаривал членов исполкома Кронштадтского Совета «сделать красивый жест» – перевести арестантов в Петроград и тем самым «вырвать почву из-под ног буржуазных клеветников, распространяющих ужасы о кронштадтских тюрьмах». «Для нас такое было неприемлемо, – заключал Раскольников. – Сошлись на том, что в Кронштадт приедет специальная следственная комиссия, которая совместно с нашей комиссией на месте разберет все дела, виновных предаст суду, а невиновных отпустит» [30, с.103].

Кузьмин-Караваев никогда не оставлял попыток внести «здравый смысл» в происходящее в России. Он был одним из организаторов Частного («Малого») совещания общественных деятелей в Москве (8–10 августа 1917 г.). В нем приняли участие члены различных политических партий и общественных групп, целью которых являлась выработка единой платформы к Государственному московскому совещанию (12–15 августа 1917 г.). Накануне его созыва Кузьмин-Караваев представил резолюцию, которая включала целую систему «очень решительных мер оздоровления армии и флота». «Чувствуется, что она составлена под впечатлением требований, составленных генералом Корниловым, – сообщалось в прессе. – Это же подтверждает и сам докладчик резолюции во время разгоревшихся по ее поводу дебатов». По мнению Кузьмина-Караваева, неотложными мероприятиями следовало признать «...полную отмену полковых комитетов, уничтожение института комиссаров на фронте, восстановление в его прежнем виде значения корпуса офицеров, пересмотр декларации прав солдата, возвращение начальникам дисциплинарной власти» [24]. Несмотря на то, что на Государственном московском совещании никаких документов не было принято, там возобладала позиция, озвученная накануне Кузьминым-Караваевым. Сам он был избран в Совет общественных деятелей, который в октябре 1917 г. делегировал его в Предпарламент.

**«Коммунизм умрет,
а Россия не умрет»**

После Октябрьского переворота 1917 г. Кузьмин-Караваев примкнул к антибольшевистскому движению. В марте 1919 г. в его жизни начался эмигрантский период. Сначала он жил в Стокгольме, Нарве, затем – Гельсингфорсе, где сотрудничал в газете «Новая русская жизнь». В мае – августе 1919 г. Кузьмин-Караваев – один из наиболее активных членов Политического совеща-

ния при командующем Северо-Западной армией ген. Н.Н.Юдениче: фактически исполнял обязанности министра юстиции, был заведующим продовольственным обеспечением армии. После создания правительства С.Г.Лианозова он отказался войти в него из-за несогласия с коалиционным составом кабинета и его курсом на признание независимости отделившихся от России окраинных государств.

С июня 1920 г. Кузьмин-Караваев жил в Париже, занимался преподавательской работой, публиковался в периодических изданиях. До конца своих дней он находился в центре многообразной общественно-политической и научной жизни Русского зарубежья. Еще в мае 1921 г. Кузьмин-Караваев возглавил комитет по созыву Русского национального съезда с целью «объединения рассеянных за границей национальных сил», за исключением «реставраторских сил» и большевиков. Съезд проходил в Париже в июне 1921 г. (председатель его бюро – А.В.Карташев, товарищи председателя – В.Д.Кузьмин-Караваев, В.Д.Набоков, Н.В.Тесленко, М.М.Федоров, В.Л. Бурцев и др., члены бюро – А.В.Тыркова, П.Б.Струве, барон Б.Э.Нольде и др.). На съезде был избран «надпартийный» орган – Русский национальный комитет, который до начала Второй мировой войны претендовал на политическое руководство русской эмиграцией. Кузьмин-Караваев вошел в президиум этого Комитета (председатель – А.В.Карташев).

В декабре 1925 г. Кузьмин-Караваев участвовал в совещании представителей русской общественности по вопросу о подготовке Российского Зарубежного Съезда. Созванное по инициативе председателя Российского Торгово-Промышленного Союза Н.Х.Денисова (председатель совещания – С.Н.Третьяков, среди участников – кн. П.Д.Долгоруков, А.В.Карташев, М.М.Федоров, Ю.И.Поплавский и др.), совещание высказалось за «надпартийный» характер съезда, организацию его на началах широкой коалиции всех политических течений русской эмиграции, обеспечивающих «прогрессивные начала возрождения России».

Съезд под председательством П.Б.Струве открылся в апреле 1926 г. В Париже собрались представители русских диаспор из 26 государств. Вдохновленные идеей «непримиримой борьбы с большевиками в единении с внутренними русскими силами во имя восстановления национальной России», участники форума разделяли уверенность в том, что «коммунизм умрет, а Россия не умрет» [32, с.455, 674]. В эмигрантских кругах событие рассматривалось как «один из первых краеугольных камней строения России – не Зарубежной России только, а именно России» [12]. Кузьмин-Караваев присутствовал на съезде в качестве делегата от Ака-

ЛИБЕРАЛ-ЦЕНТРИСТ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ

демической группы. Это была одна из последних масштабных общественных акций, в которых он участвовал.

В некрологах на смерть Кузьмина-Караваева, последовавшую 17 февраля 1927 г., его характеризовали как «прекрасную, рыцарскую личность». П.Б.Струве отзывался о нем как о «фигуре довольно своеобразной и интересной», причем не столько «по каким-нибудь личным свойствам, сколько по ходу своей "карьеры", по характеру своего участия в общественной жизни»: «Военный юрист, он по существу своих интересов, своих личных склонностей и устремлений не был вовсе военным. Юрист-профессор, он не был ученым в смысле пролагающего новые пути, хотя бы в самых частных вопросах, "исследователя". Всего больше он был публицистом и общественно-политическим деятелем... Трудно далась покойному изгнанническая жизнь, преждевременно его составившая. Но ее тяготы он нес с полным достоинства и трогательным смирением». В связи со смертью Кузьмина-Караваева Струве отмечал «страшный и угрожающий факт» – «отсутствие здорового и естественно-го преемства между разными поколениями... по обе стороны "рубежа"» [36, с.235]. Похоронен Кузьмин-Караваев в Париже, на кладбище Банье.

В эмиграции нашел свое последнее пристанище и один из его сыновей – Дмитрий (1886–1959)⁵. Странник объединения православных и католиков в единую Церковь Христову, в 1920 г. он принял католичество, а в 1922 г. выслан из страны. Двое других сыновей – Борис (1892–1941), врач, и Михаил (1894 – после 1953), востоковед, – закончили свои дни в Советской России.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.102.
2. Рукописный отдел Института российской литературы и искусства (РО ИРЛИ). Ф.293.
3. Арсеньев К. Первый сборник земских речей // Вестник Европы. 1904. №8. С.840–849.
4. В погоне за успокоением // Страна. 1906. №222. 25 ноября.
5. Виды воинствующего нигилизма на школу // Московские ведомости. 1900. 20 сентября. №260.

⁵ Д.В.Кузьмин-Караваев похоронен на русском участке римского католического кладбища Кампо Верано. Его женой (в 1910 – 1913 гг.; официальный развод оформлен в конце 1916 г.) была Е.Ю.Кузьмина-Караваева (1891–1945), поэтесса и общественный деятель, участница французского Сопротивления, известная как «мать Мария».

6. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Том II. Заседания 31–53 (с 1 мая по 2 июня). СПб.: Государственная типография, 1907.
7. [Из общественной хроники] // Вестник Европы. 1900. №11. С.454–464.
8. [Из общественной хроники] // Вестник Европы. 1906. №8. С.853–867.
9. [Из общественной хроники] // Вестник Европы. 1907. №6. С.853–867.
10. [Из общественной хроники] // Вестник Европы. 1907. №7. С.420–436.
11. Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории, приспособленные к курсу средних учебных заведений. Изд. 33-е. 1899. 368 с.
12. Итоги зарубежного съезда // Возрождение (Париж). 1926. 12 апреля. №314.
13. Кугель А.Р. Листья с дерева. Воспоминания. Л.: «Время», 1926. 212 с.
14. Кузьмин-Караваев В.Д. Земство и деревня. 1898–1903. Статьи, рефераты, доклады и речи. СПб.: Б-ка «Общественной пользы», 1904. 429 с.
15. Кузьмин-Караваев В.Д. Из воспоминаний о Владимире Сергеевиче Соловьеве // Книга о Владимире Соловьеве: [Сборник / Сост. Б.Аверин, Д.Базанова; Вступ. ст.Б. Аверина; коммент. Д.Базановой, Е.Павловой]. М.: Сов. писатель, 1991. С.253–262.
16. Кузьмин-Караваев В.Д. Из эпохи освободительного движения: с 17 октября 1905 г. по 8 июля 1906 г. В 2 т. Т.2. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1907. 426 с.
17. Кузьмин-Караваев В.Д. Политика в школе: по поводу нового издания учебника русской истории Д.Иловайского // Северный курьер (СПб.). 1900. 15 сентября. №299.
18. Кузьмин-Караваев В.Д. Политика в школе: по поводу нового издания учебника русской истории Д. Иловайского (окончание) // Северный курьер (СПб.). 1900. 17 сентября. №301.
19. Кузьмин-Караваев В.Д. Право обязывает // Русь (СПб.). 1905. 22 октября.
20. Кузьмин-Караваев В.Д. Режим лжи // Биржевые ведомости. 1917. 16 марта. №16138 [утр. вып.].
21. Кузьмин-Караваев В.Д. Сокольево и идея славянского единения. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1912. 26 с.
22. Кузьмин-Караваев В.Д. Характеристика общей части Уложения и Воинского устава о наказаниях. Дисс. на тему, предложенную конференцией Воен.-Юрид. акад. СПб.: Н.К.Мартынов, 1890. 196 с.
23. Кузьмин-Караваев В. [Хроника. – Вопросы внутренней жизни] // Вестник Европы. 1915. №11. С.371–384.
24. Московское общественное совещание // Русские ведомости. 1917. №183. 11 августа.
25. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Paris: УМКА-Press, 1988. 751 с.
26. Открытое письмо В.Д. Кузьмина-Караваева министрам-социалистам и членам исполнительного комитета С.Р. и С. Депутатов // Утро России. 1917. 23 мая. №126.
27. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы / сост., автор предисл., введения и коммент. Хайлова Н.Б. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 528 с.
28. Партия демократических реформ. Речи членов партии в Первой государственной думе. СПб.: Б.и., 1907. 188 с.
29. Письма в редакцию. – От земских гласных // Освобождение (Штутгарт). 1902. №2. 2(15) июля.

ЛИБЕРАЛ-ЦЕНТРИСТ ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ

30. Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году / Вступ. ст. С.И.Дробязко. М.: Кучково поле, 2017. 320 с.
31. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. Т.1. М.: «Канон-Пресс-Ц»; «Кучково поле», 1999. 576 с.
32. Российский Зарубежный Съезд. 1926. Париж: Документы и материалы. М.: Русский путь, 2006. 848 с.
33. Семь веков служат Отечеству. Старинный род Кузьминых-Караваевых / Публ. Сергея Сенина, при участии Бориса Кондрашова // Источник: документы российской истории. [Приложение к российскому историческому журналу «Родина»]. 1995. №5. С.17–34.
34. Сенин С.И. Рыцарь добра и справедливости // Русская провинция (Новгород). 1997. №2(22). С.105–107.
35. Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 511 с.
36. Струве П.Б. Памяти В.Д.Кузьмина-Караваева // Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935) / Вступ. ст. М.Г.Вандалковской, Н.А.Струве; Подгот. текста, коммент., указатели А.Н.Шаханова. М.: Русский путь; Париж: УМКА-Press, 2004. С.235.
37. Террор и общество // Страна. 1906. №134. 15 августа.
38. [Хроника. – Внутреннее обозрение] // Вестник Европы. 1905. №4. С.795–813.
39. [Хроника. – Внутреннее обозрение] // Вестник Европы. 1907. №3. С.318–334.
40. [Хроника. – Из общественной хроники] // Вестник Европы. 1906. №6. С.849–867.

Михаил Зеленов

**«СЛЕДОВАЛО БЫ
БЫСТРЕЕ
ОПУБЛИКОВАТЬ ВСЕ
ЭТИ ПИСЬМА, КАК
ВВИДУ ИХ ОГРОМНОЙ
ЦЕННОСТИ...»:**

**Д.Б.РЯЗАНОВ И ПУБЛИКАЦИЯ
МАРКСА. 1931 год**

УДК
930.253

В вводящей статье и публикации документов представлен неизвестный эпизод биографии Д.Б.Рязанова после ареста в феврале 1931 г. – его обращение в журнал «Большевик» и в Политбюро ЦК ВКП (б) по поводу публикации письма Маркса к дочери 1881 года. Публикация двух писем Д.Б.Рязанова от 11 и 12 апреля 1931 г. и письма Э.Л.Гуревича впервые раскрывают историю формирования фондов Института Маркса и Энгельса, в первую очередь – историю текста письма Маркса. Публикуемые письма В.В.Адоратского от 29 марта и 2 июня 1931 г. выявляют политическое значение «скрывааемых» Рязановым писем Маркса и мотивы снятия Рязанова с должности директора Института Маркса и Энгельса.

This introduction and document publication reveals an unknown episode in the biography of D.B.Riazanov after his arrest in February 1931—his letters to the journal “Bolshevik” and the Central Committee Politburo regarding the publication of a letter of Marx to his daughter in 1881. The publication of Riazanov’s two letters from 11 and 12 April 1931 and E.L.Gurevich’s letter shed light on the history of the formation of the archival collections of the Marx Engels Institute, and in particular the history of the text of Marx’s letter. The letters of V.V.Adoratskii published here from 29 March and 2 June 1931 uncover the political meaning of the Marx letters that Riazanov had “hidden,” as well as the motives behind the removal of Riazanov from the post of Marx Engels Institute rector.

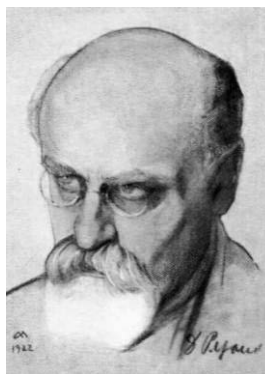
Ключевые слова: Институт Маркса и Энгельса, Д.Б.Рязанов, В.В.Адоратский, сталинизация исторической науки, архив К.Маркса, марксоведение, публикация Маркса.

Key words: Marx Engels Institute, D.B.Riazanov, V.V.Adoratskii, stalinization of the historical sciences, the K.Marx archival collection, Marxist studies, publication of Marx.

E-mail: mvzelenov@gmail.com

В 2018 году исполняется 200 лет со дня рождения Карла Маркса, рукописное наследие которого собиралось в СССР Институтом К.Маркса и Ф.Энгельса при ЦИК СССР, возглавляемым и созданным по инициативе известного революционера и ученого Давида Борисовича Рязанова. Постановлением ЦИК СССР и СНК СССР Институт был признан единственным в СССР хранилищем «всех оригинальных документов, имеющих непосредственное отношение к деятельности Маркса и Энгельса и к изданию их произведений» [4]. В ноябре 1931 г. решением Президиума ЦИК СССР Институт Маркса–Энгельса был объединен с Институтом Ленина при ЦК ВКП (б) в Институт Маркса–Энгельса–Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП (б). Однако задолго до этого постановления ЦИК судьба Института Маркса и Энгельса, а также его бессменного директора была предрешена.

Давид Борисович с 1909 г. занимался выявлением работ Маркса, публикацией его рукописей, а также исследованием истории Первого Интернационала. Он работал в личном архиве дочери Маркса Лауры Лафарг, партийном архиве Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и, конечно, переписывался и встречался со всеми лидерами европейской социал-демократии, К.Каутским, А.Бebelем и др. В Штутгарте в 1917 г. был опубликован подготовленный Рязановым двухтомник сочинений Маркса и Энгельса. Естественно, что и во главе Института Маркса и Энгельса он занимался собиранием и изданием рукописей теоретиков марксизма.

Д.Б.Рязанов. 1922 г.
Художник Н.А.Андреев

Биографии Д.Б.Рязанова и истории закрытия Института Маркса и Энгельса посвящена большая историография [1, 3, 7, 8, 9, 10]. Достаточно подробно реконструированы обстоятельства ареста и ссылки Д.Б.Рязанова в 1931 году. Настоящая публикация раскрывает неизвестную страницу поведения Давида Борисовича в апреле 1931 г., но в большей степени – источники формирования архива Института Маркса и Энгельса, политическую значимость хранящихся там писем Маркса, которые должны были быть широко использованы «для разоблачения всех гнусностей и подлостей современной социал-демократии». Актуальность оценок Маркса, выступавшего против современных ему оп-

портунистов, выросла в 1930–1931 г., накануне процесса против меньшевиков.

12 февраля 1931 г. Д.Б.Рязанов был вызван к Сталину в ЦК ВКП (б), где ему было предъявлено обвинение в сокрытии документов по истории РСДРП. 12–13 февраля в Институте Маркса и Энгельса проходили обыски помещений и сейфов. Для анализа политической и научной ситуации в Институт были направлены помощник генерального секретаря ЦК И.В.Сталина И.П.Товстуха и член дирекции института Ленина В.В.Адоратский, который и был назначен в мае 1931 г. директором ИМЭЛ [2, с.180]. Часть их докладной записки в Политбюро ЦК ВКП (б) с анализом состояния дел в Институте Маркса и Энгельса, публикуется ниже.

В ночь с 15 на 16 февраля был арестован сам Д.Б.Рязанов. 17 февраля постановлением Президиума ЦКК он был исключен из партии «за то, что, зная о контрреволюционной антисоветской деятельности меньшевиков, находящихся в СССР, оказывал им помощь, связывая их между собой и с заграничным центром меньшевиков...» [5, л.30]. В ночь с 28 февраля на 1 марта 1931 г. Рязанов был переведен в Суздальский политизолятор. 11 апреля Рязанов попросил перевести его во внутреннюю тюрьму ОГПУ в Москве, так как его здоровье сильно испортилось [1].

11–12 апреля Рязанов попадает в Москву и знакомится с вышедшим номером «Большевика». В журнале публиковалось от имени нового руководства Института Маркса и Энгельса (В.Адоратского) «Письмо Маркса к его дочери Дженни Лонге», которое, как указывалось в предисловии, было скрыто Рязановым от общественности.

Политическое значение этого письма состояло в негативном отзыве Ф.Маркса о К.Каутском, с которым он познакомился в 1881 г.: «Он – посредственный, недалекий человек, самонадеян (ему всего лишь 26 лет), всезнайка, в известном смысле прилежен, очень много возится со статистикой, но толку от этого мало; принадлежит от природы к племени филистеров, впрочем, в своем роде – порядочный человек...» [5, с.146]. Каутский стал видным марксистским теоретиком, редактировал четвертый том «Капитала» Маркса, но с 1920 г. начал критиковать практику большевиков, за что заслужил от В.И.Ленина клеймо «ренегата». В 1930 г. в Берлине вышла его работа «Большевизм в тупике», в которой он критиковал отход большевиков от идей марксизма. Естественно, что любой негативный отзыв классиков марксизма о лидере СДПГ Каутском приобретал актуальное политическое значение.

«СЛЕДОВАЛО БЫ БЫСТРЕЕ ОПУБЛИКОВАТЬ ВСЕ ЭТИ ПИСЬМА ...»

Ниже публикуются два письма Д.Б.Рязанова (в журнал «Большевик»¹ и в Политбюро ЦК), раскрывающие перипетии приобретения документов Маркса. Историю публикуемого в «Большевике» письма Маркса раскрывает также сосланный в Курск арестованный в 1931 г. революционер и сотрудник Института Маркса Э.Л.Гуревич.

16 апреля было принято решение о высылке Рязанова на три года в Саратов, куда он приехал 18 апреля. В июне 1937 г. Рязанов был вновь арестован и в январе 1938 г. расстрелян.

Публикуемые документы находятся в фонде Института марксизма-ленинизма (РГАСПИ). При публикации проведено исправление оригинала без оговорок (устранены некоторые опечатки, не выделены рукописные вставки и т.п.). Подчеркнутые авторами писем слова выделены курсивом, подчеркнутое читателем – передано графически.

Публикацию подготовил главный специалист РГАСПИ, д.и.н., профессор М.В.Зеленов.

1.

**Из докладной записки директора ИМЭ В.В.Адоратского,
зам. директора ИМЭ И.П.Товстухи в ЦК ВКП (б)
об архиве Маркса в Институте Маркса**

29 марта 1931 г.

Секретно.

В ЦК ВКП (б)

Об институте Маркса и Энгельса.

Придя в Институт Маркса и Энгельса, мы, прежде всего, ознакомились с личным составом, который оказался совершенно неудовлетворительным. [...]

Архив находится в хаотическом состоянии. Полных описей нет. Нет системы в работе. Документы хранятся все подряд без учета их ценности. Архив Маркса и Энгельса перепутан с личным архивом Рязанова.

Часть – подлинники, большая часть – фото. Все это рассовано по разным местам (по кабинетам), и нет возможности точно и ясно определить, все ли есть налицо и где что находится. Подлинные документы Маркса хранились и найдены в 4-х местах (в сейфах Рязанова, в архиве, в кабинете Германии и в кабинете Маркса). Многих из отмеченных на

¹ Об этом письме упоминает Я.Рокитянский (он указывает место хранения другой копии в РГАСПИ: Ф.589, Оп.3. Д.12754, Л.18–20).

карточках документов разыскать не удалось. С осени 1930 г. Рязанов начал приводить эти материалы в еще больший беспорядок, по-видимому, предчувствуя, что под напором общественности ему придется все же в конце концов перестроить работу. Поэтому он начал предпринимать шаги, чтобы окопаться в кабинете Маркса и Энгельса, куда он в последнее время оттягивал со всех кабинетов наиболее ценные вещи.

В первую очередь мы решили провести работу по концентрации материалов в архиве и по составлению суммарной описи. Чтобы привести архив хотя бы в предварительный порядок, потребуется большая работа – не один месяц. [...]

Основные работы Института производились из рук вон плохо. Напр., библиография сочинений Маркса составлена очень небрежно, не содержит даже весьма известных его сочинений. В нее совершенно не включена переписка. Вообще в Институте нет не только подбора машинописных копий, но даже и описи писем Маркса и Энгельса. [...]

По поводу имеющихся в Институте материалов можно дать самую общую характеристику. Материалы богатые. Есть архивы Лаврова², Флеровского³, Засулич⁴, Потресова⁵, часть архива Плеханова⁶, архив Кричевского⁷, архив немецкой с.-д. имеется в значительном количестве фотокопий. Есть чрезвычайно ценные вещи: Письма Энгельса к Каутскому⁸ (около 130 писем – из них не менее^а больших, остальные мелкие, от-

² Лавров П.Л. (1823–1901) – теоретик народничества, деятель международного общественного движения.

³ Флеровский (Берви) В.В. (1829–1918) – идеолог народничества, участник общественного движения 1860–1890-х гг.

⁴ Засулич В.И. (1849–1919) – революционерка, деятель международного общественного движения, член первой русской марксистской организации «Освобождение труда». В РГАСПИ есть ее фонд.

⁵ Потресов А.Н. (1869–1934) – один из основателей РСДРП. В РГАСПИ есть его фонд.

⁶ Плеханов Г.В. (1856–1918) – деятель международного общественного движения, основатель первой русской марксистской организации «Освобождение труда». В РГАСПИ есть его фонд.

⁷ Кричевский Б.Н. (1866–1919) – деятель международного общественного движения, примыкал к группе «Освобождение труда». В РГАСПИ есть его фонд.

⁸ Каутский (Kautsky) К. (1854–1938) – теоретик марксизма. В РГАСПИ есть его фонд.

^а Далее в машинописи оставлено место для подставки цифр.

«СЛЕДОВАЛО БЫ БЫСТРЕЕ ОПУБЛИКОВАТЬ ВСЕ ЭТИ ПИСЬМА ...»

крытки), письма Энгельса к Бебелю⁹ (фото-машинописные копии, полученные из архива германской с.-д.), Маркса и Энгельса к Либкнехту¹⁰, к Беккеру¹¹, к Лафаргу¹², к Ньювенгюйсу¹³ и т.д. Часть этого богатства никогда не была опубликована. Есть много материала, среди них редкие документы Маркса и Энгельса, рисующие Маркса и Энгельса как вождей пролетариата (Союз коммунистов¹⁴, I Интернационал¹⁵, роль Энгельса во II Интернационале¹⁶).

Для истории II Интернационала имеется ряд очень важных документов в архиве Либкнехта (несколько тысяч писем 70–90-х годов). Переписка из наследства Меринга¹⁷. Письма Цеткин¹⁸, Люксембург¹⁹, Каутского,

⁹ Бебель (Bebel) А. (1840–1913) – деятель германского и международного рабочего и социалистического движения, один из основателей и руководителей СДПГ. Один из двух наследников архива Ф.Энгельса. В РГАСПИ есть его фонд.

¹⁰ Либкнехт (Liebknecht) В. (1826–1900) – один из основателей германской социал-демократической партии. В РГАСПИ есть его фонд.

¹¹ Беккер И.Ф. (1809–1886) – деятель немецкого и международного рабочего движения, член Союза коммунистов и Первого Интернационала. В РГАСПИ есть его фонд.

¹² Лафарг (Lafargue) П. (1842–1911) – один из крупных марксистских теоретиков. Зять Карла Маркса, муж его дочери Лауры. В РГАСПИ есть его фонд.

¹³ Ньювенгейс (Nieuwenhuis) Ф.Д. (1846–1919) – один из первых нидерландских социалистов. В РГАСПИ есть его фонд.

¹⁴ Союз коммунистов (1847–1852) – первая марксистская организация, созданная К.Марксом в Лондоне. Программой Союза коммунистов явился «Манифест Коммунистической партии» (1848). В РГАСПИ есть фонд этой организации.

¹⁵ Международное товарищество рабочих – I Интернационал (1864–1876) – первая массовая международная организация пролетариата, основателями и руководителями которой были К. Маркс и Ф. Энгельс. В РГАСПИ есть фонд этой организации.

¹⁶ Международное социалистическое движение (II Интернационал) (1889–1919) – международное объединение социалистических рабочих партий. В РГАСПИ есть фонд этой организации.

¹⁷ Меринг (Mehring) Ф. (1846–1919) – один из ведущих марксистских историков. В РГАСПИ есть его фонд.

¹⁸ Цеткин (Zetkin) К. (1857–1933) – деятель международного коммунистического движения, одна из основателей Коммунистической партии Германии. В РГАСПИ есть ее фонд.

¹⁹ Люксембург (Luxemburg) Р. (1871–1919) – деятель международного социал-демократического движения. В РГАСПИ есть ее фонд.

Дитца²⁰. Переписка Фолльмара²¹, Шлютера²², Рихарда Фишера²³. Письма Люксембург к Конр. Генишу²⁴ и Радеку²⁵ 1911–1912 гг., рисующие борьбу левых в германской с.-д. Все это несомненно может быть широко использовано для разоблачения всех гнусностей и подлостей современной социал-демократии.

Мы собираемся перестроить работу Института Маркса и Энгельса коренным образом. [...]

Директор ИМЭ:

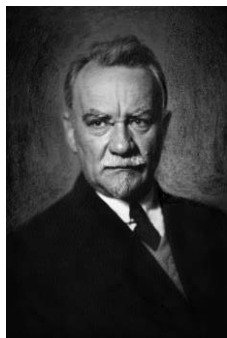
В.Адоратский (В.Адоратский)

Зам. директора ИМЭ:

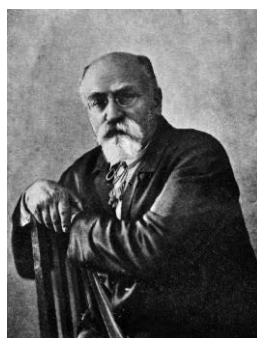
Товстуха (И.Товстуха)

29.III. 31 г.

РГАСПИ. Ф.71. Оп.3. Д.32. Л.97а, 97а об, 97, 96–96 об., 94. Машинопись с рукописными вставками. Подписи – автографы. Дата вписана чернилами.

Адоратский В.В.

Рязанов Д.Б., 1930 г.

²⁰ Дитц (Dietz), И.Г.В. (1843–1922) – социал-демократ, основатель социал-демократического издательства, издатель рукописей Маркса и Энгельса.

²¹ Фолльмар (Vollmar) Г., фон (1850–1922) – лидер баварских социал-демократов.

²² Шлютер (Schluter) Г. (ум. в 1919 г.) – социал-демократ, в 80-х годах руководитель социал-демократического издательства в Цюрихе, один из основателей архива германской социал-демократии.

²³ Фишер (Fischer) Р. (1855–1926) – немецкий социал-демократ.

²⁴ Гениш (Haenisch) К. (1876–1925) – немецкий журналист и политик. Член Социал-демократической партии Германии.

²⁵ Радек К.Б. (1885–1939) – деятель международного социал-демократического и коммунистического движения. В РГАСПИ есть его фонд.

2.

**Заявление Д.Б.Рязанова в редакцию журнала «Большевик»
(копия в Политбюро ЦК ВКП (б)) о публикации письма Маркса**

11 апреля 1931 г.

Копия

Посылаю Вам свои замечания по поводу опубликования письма Маркса. Прошу копию сообщить в Политбюро. Вы увидите, что это не только литературный вопрос. Именно поэтому я останавливаюсь только на политической стороне дела и оставляю совершенно в стороне ошибки расшифровки, перевода, комментария и примечаний.

Д.Рязанов.

В редакцию «Большевика».

В номере пятом «Большевика» напечатано из материалов Института Маркса и Энгельса «Письмо Маркса к его дочери Дженни Лонге»²⁶. Вы позволите мне сделать некоторые поправки к вступительным замечаниям автора, который пишет от имени Института.

Сначала архивная справка. В Институте имеются все сохранившиеся письма Маркса к его старшей дочери, но за исключением письма от 11 апреля 1881 г. только в фотографиях. Все письма принадлежат Жанну Лонге²⁷, но – чего он до сих пор не знал – ему в свое время были возвращены не все. Одно было «присвоено» Смирновым²⁸ с ведома русских марксистов.

В 1899 г. никто не говорил о меньшевиках, но много говорили о ревизионизме. Каутский был тогда в зените своей марксистской славы. Лонге связан был с французскими оппортунистами. Смирнов решил не только не опубликовывать отзыв о Каутском, но и возвращать Лонге письмо, чтобы оно не было истолковано кем-нибудь из французских оппортунистов.

²⁶ Письмо К.Маркса от 11 апреля 1881 г. было впервые опубликовано в сокращении в журнале «Начало» (1899. №5). См.: [5, с.146–149].

²⁷ Лонге (Longuet) Ж. (1876–1938) – один из лидеров 2-го Интернационала. Сын дочери Маркса Женни Лонге. Его фонд есть в РГАСПИ.

²⁸ Е. Смирнов – литературный псевдоним Э.Л.Гуревича (1866–1952) – публициста, народо-вольца, социал-демократа, марксиста. В 1889 г. жил в Цюрихе, в 1900 г. председатель русской делегации на Международном социалистическом конгрессе 2-го Интернационала в Париже.

Мне об этом Смирнов рассказывал еще в 1900 г., когда я опять попал в Париж. Помнится мне, что с этим инцидентом были знакомы тогда все «старики» – и из группы «Освобождения Труда»²⁹, и из «Искры»³⁰. Но тогда все хорошо знали, что отзыв Маркса объяснялся определенными условиями «времени и места». Знали, что Каутский в начале 1881 г. еще только приближался к марксизму, что он недавно опубликовал книгу о Мальтусе (много статистики!)³¹, от которой он после отказался, что Маркс тогда имел основание считать Каутского, вместе с Бернштейном³², членом подозрительной «клики» Гехберга³³.

Письмо было после передано Смирновым Мартову³⁴. Когда я много лет спустя, но еще до войны работал над историей первого Интернационала, я получил от Лонге письма Маркса. Об исчезнувшем письме он не имел никакого представления.

Письма во время войны и революции совершили не одно путешествие, пока опять не попали ко мне. После настойчивых требований Лонге я вернул письма, предварительно сфотографировав их.

Когда Мартов умер, я, ссылаясь на сообщение Смирнова, просил Николаевского³⁵ узнать у Л.Цедербаум³⁶, сохранилось ли в бумагах покойно-

²⁹ «Освобождение труда» (1883–1903) – первая российская марксистская организация, созданная в Женеве Г.В.Плехановым. В нее входили В.Н.Игнатов, В.И.Засулич, Л.Г.Дейч и П.Б.Аксельрод.

³⁰ «Искра» (1900–1905) – первая общерусская нелегальная газета, основанная В.И.Лениным. «Старики», члены редакции – Ю.О.Мартов, А.Н.Потресов и др.

³¹ «Влияние роста населения на прогресс общества» («Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft»).

³² Бернштейн (Bernstein) Э. (1850–1932) – публицист, политик, идеолог марксизма, один из двух наследников архива Ф.Энгельса. В РГАСПИ есть его фонд.

³³ В машинописи оставлено место для рукописного текста.

³³ Гехберг – правильно: Хёхберг (Höchberg) К. (1853–1885) – социал-реформист, в 1876 г. примкнул к социал-демократической партии, основал и финансировал ряд газет и журналов реформистского направления.

³⁴ Мартов Ю.О. (1873–1923) – теоретик и практик социал-демократического движения, один из лидеров меньшевиков. С 1920 г. в эмиграции. В РГАСПИ есть его фонд.

³⁵ Николаевский Б.И. (1887–1966) – деятель социал-демократического движения, историк. С декабря 1924 по 1931 – заграничный представитель московского института Маркса–Энгельса, собирал для него материалы по истории Интернационала, Маркса, Энгельса, Парижской коммуны и др. В феврале 1932 г. лишен советского гражданства.

³⁶ Цедербаум (Канцель, Дан) Л.О. (1878–1963) – сестра Мартова, жена меньшевика

«СЛЕДОВАЛО БЫ БЫСТРЕЕ ОПУБЛИКОВАТЬ ВСЕ ЭТИ ПИСЬМА ...»

го письмо Маркса. К счастью, его удалось найти. Сначала мы получили письмо с «купюрой»³⁷, но после удалось убедить, через посредство того же Николаевского, Л.Цедербаум отдать мне письмо Маркса, но только на условиях, о которых она пишет в своем письме.

Должен ли я был соглашаться на эти условия? Конечно, да. Иначе письмо осталось бы у меньшевиков. А теперь оно через меня попало в Институт. Не надо забывать, что огромное количество документов, собранных мною, начиная с 1909 года, доверенных *мне лично*, но с обязательством возвращения, находится теперь в Институте, но принадлежат к числу «секретных», ибо они все же «присвоены» не совсем законным путем. Вообще без целого ряда «маневров», без, всем близким товарищам хорошо известных, моих больших связей во 2 Интернационале нам бы никогда не удалось собрать те сокровища, которыми по праву может гордиться Институт Маркса и Энгельса.

Возвращаясь к письму Маркса. Оно все-таки было *украдено* у владельца, который сохранял все свои права на него. И с этим фактом надо было считаться. Если бы Лонге узнал об этом, он поднял бы большой скандал и нам мало помогло бы, если бы мы доказали на основании письма Л.Цедербаум, что не мы «украли» это письмо, а тут было еще одно важное обстоятельство. Через Лонге я мог надеяться получить еще другие документы как лично от него или братьев³⁸, – он все еще не может найти некоторые рукописи Маркса, полученные от Лафарга, – так и от других, связанных с ним французских социалистов, в первую очередь от Браса³⁹, у которого хранится архив Геда⁴⁰. Последнее было – фотографирование архива – уже налаживалось. И главным образом это почти вы заставляли нас – меня и Цобеля⁴¹ – «скрывать» письмо Маркса, а не желать «спасать» репутацию Каутского.

Ф.И.Дана. С 1922 г. в эмиграции.

³⁷ *Т.е. с изъятием текста.*

³⁸ *Имеются в виду сыновья Ж.Лонге Карл-Жан и Робер-Жан Лонге.*

³⁹ *Брас – сведения не установлены.*

⁴⁰ *Гед (Guesde) Ж. (1845–1922) – один из основателей Французской рабочей партии, деятель II Интернационала, пропагандист марксизма.*

⁴¹ *Цобель Э.И. (1886 – после 1947) – венгерский коммунист, с 1922 по 1931 г. – зам. директора ИМЭ, с 1935 по 1947 г. – зав. венгерским сектором в издательстве литературы на иностранных языках.*

В «Воинствующем материалисте» письма Маркса были напечатаны⁴² до получения оригинала «украденного» письма, следовательно, на основании фотографий и старого увиденного письма («из «Начала»).

Мы – вместе с Цобелем – собирались опубликовать письма Маркса к дочери в немецком издании «Архива Маркса и Энгельса»⁴³, но, конечно, без «украденного» письма, ибо такая публикация возможна была за границей только с разрешения Лонге. Но после пришлось отказаться от такого плана, потому что Лонге решил опубликовать эти письма в своем новом журнале «...».

На мертвого все можно валить. Но надо же все-таки знать меру. И я думаю, что эта мера не соблюдена, когда новый реорганизованный институт Маркса и Энгельса пишет на страницах «Большевика»:

«Рязанов, так много распространявшийся на тему о том, что он, в противоположность Бернштейну, дает нефальсифицированного Маркса, печатает его письма, якобы (!?) безо всяких сокращений, в данном случае тщательно скрывал (!) оригинал *этого* письма, чтобы оградить авторитет Каутского, а на самом деле вычеркивал (!) убийственную характеристику Каутского».

Мертвые молчат, бумага всё терпит!

11 апреля 1931 г.

РГАСПИ. Ф.71. Оп.3. Д.41. Л.276–274. Машинопись.

3.

Заявление Д.Б.Рязанова в Политбюро ЦК ВКП (б) об источниках формирования архива Института Маркса и Энгельса и «скрываемых» документах

12 апреля 1931 г.

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б).

В пятом номере «Большевик» новая до сих пор неизвестная мне дирекция Института Маркса и Энгельса, в связи с опубликованием письма Маркса и Энгельса к дочери, обвиняет меня в «скрывании» документов. В особом письме в редакцию «Большевика» я останавливаюсь более подробно на этом специальном случае.

⁴² Письма Маркса к Женни и Шарлю Лонге были опубликованы в журнале «Воинствующий материалист» (1925. Кн. IV).

⁴³ С 1924 по 1930 г. было издано 5 томов «Архива Маркса и Энгельса».

⁶ В машинописи оставлено место для рукописного текста.

«СЛЕДОВАЛО БЫ БЫСТРЕЕ ОПУБЛИКОВАТЬ ВСЕ ЭТИ ПИСЬМА ...»

В этом заявлении я хочу затронуть важный политический вопрос. Я действительно *скрывал* многочисленные документы, но считаю, что действовал политически совершенно правильно. Так и письмо Маркса к дочери принадлежало к числу *скрываемых* документов, ибо оно состояло в фонде *присвоенных* или *украденных* бумаг. О таком фонде я говорил неоднократно в различных инстанциях, близким товарищам, об этом фонде в Москве говорили всякий вздор, ставя нас в неудобное положение.

Несколько слов к истории этого фонда. Начиная с 1909 г., в связи с моими работами по истории первого Интернационала и изданию сочинений Маркса и Энгельса, мне удалось, используя фирму венского ученого общества, для которого я работал, а также свои старые связи, получить в свое распоряжение большое число документов, с обязательством вернуть их после использования.

Так мною получены были, через посредство Бебеля и Броуна⁴⁴, многочисленные документы из архива немецкой социал-демократии, которые – *за некоторыми исключениями* – были возвращены. Но имеются и большие фонды, которые остались у меня и были мною переданы в Институт.

На первом месте стоит фонд, полученный мною в 1911 г. от Лафаргов, но с обязательством отдать их после использования в архив немецкой партии для присоединения к остальным бумагам Маркса и Энгельса. Когда я получил их из Вены в 1921 г., я оставил их для дальнейшего «использования». Но мы тщательно *скрывали* от публики и внешнего мира этот фонд. На него имеют право или наследники Маркса, или архив, который должен иметь мое письменное обязательство передать документы Маркса, но который до сих пор, благодаря смене различных заведующих и беспорядку, воцарившемуся там после войны, не нашел его. Мы решили в случае, если им даже удастся найти мое письмо, заявить, что я обязался передать их старой объединенной социал-демократии, и потому согласны вернуть их только новой единой партии рабочего класса. Все это хорошо известно Цобелю, единственному сотруднику Института, не исключая Деборина⁴⁵, который посвящен был во

⁴⁴ Браун (Braun) А. (1862–1929) – журналист и политик, с 1920 по 1927 в правлении СДПГ, ведал архивом партии и отвечал за издательскую деятельность.

⁴⁵ Деборин А.М. (1881–1963) – меньшевик, с февраля 1929 г.; до начала 1931 г. – зам. директора ИМЭ.

все политсекреты. Только о бумагах Бернштейна, полученных мною из ГПУ и хранившихся у меня дома, он ничего не знает, по мотивам, о которых в свое время сообщил т. Ягоде⁴⁶.

Второй секретный фонд – бумаги, полученные мною от Каутского, если мне не изменяет память в 1911 г. Они хорошо известны Бухарину, который помогал мне – в Вене – приводить их в порядок. Они у нас до сих пор хранятся в конвертах с подписями Бухарина⁴⁷. Если я не вернул их до сих пор, то только благодаря счастливой случайности. Я не торопился отдавать их, а Каутский, не наткнувшись до сих пор на мою расписку, вероятно, забыл, что передал эти бумаги мне, а не Бебелю, от которого он их получил. Цобелю известно, что мы решили, если Каутский и дальше вспомнит о них, считать его бумаги частью фонда Лафаргов.

Третий секретный фонд – бумаги, полученные мною от покойного Карла Либкнехта. С ними дело обстоит сложнее. Братьям было известно, что Карл передал мне какие-то бумаги, в том числе письмо Маркса и Энгельса. Так как они успели более тщательно собрать архив отца, они нашли гораздо больше писем Маркса и Энгельса. Мы долго не соглашались вернуть письмо Маркса и Энгельса, но так как это оказалось единственным средством получить фотографии остальных писем, то в последнюю мою поездку⁴⁸ я заключил с ними договор, в силу которого братья Либкнехта позволили мне сфотографировать весь архив отца с правом опубликовать не только все письма Маркса и Энгельса к отцу, но и письма Бебеля, Ауэра⁴⁹, Зингера⁵⁰ и др. Мы получили, таким образом, в свое распоряжение важнейшие источники для истории Второго Интернационала. Остальные бумаги из фонда Карла Либкнехта остались у нас.

О мелких фондах я не буду говорить; ясно, что документы не купленные, а присвоенные, но мы до сих пор, используя их научно, должны

⁴⁶ Ягода Г.Г. (1891–1938) – в 1927–1934 первый зам. председателя ОГПУ, с июля 1934 по октябрь 1936 г. нарком внутренних дел.

⁴⁷ Бухарин Н.И. (1886–1938) – революционер, с 1912 г. в эмиграции. Член Политбюро ЦК ВКП (б) (1924–1929). Рязанов и Бухарин знали друг друга со времени австрийской эмиграции и сотрудничали в 1928–1930 гг.

⁴⁸ Д.Б.Рязанов был в Австрии с супругой летом 1930 г. два месяца для лечения.

⁴⁹ Ауэр (Auer) И. (1846–1907) – социал-демократ, секретарь Социалистической партии Германии в 1875 г.

⁵⁰ Зингер (Singer) П. (1844–1911) – один из лидеров СДПГ, сопредседатель СДПГ в 1890–1911 гг. вместе с А.Бебелем.

«СЛЕДОВАЛО БЫ БЫСТРЕЕ ОПУБЛИКОВАТЬ ВСЕ ЭТИ ПИСЬМА ...»

были [их] *скрывать*. Именно потому мы ни в одном из наших отчетов никогда не упоминаем об этих фондах, именно потому они до сих пор не вошли в наш официальный архив.

12 апреля 1931 г.

Д.Рязанов.

Верно: Хряпкина.

Пометы: сверху слева чернилами: т. Товстухе. Сверху справа: С.Секретно.

РГАСПИ. Ф.71. Оп.3. Д.32. Л.126–124. Машинопись с рукописными пометами. Подпись делопроизводителя – автограф.

4.

**Докладная записка директора ИМЭЛ В.В.Адоратского
в Политбюро ЦК ВКП (б) о необходимости публикации
скрываемых Д.Б.Рязановым документов Маркса, Энгельса
и немецких социал-демократов**

2 июня 1931 г.

С.Секретно.

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП (б)

В архиве Института Маркса и Энгельса Рязановым хранилось большое количество копий писем Маркса и Энгельса, которые он по различным соображениям не публиковал. Письма Энгельса к Каутскому в фотокопиях с оригинала Рязанов, очевидно, не публиковал из-за личных отношений к Каутскому. Письма эти представляют большой теоретический интерес.

Письма Энгельса к Бебелю, имеющиеся в фото с машинописной копии, представляют еще больший и теоретический, и политический интерес. Эти копии были добыты из архива германской с.-д., очевидно, нелегальным путем, почему Рязанов их также не опубликовывал.

Кроме того, есть еще копии переписки Зорге⁵¹, содержащие ее полностью со всеми теми местами, которые были выброшены при издании этой переписки социал-демократами в 1906 г.⁵²

⁵¹ Зорге (Sorge) Ф.А. (1828–1906) – Член и секретарь Генерального совета I Интернационала в 1872–1874 гг. В РГАСПИ есть его фонд.

⁵² «Briefe und Auszüge aus Briefen von Joh.Phil. Becker, Jos. Dietzgen, Friedrich Engels, Karl Marx u. A. an F.A.Sorge und Andere». Stuttgart, 1906. («Письма и отрывки из писем Иог. Фил. Беккера, Иос. Дицгена, Фридриха Энгельса, Карла Маркса и др. к Ф.А.Зорге и другим». Штутгарт, 1906).

Мы считаем, что следовало бы быстрее опубликовать все эти письма, как ввиду их огромной ценности теоретической и политической, так и по соображениям чисто практического порядка, а именно: если мы публикуем письма сейчас, то с.-д., если эти письма добыты нелегальным путем, вынуждены будут обвинять в этом Рязанова. Если же мы задумаем публикацию и опубликуем письма позже, то тогда с.-д. могут иметь основания переносить вину на нас.

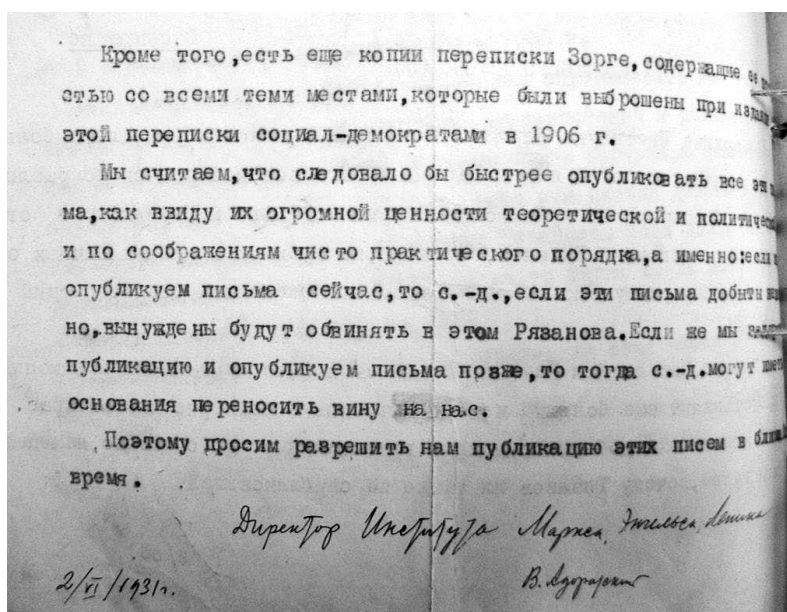
Поэтому просим разрешить нам публикацию этих писем в ближайшее время⁵³.

Директор Института Маркса, Энгельса, Ленина.

В.Адоратский.

2/VI/1931 г.

РГАСПИ. Ф.71. Оп.3. Д.32. Л.75–75 об. Машинопись на ½ л. Подпись и дата вписаны чернилами. Л.76–76 об. Отпуск (Машинописная копия с отправленного документа, сделанная через копирку).

⁵³ Полностью письма были опубликованы в Сочинениях (1 изд.) К.Маркса и Ф.Энгельса в 1935 г. (т. XXVII).

№5.

**Заявление Э.Л.Гуревича (из ссылки в Курск)
ученому секретарю ИМЭ А.И.Ангарову⁵⁴
о судьбе письма Маркса 1881 г.**

6 июня 1931 г.
Курск. 6/VI-31 г.
Даньшинская, 3. Кв.2.

Ученому секретарю Института Маркса и Энгельса тов. Ангарову.

Уважаемый товарищ.

Только теперь я имел возможность ознакомиться с напечатанной заметкой (в «Большевике»), сопровождающей письмо Маркса к дочери его Женни.

С целью восстановить истину в части, меня касающейся, считаю нужным сообщить следующее.

Вскоре после опубликования в «Начале» писем Маркса⁵⁵, Лонге потребовал у меня вернуть письма, говоря, что ему их нужно передать немцам, обидевшимся тем, что такие письма впервые публикуются не у них, а в России. Я вернул все письма (в том числе и еще не опубликованные мною), за исключением одного, которое я хотел сохранить для нас, русских, опасаясь, что оно затеряется. Вам *теперь*, с нынешней точки зрения, это покажется странным, но для меня *тогда*, в 1899 г., главная ценность письма была не в пассаже о Каутском, а в том месте, где Маркс говорит о Народной Воле⁵⁶ (тогда это был единственный известный мне отзыв Маркса об этой партии). Как это ни трудно для Вас, но попытайтесь хотя бы на одну минуту проникнуться логикой соц.-демократа 1899 г. Я не помню, приходилось ли мне говорить с покойным В.И.Лениным об этом письме, – скорее да, чем нет, но я не уверен в этом, – однако не подлежит ведь ни малейшему сомнению, что, попади оно тогда к нему в руки, он бы так же не напечатал письма о Каутском,

⁵⁴ Ангаров А.И. (1898–1937) – в 1937 зам. зав. отделом культпросветработы ЦК ВКП (б).

⁵⁵ В журнале (центральный орган меньшевиков) «Начало» (1899. №5), членом редакции которого был Гуревич.

⁵⁶ «Народная воля» (1879–1881) – революционная народническая организация, которую возглавили А.Д.Михайлов, С.Л.Перовская, В.Н.Фигнер, Н.А.Морозов, А.И.Желябов и др.

как не напечатал его я (да никакое социалистическое издание и не согласилось бы его опубликовать). И не напечатал бы, во-первых, ввиду того положения всеми признанного главного теоретика марксизма, какое *тогда* занимал Каутский в международной соц.-демократии; во-вторых, потому, что он знал первую юношескую – мальтузианскую – работу Каутского, вышедшую незадолго до того времени, к которому относится отзыв Маркса и, конечно, повлиявшую на этот отзыв; в-третьих, потому, что он знал отношение Энгельса к Каутскому. Конечно, теперь этот отзыв расценивается – да и не может политически не расцениваться – иначе. Но *тогда* и Каутский был другим, да и мы были другие.

Как бы то ни было, я оставил это письмо у себя. Оставалось оно у меня до 1907 г., когда, расставаясь в Териоках с покойным Ю.О.Мартовым, уезжавшим за границу, между тем как я перебрался в Петербург⁵⁷, я его передал Мартову. Когда я в начале 1906 г. был арестован, оно только случайно не попало в руки полиции, потому что, к счастью, я был взят за Невской заставой, на собрании, и мог не указать жандарму своего адреса, так как жил у одного товарища нелегально без прописки.

К дальнейшей судьбе этого письма я никакого касательства не имел. Я знал из доклада Д.Б.Рязанова в Комакадемии, что он тщетно добивался получения этого письма от наследников Мартова. Но о том, что оно впоследствии передано было в Институт, как и о письме Л.О.Цедербаум-Дан, я узнал только из «Большевика». Это может показаться невероятным тем, которые создали извращенное представление о моем положении и моей роли в Институте Маркса и Энгельса и по милости которых я вынужден сейчас околачиваться здесь, в чужом городе, без работы, испытывая всевозможные лишения и вдали от необходимой мне в мои годы семейной обстановки, но тем не менее это факт: и то и другое мне стало известно только теперь.

Когда в 1925 г. решено было вновь напечатать письма Маркса с прибавлением прежде напечатанных, Д.Б.Рязанов предложил мне этим заняться. Я узнал тогда, что он приобрел эти письма у Лонге. Я просмотрел старый перевод, часть новых писем сам перевел, часть поручил перевести и проредактировал перевод.

⁵⁷ В 1907–1909 гг. Гуревич – сотрудник либеральной газеты «Товарищ», один из создателей и ведущих сотрудников ликвидаторского журнала «Наша заря».

«СЛЕДОВАЛО БЫ БЫСТРЕЕ ОПУБЛИКОВАТЬ ВСЕ ЭТИ ПИСЬМА ...»

Что касается точности перевода, я, за неимением материала под руками, ничего конкретного не могу сказать. Во всяком случае, у меня не могло быть никаких оснований смягчать отзывы о Гайдмане⁵⁸ и Лассале⁵⁹.
Эм.Гуревич.

Список сокращений

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)

Библиографический список

1. «Я не совершал никакого преступления»: Две саратовские рукописи академика Д.Б.Рязанова. 1932–1934 гг. / Г.Д.Головина, Я.Рокитянский // Исторический архив. 1995. №2. С.201–221.
2. В.И.Ленин, КПСС и партийные архивы. М., 1989. 254 с.
3. Два письма в «Правду» / Я.Г.Рокитянский // Вестник Российской Академии Наук. 1993. Том 63. №11. С.1038–1044.
4. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1924, 13 июля. №158.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.35. М., 1964. 526 с.
6. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.814.
7. Рокитянский Я. Из биографии Д.Б.Рязанова: разгром Института К.Маркса и Ф.Энгельса (март 1931 г.) // Отечественные архивы. 2008. №4. С.10-23.
8. Рокитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. Академик Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М.: Academia, 1996. 464 с.
9. Смирнова В.А. Первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса Д.Б. Рязанов // Вопросы истории КПСС. 1989. № 9. С.71–84.
10. Хеделер В. Давид Рязанов и Николай Бухарин на боевом посту // Д.Б.Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 1996. С.70–78.

⁵⁸ Гайдман (Hundman) Г.М. (1842–1921) – один из лидеров Британской социалистической партии, из которой исключен в 1916 г. за пропаганду в пользу империалистической войны.

⁵⁹ Лассаль (Lassalle) Ф. (1825–1864) – один из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863); положил начало оппортунистическому направлению в германском рабочем движении. В РГАСПИ есть его фонд.

Наши авторы

Давтян Ваге Самвелович

кандидат политических наук,
доцент Российско-Армянского (Славянского) университета

Бояркина Оксана Александровна

кандидат политических наук, ведущий эксперт Центра
экспертно-аналитического сопровождения и информационных
технологий Счетной палаты Российской Федерации

Романько Олег Валентинович

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского

Бранденбергер Дэвид

доктор исторических наук (Гарвард), профессор,
Ричмондский университет (г. Ричмонд, США)

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России

Каравашкин Андрей Витальевич

доктор филологических наук, профессор РГГУ

Тараторкин Филипп Георгиевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Средневековья и Нового времени РГГУ,
директор Гуманитарного архива РГГУ

Антонова Ирина Константиновна

кандидат философских наук, главный специалист РГАСПИ

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, старший научный
сотрудник Центра «История России в XIX–начале XX в.»,
ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук

Зеленов Михаил Владимирович

доктор исторических наук, главный специалист РГАСПИ

Our authors

Davtyan Vahe Samvelovich

Ph.D. in political sciences,
associate professor at Russian-Armenian (Slavonic) University

Boyarkina Oksana Aleksandrovna

Ph.D. in political sciences, leading expert of the Center
for Expert-Analytical and Information Technologist
of the Accounts Chamber of the Russian Federation

Romanko Oleg Valentinovich

D.Sci.historian, Professor, Department of Russian History,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University

Brandenberger Devid

D.Sci., historian (Harvard), Professor,
University of Richmond (Richmond, USA)

Degoev Vladimir Vladimirovich

D. Sci., historian, Director of the Center for the Caucasus Problems
and Regional Security, Professor of Moscow State Institute
of International Relations–University

Karavashkin Andrey Vital'evich

D.Sci., philologist, Professor, Chair of Early and Modern Russian
History, Russian State University for Humanities

Taratorkin Philipp Georgievich

Ph.D., historian, assistant professor of Chair of Early and Early
Modern Russian History and Director of Humanitarian Archive,
Russian State University for Humanities

Antonova Irina Konstantinovna

Ph. D, philosopher, head specialist,
the Russian State Archive of Socio-Political History

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., historian, assistant Professor, a senior fellow researcher at
the Center "History of Russia in XIX-early twentieth century", FGBUN
Institute of Russian History, the Russian Academy of Sciences

Zelenov Mikhail Vladimirovich

D. Sci., historian, Professor, head specialist,
the Russian State Archive of Socio-Political History

*Памяти нашего дорогого друга и соратника
Ксении Григорьевны Мяло*

26 марта 2018 года в Москве скоропостижно скончалась многолетний сотрудник и друг нашего международного фонда «Экспериментальный творческий центр», крупный советский и российский культуролог, политолог, социолог и публицист Ксения Григорьевна Мяло.

Ксения Григорьевна была – хотя она и не любила это слово – настоящим русским интеллигентом. Большой специалист в самых разных областях гуманитарного знания, она обладала не только широчайшим профессиональным кругозором. Она очень внимательно осмысливала и неравнодушно – иногда просто эмоционально яростно – переживала все важнейшие события отечественной и мировой жизни.

Ксения Григорьевна переживала эти события вовсе не как кабинетный ученый. Ее книги по разноплановым горячим вопросам новейшей истории проникнуты пафосом личной заинтересованности, сопричастности и ответственности.

Так Ксения Григорьевна писала и о молодежном протесте 50–70-х годов XX века («Под знаменем бунта», 1985), и о спорных проблемах соотношения православия (которое она исповедовала) с теософскими доктринами («Звезда волхвов, или Христос в Гималаях: Н.К.Рерих и православие», 1999), и о трагических событиях первого постсоветского десятилетия («Россия и последние войны XX века. К истории падения сверхдержавы», 2002), и о великих и горьких столетиях отечественного историософского выбора («Между Востоком и Западом. Опыт геополитического и историософского анализа», 2003), и о проблемах выстраивания отношений нынешней России с непризнанными осколками Советского Союза («После СССР. Российская Федерация и непризнанные государства», 2012).

Горячая и активная интеллигентская сопричастность Ксении Григорьевны самым острым процессам в России и мире наиболее ярко проявлялась в ее журнальной и газетной публицистике. Многие десятки ее статей (в том числе, в нашем журнале «Россия XXI», в других ведущих журналах и газетах), статей острых, аргументированных, выверенных по содержанию и стилю, – всегда находили живой и заинтересованный отклик у множества читателей.

Вообще не чуралась Ксения Григорьевна и актуальной общественной и политической деятельности. Будучи родом из Приднестровья, она с особой болью переживала события войны и дальнейшей борьбы непризнанной республики за независимость от взявшей антироссийский курс

Молдавии. И своей аналитикой, и своим прямым политическим участием Ксения Григорьевна внесла большой вклад в урегулирование приднестровского конфликта и отстаивание мирного развития Приднестровской республики. Ее заслуги в этой деятельности отмечены наградами ПМР: Орденом Почета и медалью «Участнику миротворческой операции в Приднестровье».

В 1993 году Ксения Григорьевна стала одним из основоположников и активным участником нашего интеллектуально-дискуссионного клуба «Содержательное единство». Она постоянно высказывала свой взгляд по животрепещущим проблемам как на заседаниях клуба, так и на проводимых клубом международных семинарах и конференциях.

Неожиданная смерть оборвала так нужный обществу голос неординарно талантливого ученого, голос публициста и настоящего патриота своего Отечества. Это большая, невосполнимая утрата.

Мы глубоко скорбим о потере замечательного человека, нашего близкого друга и учителя.

Выражаем искренние соболезнования родным и близким Ксении Григорьевны.

*Коллектив «Экспериментального творческого центра»
Члены клуба «Содержательное единство»
Редакция журнала «Россия-XXI»*

**Публикации Ксении Мяло
в журнале «Россия XXI»**

1993

1. Путь странника	№1
2. Россия и Европа: шифр истории	№5
3. После Крымской войны
или трагедия русского универсализма	№7
4. После Крымской войны
или трагедия русского универсализма (окончание)	№8
5. Возвращение трагедии	№11–12

1994

6. Хождение к варварам или вечное путешествие
маркиза де Кюстина	№3
7. Хождение к варварам или вечное путешествие
маркиза де Кюстина (окончание)	№4–5

1995

8. Вызов истории: русские и XXI век	№7–8

1996

9. Русская Каносса?	№5–6

1999

10. Размышления после юбилея	№5

2001

11. Наследие Потсдама	№1

2002

12. Под знаком тысячелетнего раскола:
Москва и Рим на пороге XXI века №3

2005

13. Та война №3

2006

14. На круги своя: перед вызовом глобализации №5

15. На круги своя:
перед вызовом глобализации (продолжение) №6

2007

16. На круги своя:
перед вызовом глобализации (окончание) №1

2009

17. Русская православная церковь
и советское наследие №6

2011

18. За горизонтом «нулевых»:
РФ и Приднестровье №4

2015

19. В стороне от главной улицы №4

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

Подписной индекс 39363 – по объединенному каталогу «Пресса России» (подписка возможна с любого месяца)

Для иностранных читателей подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12 e-mail: info@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала оформляется через Научную электронную библиотеку: www.elibrary.ru

УДОБНЕЙ ВСЕГО ЖУРНАЛ КУПИТЬ В РЕДАКЦИИ

Кроме того журнал «Россия XXI» можно заказать с доставкой по всей России или купить в книжном интернет-магазине «Русская деревня». тел. 8-495-922-60-36 сайт www.hamlet.ru

Журнал появился в киосках РОССПЭНа по 2 адресам:

- ул. Б. Дмитровка, д.15 тел.8-495-694-50-07;
- ул. Дмитрия Ульянова, д.19 тел. 8-499-126-94-18

ISSN 0869–8503

**Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2018.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 15.04.2018. Формат 60x88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,75 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 300 экз.) Заказ №**

**Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, г.Чебоксары, пр. И.Яковлева, 13.**

2.2018 march-april

Geopolitics and International Policy Issues

Vahe Davtyan

Russian Transport and Logistic Initiatives
in the South Caucasus _____ **6**

Oksana Boyarkina

FRG's Policy on Water Resources Management
in the Central Asian Region _____ **28**

Pages of History

Oleg Romanko

Crimea in the German «Eastern policy»: the Main Changes
in the Context of the Occupations
of 1918 and 1941–1944 _____ **48**

Devid Brandenberger

On Some Aspects of the “Leningrad Affair” _____ **66**

Labels and Myths

Vladimir Degoev

Barbarian World Through Civilized Eyes
(On the Question of Cross-Cultural Influences) _____ **80**

Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Andrey Karavashkin, Philipp Taratorkin

The Current Historiography: History as Self-Consciousness.

On A.L.Yurganov's Book

"The Cultural History of Russia.

The 20th Century" _____ **102**

Irina Antonova

Karl Heinrich Marx:

From Philosophy and Ideology to Political Economy and Natural Science _____ **114**

Topical Archive

Nina Khailova

Liberal Centrist Vladimir Kuzmin-

Karavayev: "The State Should Go Before Its Citizens, Leading Them Towards Law,

Truth and Freedom" _____ **136**

Mikhail Zelenov

"It Would Make Sense to Publish These

Letters Quickly

in Light of Their enormous Value...".

D.B.Ryazanov

and the Publication of Marx. 1931 _____ **162**

РОССИЯ XXI